

Жоржи
АМАДУ

ЖУБИНАВА
МЕРТВОЕ МОРЕ

Библиотека
сентиментального
романа

Annotation

Роман «Жубиба» — фольклорный, он построен по принципу баллады и весь пронизан мотивами и символами народной поэзии.

- [Жоржи Амаду](#)
 - [БОКС](#)
 - [ДАЛЕКОЕ ДЕТСТВО](#)
 - [ПЕРЕУЛОК ЗУМБИ-ДОС-ПАЛМАРЕС](#)
 - [НИЩИЙ](#)
 - [НЕГР](#)
 - [«ФОНАРЬ УТОПЛЕННИКОВ»](#)
 - [МАКУМБА](#)
 - [БОРЕЦ](#)
 - [ГАВАНЬ](#)
 - [ПЕЧАЛЬНАЯ ПЕСНЯ МОРЯ](#)
 - [ОЖУ АНУН ФО ТИ ИКА ЛИ ОКУ](#)
 - [БЕГСТВО](#)
 - [БАРКАС](#)
 - [СЛАДКИЙ ЗАПАХ ТАБАКА](#)
 - [РУКА](#)
 - [БДЕНИЕ](#)
 - [ПОБЕГ](#)
 - [В ВАГОНЕ](#)
 - [ЦИРК](#)
 - [АНТРАКТ](#)
 - [АВС АНТОНИО БАЛДУИНО](#)
 - [ЗИМА](#)
 - [СУДЬБА](#)
 - [НЕГРИТЯНСКИЙ КЛУБ](#)
 - ["КАРАВЕЛЛА «КАТАРИНЕТА»\[44\]](#)
 - [ПЕСНЯ О МИЛОМ ДРУГЕ](#)
 - [ПОДЪЕМНЫЕ КРАНЫ](#)
 - [ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ЗАБАСТОВКИ](#)
 - [ПЕРВАЯ НОЧЬ ЗАБАСТОВКИ](#)
 - [ВТОРОЙ ДЕНЬ ЗАБАСТОВКИ](#)
 - [ВТОРАЯ НОЧЬ ЗАБАСТОВКИ](#)

- [ХАНС-МОРЯК](#)
- [АВС АНТОНИО БАЛДУИНО](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)

- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

[Другие книги серии «Библиотека сентиментального романа»](#)

Приятного чтения!

Жоржи Амаду
Жубиаба

*БАИЯ ВСЕХ СВЯТЫХ
И ЖРЕЦА ЧЕРНЫХ БОГОВ
ЖУБИАБЫ*

БОКС

Все, как один, вскочили со своих мест. И замерли, затаив дыхание. Судья считал:

— Шесть...

Но, раньше чем он успел произнести «семь», немец с трудом приподнялся на локте и, сделав невероятное усилие, встал. Усевшиеся зрители завопили. Негр яростно рванулся вперед и снова бросился на немца. Толпа ревела:

— Бей его! Бей его!

В тот вечер на Соборной площади яблоку негде было упасть. Разгоряченные, потные болельщики теснились на скамьях, заворуженно глядя на ринг, где негр Антонио Балдуино дрался с немцем Эргинном. Вековая громада собора закрывала своей тенью площадь. Редкие лампы скупо освещали помост. Солдаты, портовые грузчики, студенты, рабочие — все в простых штанах и рубашках жадно следили за дракой. И все — негры, мулаты, белые — болели за Антонио Балдуино, который уже дважды сбивал своего противника с ног.

Во второй раз было похоже, что немцу не подняться. Но, прежде чем судья произнес «семь», Эргин встал, и поединок возобновился. По рядам зрителей прокатился одобрителный гул. Кто-то пробормотал:

— А немец тоже парень что надо...

Однако симпатии болельщиков оставались на стороне сильного, высокого негра, чемпиона Баии в тяжелом весе. Теперь уже все орали без передышки, желая, чтобы матч кончился и немец остался лежать на ринге.

Какой-то тощий человек с испитым лицом в волнении кусал погасшую сигарету. Коренастый негр вопил:

— Бей нем-ца... Бей нем-ца... — и в такт своим выкрикам шлепал себя ладонями по коленям.

Все в нетерпении ерзали на своих местах и кричали так, что было слышно на площади Кастро Алвеса.

Однако в следующем раунде немец неожиданно ринулся на негра с такой яростью, что тот повис на канатах. Это не обескуражило зрителей, уверенных в своем любимце: сейчас он себя покажет... Антонио Балдуино нацелил было кулак в окровавленное лицо немца, но Эргин опередил его и молниеносным выпадом нанес негру страшный удар в правый глаз. И, не давая ему опомниться, навалился на негра и теперь молотил его по лицу,

животу, груди. Балдуино снова безвольно повис на канатах, не отвечая на сыпавшиеся удары. «Только бы не упасть», — думал он, изо всех сил цепляясь за спасительные канаты. Немец, молотивший его по лицу, казался негру дьяволом. У Балдуино из носа лила кровь, правый глаз заплыл, щека под ухом была разорвана. Он как в тумане видел перед собой прыгающего белого человека, и глухо, словно издалека, до него доносился рев толпы. Зрители бесновались: их герой, того гляди, растянется на ринге. Они ревели:

— Задай ему, задай ему, негр!

Но вскоре, сраженные происходящим, смолкли. Немец избивал негра, и тот даже не сопротивлялся. И тогда толпа снова завывала, заулюлюкала:

— Черная баба! Баба в штанах! Бей его, белобрысый, бей его!

Негр покорно позволял избивать себя, и это приводило их в ярость. Они заплатили три мильрейса за право увидеть, как чемпион Баии разделает этого белого с его титулом чемпиона Центральной Европы. И вот теперь на их глазах разделяли негра. Болельщики негодовали, вскакивали с мест, подбадривали то белого, то негра. И все облегченно вздохнули, когда гонг возвестил конец раунда.

Антонио Балдуино, держась за канат, побрел в угол ринга. Человечек с сигаретой сплюнул и закричал:

— Где же он, негр Антонио Балдуино, победитель белых?

Антонио Балдуино услышал этот выкрик. Он отпил глоток кашасы из бутылки, протянутой ему Толстяком, и обернулся к зрителям, ища обидчика. Голос звучал металлом:

— Где он, победитель белых?

И часть зрителей подхватила и повторила хором:

— Где он? Где?

Балдуино обожгло, словно его хлестнули плетью. Он не чувствовал боли от ударов немца, но оскорбления своих были непереносимы. Он сказал Толстяку:

— Кончится матч — проучу этого типа. Следи за ним...

И едва прозвучал гонг и начался третий раунд, негр бросился на Эргина и нанес ему удар в челюсть и сразу же второй — в живот. Теперь зрители снова узнали своего любимца, и со всех сторон раздались возгласы:

— Давай, Антонио Балдуино, давай, Балдо, бей его!

Коренастый негр снова шлепал себя ладонями по коленям в такт своим выкрикам, а тощий человечек улыбался.

Балдуино осыпал немца ударами, и каждый удар распаллял его все

больше и больше. И когда немец налетел на Антонио Балдуино, норовя угодить ему в левый глаз, негр стремительно уклонился и затем с силой разжавшейся пружины снова нанес немцу страшный удар в челюсть. Чемпион Центральной Европы, описав в воздухе дугу, всей тяжестью рухнул на пол.

Охрипшая толпа скандировала:

— Бал-до... Бал-до... Бал-до...

Судья считал:

— Шесть... семь... восемь...

Антонио Балдуино, довольный, смотрел на белого, распростертого у его ног. Потом окинул взглядом обезумевших от восторга зрителей, ища крикуна, позволившего себе усомниться в нем, победителе белых. Не найдя его, негр улыбнулся Толстяку. Судья считал:

— Девять... десять...

Антонио Балдуино одержал верх над чемпионом Центральной Европы. Толпа восторженно приветствовала победителя. Но в оглушительном реве толпы он явственно различал металлический голос тощего:

— Негр, ты все еще бьешь белых...

Зрители потихоньку двинулись к выходу, но часть их бросилась к освещенному квадрату ринга и подняла на плечи негра Антонио Балдуино. За одну ногу его держали студент и грузчик, за другую — двое каких-то мулатов. Толпа пронесла победителя через всю площадь, до общественной уборной, где для боксеров была оборудована раздевалка.

Антонио Балдуино переоделся в синий костюм, глотнул кашасы, получил свои сто мильрейсов и, выйдя, сказал своим почитателям:

— У белого кишка тонка... Где ему тягаться с Антонио Балдуино. Такого, как я, не одолеть...

Он улыбнулся, спрятал деньги поглубже в карман брюк и направился в меблированные комнаты доны Зары, где его ждала Зэфа, девчонка-каброша^[1] с ослепительными зубами, приехавшая из Мараньяна.

ДАЛЕКОЕ ДЕТСТВО

С вершины холма Капа-Негро Антонио Балдуино глядел на город, сиявший внизу огнями. Едва вышла луна, на холме зазвучала гитара. Поились печальные песни. В заведение Лоуренсо-испанца заворачивали мужчины: поболтать и узнать газетные новости — для любителей пропустить стаканчик хозяин покупал газету.

В не по росту длинной, замурзанной рубаше Антонио Балдуино вечно гонял по грязным улицам и переулкам Капа-Негро с оравой таких же, как он, мальчишек. Несмотря на свои восемь лет, он уже верховодил ватагами сверстников, и не только теми, что жили на Капа-Негро, но и ребятами с соседних холмов. А по вечерам его любимым занятием было смотреть на сверкающий огнями город, такой близкий и такой далекий. Едва начинало смеркаться, он пристраивался на краю облюбованного им оврага и с нетерпением влюбленного ждал, когда зажгутся огни. Он ждал их, как ждет мужчина любовного свидания с женщиной. Глаза Антонио Балдуино были прикованы к городу. Он ждал, и его сердце билось все чаще, пока ночной мрак окутывал дома, склоны холмов и снизу, из города, все явственней поднимался невнятный гул множества людей, возвращавшихся домой и обсуждавших сделанные за день дела и совершившиеся прошлой ночью преступления.

Антонио Балдуино хоть и бывал в городе, но всегда под конвоем тетки, а с теткой разве что увидишь? В эти же вечерние часы он внятно чувствовал всю жизнь огромного города. Снизу до мальчика докатывался его шум. Мешанина звуков, волны голосов ползли по скользким склонам холмов. И Антонио жадно впитывал все это разноголосье, эту звучащую жизнь и борьбу. Он уже видел себя взрослым: вот он живет в вечной спешке, как и все другие, и каждый день должен бороться, чтобы выжить. Его глазенки сверкали, и не раз он еле сдерживался, чтобы не скатиться по склону холма вниз и вдоволь налюбоваться зрелищем города в пепельных сумерках. Конечно, пришлось бы лечь спать голодным, да еще получив изрядную трепку. Но не это удерживало его от желания разобраться в звуковой сумятице города, возвращавшегося домой после работы. Ему было жаль хоть раз не увидеть, как зажигаются огни: каждый вечер это было по-новому неожиданно и прекрасно.

Вот уже город почти совсем погрузился во мрак.

Антонио Балдуино замер в напряженном ожидании. Подул холодный

ветер, но он его не замечал: всем своим существом он наслаждался сумбуром звуков, возраставшим с каждой минутой. Он различал взрывы смеха, крики, косноязычные речи пьяниц, разговоры о политике, протяжные голоса слепцов, просящих подаяние Христовым именем, грохот трамваев... И жадно впитывал все, чем жил и звучал город.

Однажды он уловил звук, заставивший его содрогнуться. Он вскочил, весь дрожа от возбуждения. Он услышал плач, плач женщины и голоса, утешавшие ее. Это вызвало в его душе такую бурю, что он едва не лишился чувств. Плачет... кто-то, какая-то женщина плачет в сумеречном городе... Антонио Балдуино вслушивался в эти скорбные звуки, пока их не заглушил грохочущий по рельсам трамвай. Мальчик все еще стоял, боясь перевести дыхание, надеясь снова услышать потрясший его плач. Но, видно, женщину увели уже далеко, он больше ничего не слышал. В этот день он не притронулся к ужину и перед сном не удрал, как обычно, еще немного побегать с ребятами. Тетка ворчала:

— Мальчишка чего-то насмотрелся... Но поди попробуй узнай: клещами ничего из него не вытянешь...

В другие дни он дрожал от волнения, услышав сирену «скорой помощи». Там, внизу, кто-то страдал, и Антонио Балдуино, восьмилетний мальчишка, ловил эти отголоски страдания с блаженной мукой, похожей на муку любовных судорог.

Но огни, зажигаясь, очищали все. Антонио Балдуино успокаивался, созерцая вереницы ярких фонарей, его живые глаза омывались их светом, и он начинал мечтать, что когда-нибудь непременно сделает счастливыми всех ребят с Капа-Негро. Если бы кто-нибудь из его дружков подошел к нему в эту минуту, Антонио поразил бы его непривычной приветливостью: он не стал бы, как всегда, награждать мальчишку щипками или осыпать его ругательствами, которые выучил слишком рано. Он ласково провел бы ладонью по жестким курчавым волосам своего товарища, а потом обнял бы его за плечи. И, может быть, улыбнулся. Но мальчишки гоняли по улицам, забыв про Антонио Балдуино. А он все смотрел на огни. Он даже различал силуэты прохожих. Силуэты женщин и мужчин, должно быть, вышедших погулять. Позади него, на холме брэнчали гитары, велись беседы. Старая Луиза звала его:

— Балдо, иди ужинать! Ну что за мальчишка!

Тетка Луиза была для него и отцом и матерью. О своем отце Антонио Балдуино знал, что его звали Валентин, что молодым он был жагунсо^[2] у Антонио Конселейро, что любил он мулаток, ни одной встречной не пропускал, что страшный был выпивоха, и мог перепить кого угодно, и что

кончил он свою жизнь под колесами трамвая после очередного немислимого загула.

Все это мальчик узнал из рассказов тетки, когда она судачила с соседями о своем покойном братце. Она всегда кончала так:

— Красавчик был — ну просто загляденье... Зато уж такого драчуна и пьяницы — второго не сыщешь.

Антонио Балдуино жадно слушал ее рассказы, и отец виделся ему героем. И, уж конечно, отец каждый вечер бывал в городе, когда там зажигались огни. Часто мальчик пытался представить себе жизнь отца по тем историям, о которых он узнал от старой Луизы. Его воображение неустанно рисовало ему бесчисленные отцовские подвиги. Мальчик мог часами сидеть, уставившись на огонь, и думать об отце. Стоило ему услышать о каком-нибудь смелом и безрассудном поступке, как он тут же говорил себе, что его отец сделал бы то же самое или даже еще что-нибудь похлеще. Когда они с ребятами играли в разбойников и договаривались, кто кем будет, Антонио Балдуино, который еще ни разу не был в кино, заявлял, что он не хочет быть ни Эдди Поло, ни Элмо, ни Масисте...

— А я буду как будто я — мой отец...

Ребята удивлялись:

— А что такого сделал твой отец?

— Много чего...

— Он что, поднял автомобиль одной рукой, как Масисте?

— Подумаешь, дело, — мой отец один раз грузовик поднял...

— Грузовик?

— Да еще нагруженный...

— Интересно, кто это видел?

— Моя тетка видела, можете у нее спросить. А будешь зубы скалить — я тебя так тресну, сразу поверишь...

Не раз Антонио приходилось в драке отстаивать память отца, которого он не знал. По правде говоря, он дрался, защищая то, что сам же выдумал, но он твердо верил, что полюбил бы отца, если бы хоть раз его увидел.

О матери Антонио Балдуино не знал решительно ничего.

Никому не нужный, мальчик бродил по холму и еще никого не любил и ни к кому не испытывал ненависти. Он жил как зверек: свободный от всяческих чувств, он доверял только своим инстинктам. С бешеной скоростью он скатывался по склонам холма, скакал верхом на швабре, воображая себя всадником; на слова он был скуп, но с лица его не сходила улыбка.

Антонио Балдуино рано стал признанным вожаким среди мальчишек с

холма; ему подчинялись даже те, кто был старше его: он был мастер на всякие выдумки, и в храбрости никто не мог с ним сравниться. В стрельбе бумажными шариками его рука не знала промаха, глаза его метали молнии, едва завязывалась очередная драка. Они постоянно играли в разбойников. И он всегда был главарем. Часто он забывал, что это игра, и дрался по-настоящему. Он ругался как взрослый, и непотребные слова то и дело срывались у него с языка.

* * *

Он помогал старой Луизе готовить мунгунсу^[3] или мингау^[4] — она по вечерам торговала всем этим в городе. И помогал хорошо, вот только не умел толочь орехи. Мальчишки поначалу подняли его на смех и дразнили кухаркой, но насмешки быстро поутихли после того, как Антонио Балдуино разбил одному из них голову камнем. Получив от тетки изрядную взбучку, он так и не понял, за что она ему всыпала. И, верно, потому быстро простил ее, забыв и думать о перенесенных побоях. Тем более что выдрать его как следует ей не удалось: мальчишка был куда какой ловкий — он рыбкай выскользнул из тетких рук и увертывался от плетки. Это было похоже на игру: победительно смеясь, он уходил от ударов, и лишь немногие из них достигали цели.

Несмотря на это, старая Луиза любила повторять:

— Все-таки в доме есть мужчина...

Старуха была охотница до разговоров, и соседки вечно приходили к ней посудачить и послушать ее удивительные истории: сказки о феях и привидениях перемежались с рассказами о невольниках, а иногда тетка рассказывала или читала им истории в стихах.

Одна из этих историй начиналась так:

Читатель, о случае страшном я должен тебе рассказать, хоть становятся волосы дыбом и я весь начинаю дрожать: как поверить, что есть на свете такие чудовища — дети, что убьют и отца и мать^[5].

Это была история о девушке-убийце: газеты печатали сенсационные сообщения о ней под крупными заголовками, а некий поэт, автор АВС^[6] и популярных самб, зарифмовал эту историю и продавал по двести рейсов за штуку.

Антонио Балдуино был от нее в восторге. Он без конца приставал к

старой Луизе, чтобы та снова и снова рассказывала ему эту историю, и поднимал крик, если старуха не сдавалась на его просьбы. Любил он также слушать про приключения Антонио Силвино и Лукаса да Фейра. В такие вечера он забывал про игры и шалости. Однажды кто-то спросил его:

— Ну, кем же ты хочешь быть, когда вырастешь?

Не моргнув глазом, он ответил:

— Жагунсо...

Разве было что-нибудь прекраснее и благороднее этого занятия? Ведь все жагунсо такие сильные и храбрые.

— Надо бы тебе ходить в школу, — говорили соседи мальчику.

Это еще зачем, думал он про себя. Разве хоть один жагунсо умеет читать? Вот доктора умеют читать, а что толку? Он знал одного доктора по имени Олимпио, врача без пациентов: время от времени тот поднимался на холм в надежде что-нибудь заработать, но и здесь ему ничего не выпадало. Был он слабосильный и тощий — дать ему хорошую затрещину, так он и с копыт долой.

Да вот взять к примеру его тетку: старуха едва-едва буквы разбирает, а между тем все жители холма еще как ее уважают: никто с ней никогда не бранится, никто ей грубого слова не скажет, а уж в те дни, когда у старой Луизы разламывается голова, ни один болван не отважится ее потревожить. Теткина голова приводила Антонио Балдуино в ужас. Когда у старухи начинались приступы головных болей, она делалась как безумная, на крик кричала. Соседи сбегались на ее крики, но она гнала всех прочь — пусть, мол, катятся ко всем чертям и оставят ее в покое.

Однажды Антонио Балдуино услышал, как соседки толковали про эти приступы, совсем замучившие старую Луизу.

Одна из соседок говорила:

— Голова у нее болит от этих вечно кипящих жестянок со сладостями. Все время на жару...

— Как бы не так, Роза! Это дух ее мучает, сразу видать! Из тех могучих духов, что бродят неприкаянные, не ведая того, что они давно уже померли. Бродят и все ищут себе пристанища в живом теле. Не иначе какого-нибудь казненного дух, прости меня господи и помилуй.

Остальные поддержали эту версию насчет духов. Антонио Балдуино, услышав такое, застыл от удивления и ужаса. Он до смерти боялся духов. И никак не мог понять, зачем им понадобилась голова его старой тетки.

Тогда-то и появлялся в их доме Жубиаба. Луиза посылала за ним Антонио Балдуино. Подойдя к маленькой двери приземистого дома, мальчик стучал.

— Кто там? — отзывался голос изнутри.

— Тетка Луиза просит тебя, отец Жубиаба, прийти к нам, — она опять занемогла.

И мальчик опрометью бросался прочь. Жубиаба внушал ему непреодолимый ужас. Он прятался за дверь и сквозь щелку следил за приближающимся колдуном: а тот шел, опираясь на палку, сгорбленный и сухой, с белоснежной шапкой жестких курчавых волос. Все встречные останавливались, приветствуя старика:

— Добрый день, отец Жубиаба...

— Да благословит вас бог...

Он шел, на ходу раздавая благословения. Даже Лоуренсо-испанец, и тот склонял голову и подходил под благословение. Мальчишек как ветром сдувало, едва они издали замечали фигуру столетнего старца. Только шепот прокатывался:

— Жубиаба идет...

И они бросались врассыпную и прятались по домам.

Жубиаба, по обыкновению, нес ветку с листьями, трепетавшими на ветру, и бормотал что-то на языке наго^[7]. Так, разговаривая сам с собой и благословляя встречных, старик шествовал по всей улице, подметая ее своими старыми кашемировыми штанами, поверх которых была выпущена вышитая рубаха, развевавшаяся на ветру словно знамя. Едва Жубиаба входил к ним в дом, Антонио Балдуино шмыгал из-за дверей на улицу. Но мальчик знал, что теперь голова у Луизы перестанет болеть.

Он боялся Жубиабу и не знал, что о нем и думать. Чувство, которое он испытывал к старику, было совсем непохоже на то, что он испытывал к другим взрослым: к падре Силвио, своей тетке Луизе, к Лоуренсо-трактирщику, Зе Кальмару или к таким героям из легенд, как Виргулино Фонарь и Эдди Поло. Жубиаба был целителем глухих переулков холма, его все почитали и воздавали хвалу его искусству, а иногда у дверей его хибары останавливались роскошные машины. Один из мальчишек как-то раз стал уверять Балдуино, что Жубиаба — оборотень, а другой клялся, что у Жубиабы живет черт, которого он держит запертым в бутылке.

Временами из дома старика по ночам доносились странные звуки какой-то диковинной музыки. При этих звуках Антонио Балдуино начинал ворочаться на своей подстилке, все в нем ходило ходуном, казалось, музыка настойчиво зовет его.

Ритмы батук^[8], шарканье танцующих ног, таинственные голоса. Луиза, верно, уже там, в своей красной ситцевой юбке, надетой на

нижнюю. В эти ночи Антонио Балдуино было не до сна. Жубиаба был мучительной тайной его беспечного и одинокого детства.

* * *

По ночам на холме Капа-Негро веселились. И не счесть, сколько выслушал за эти ночи негритенок Антонио Балдуино интереснейших историй и сколько любопытнейших вещей он узнал. Их рассказывали женщины и мужчины, собиравшиеся у дверей соседних домов в долгие лунные ночи. В ночь на воскресенье, если не было макумбы^[9] в доме у Жубиабы, собирались у дома старой Луизы, которая по случаю праздника не ходила торговать своим мингау. И у соседних домов тоже. Везде болтали, перебирали струны гитары, пели, отхлебывая по глотку кашасы, которую всегда держат для добрых соседей, но все же больше всего народу собиралось возле дома старой Луизы. Даже, случалось, и Жубиаба появлялся там и тоже рассказывал разные истории, но все они происходили много-много лет назад. Рассказывая, старик вдруг переходил на язык своего племени или прерывал рассказ подходящими к случаю советами и рассуждениями. Он выглядел патриархом среди всех этих негров и мулатов, обитавших на холме Капа-Негро в продуваемых ветром лачугах с крышами из жести. Стоило старику открыть рот, как все замолкали и слушали его в немом благоговении, лишь одобрительно кивая головами. В такие ночи Антонио Балдуино бросал свою ватагу и, усевшись в кругу, весь превращался в слух. Он отдал бы жизнь за то, чтобы послушать какую-нибудь историю, особенно если история рассказывалась в стихах.

Большим мастером рассказывать стихотворные истории был Зе Кальмар, беспутный мальй, нигде не работавший и бывший уже на примете у полиции за разные мошенничества. Но в глазах Антонио Балдуино он обладал двумя неоспоримыми достоинствами: он был храбрец и умел петь под гитару про приключения знаменитых бандитов. Ни одна вечеринка в лачугах Капа-Негро, ни один бедняцкий праздник в городе не обходился без гитары Зе Кальмара, повсюду он играл вальсы и разные веселые и грустные песни. Высоченный мулат с изжелта-смуглой кожей, Зе Кальмар ходил развинченной походкой, которую приобрел, как утверждала молва, с тех самых пор, как несколькими приемами капоэйры^[10] обезоружил двух матросов. Не всем он был по душе, были и такие, что

смотрели на него с неодобрением, но Зе Кальмар часами возился с живущей на холме ребятней, обучая ее искусству капоэйры и проявляя при этом поистине безграничное терпение. Показывая разные приемы, он сам вместе с мальчишками катался в пыли, чтобы они лучше усвоили, как нанести удар или как выбить нож из рук нападающего. Ребята молились на него как на идола, а их вожак Антонио Балдуино мог часами ходить за парнем и слушать его рассказы о разных случаях из жизни. У Зе Кальмара он уже выучился здорово управляться с ножом, а теперь ему не терпелось освоить гитару.

— Ты научишь меня, да?

— Ну конечно, научу.

Мальчик бегал с поручениями к возлюбленным Зе Кальмара и защищал его от нападков.

— Он — мой друг. Чего вы сами не скажете ему все в глаза? Небось духу не хватает?..

Зе Кальмар был завсегдаем сборищ у дверей Луизиного дома. Он появлялся, щеголяя своей развинченной походкой, призванной подчеркнуть его независимость, садился на корточки и закуривал дешевую сигарету. Он молча выслушивал истории и случаи, которые рассказывались собравшимися, не вмешивался в споры, и только если чей-то рассказ производил уж слишком большое впечатление на слушателей, Зе Кальмар давал сигарете отдых, заложив ее за ухо, и изрекал:

— Гм... Ну, со мной однажды еще и не такое приключилось...

И далее следовала совершенно неслыханная история, разукрашенная всевозможными подробностями, дабы ни у кого не возникло сомнения в ее правдивости. Если все же он видел в чьих-то глазах ясно выраженное недоверие, Зе Кальмар ничуть не обижался:

— Не верите, спросите у Зе Счастливого, он тогда со мной был...

Всегда был кто-то, кто был с ним. Всегда находился очевидец, который не даст соврать. И ко всем заварухам, случавшимся в городе, Зе Кальмар, судя по его рассказам, имел непременно касательство. Стоило только начаться разговору о недавнем преступлении, как Зе Кальмар прерывал беседующих:

— Я как раз был неподалеку...

И он выкладывал свою версию происшествия, по которой его участие в нем всегда предreshало исход событий. Однако если приходилось, он и вправду умел за себя постоять. Лоуренсо-трактирщик может подтвердить: у него на физиономии два шрама от ножа Зе Кальмара. Подумать только, этот паршивый испанец захотел вышвырнуть парня из своего заведения!

Каброши, приходя в восторг от походов Зе Кальмара, пожирали его пламенными взорами. Их сердца таяли, покоренные его ленивой поступью завязанного бездельника, его славой смельчака и забияки, его неотразимой манерой, рассказывая, доверительно обращаться к слушателям, напоминая им сходные случаи из их собственной жизни; они жадно ловили его взгляд, улыбку чувственного рта и окончательно теряли головы, когда их кумир начинал петь под гитару.

Едва очередной рассказчик заканчивал свою историю и на секунду воцарялось молчание, как одна из каброшей тут же спешила с просьбой:

— Спойте, сеньор Зе, уважьте народ...

— Да нет, девушка, к чему мешать такой интересной беседе, — прикидывался он скромником.

— Ну, не ломайся, Зе, пой...

— Да я и гитару оставил дома...

— Не беда... Балдо принесет...

Антонио Балдуино только этого и ждал и мчался со всех ног к лачуге Зе Кальмара. А тот все заставлял себя упрашивать:

— Я сегодня не в голосе... Пусть девушки меня простят...

Теперь уже все хором его уговаривали:

— Ну, спой, Зе...

— Ну хорошо, но только одну-единственную...

Но, конечно, за одной единственной следовало много других: тираны^[11], коко^[12], самбы, песни любовные, песни печальные до слез и приключенческие АВС — они больше всего нравились Антонио Балдуино:

Ах, свижусь ли с домом родимым, увижу ль родные края?
Схватили меня и в Баию везут арестантом меня.

Зе пел о разбойнике Лукасе да Фейра, любимейшем герое Антонио:

Богатства себе не скопил я, богатым не быть бедняку, но жил в своем собственном ранчо и ящик имел табаку.

В Баие мне суд учинили, тюрьма угрожала уж мне...

Но стражников всех раскидал я, а сам ускакал на коне.

Слушатели шепотом комментировали:

— Ну и смельчак этот Лукас...

- Говорят, он ни разу не промахнулся...
- И добрый, говорят, был человек...
- Добрый?
- А что? Он только богачей грабил, а награбленное отдавал бедным...

Грабитель — я бедных не грабил, да что и возьмешь с бедняка?
Но всех богачей-толстосумов моя настигала рука.

- Ну, слышал?
- И по части женского пола был силен...

Каброши с глазами как пламень, мулатки с кудрями как шелк,
креолки и белые крали — никто от меня не ушел.

Дойдя до этого места, Зе Кальмар победительным взором окидывал столпившихся каброшей и дарил им одну из своих неотразимых улыбок. Девушки взирали на него с обожанием, словно перед ними был сам Лукас да Фейра собственной персоной, а парни, глядя на них, покатывались со смеху. А дальше говорилось о верности разбойника своему слову и о его горделивой отваге:

Не выдам своих я собратьев, позор, коли выдам я их, пусть сам я
погиб безвозвратно, не дам погубить я других.
О ком говорит вся округа и песни слагают о ком?
Я ловок и смел — ведь недаром меня все зовут главарем.

Но наступала минута, когда голос Зе Кальмара обретал особую звучность, а взгляд становился особенно томным. Так было, когда начинались куплеты на букву У:

У — тоже лишь гласная буква, как а, е, и, о, — потому
прощальный привет посылаю друзьям и еще кой-кому...

Глаза певца не отрывались от очередной избранницы, и в тот миг он и впрямь был Лукас да Фейра, разбойник, убийца, не устоявший перед любовью...

Под аплодисменты собравшихся он заканчивал свою историю:

Я грабил и старых и малых, в жестокий пустившись разбой, но
вот наступил час расплаты, назначенный злою судьбой

А потом следовала самба. Истинной печалью наполнял ее несравненно
тоскующий голос Зе Кальмара:

Я покидаю край родимый, коварством изгнанный твоим...
Я покидаю край родимый, тоскою о тебе томим.

Женщины изнемогали от удовольствия:

— Ах, какой он красавчик!

— Как он выводит-то, прямо до слез...

Одна из них, с большим животом, видать, на последнем месяце,
шепотом рассказывала другой:

— Мой-то, пока меня добивался, от меня ни на шаг не отходил...
Подарками задаривал... Жениться обещал: мол, и в церкви обвенчаемся, и
у судьи запишемся...

— И в церкви и у судьи?

— Да, моя милая... Мужчина, чтоб нашу сестру обмануть, что хочешь
наобещает... Улестит почище самого дьявола... А я дура и поверила... Ну
вот и получила... полное брюхо... Работать пришлось, красота моя на нет и
сошла... Ну, он и удрал с одной каброшей, — она уж давно на него
зарилась...

— Поворожить надо было, вот он бы и вернулся...

— А к чему? От своей судьбы не уйдешь... На все божья воля...

— Еще что! Надо было хоть на эту гадюку порчу напустить! Нет, вы
только подумайте! Какая-то стерва уведет моего мужа, а я буду на это
смотреть! Будто так и надо! Ну нет, моя дорогая... Я бы тут же напустила
на нее проказу, и он бы мигом вернулся! Отец Жубиаба свое дело знает, от
его ворожбы не спасешься...

— А ни к чему это все... Мы в своей судьбе не вольны, как там
определят, так и будет. — Женщина подняла глаза к небу. — Кому что на
роду написано, — никуда от того не денешься. Вот он, — она показала на
свой живот, — еще и не родился, а уж на небесах вся его жизнь
расписана...

Старая Луиза поддержала ее:

— Твоя правда, дочка. Так оно и есть...

Разговор делался общим:

— Слушай, ты знаешь Грасинью, мулатку с Гиндасте-дос-Падрес?

Кто-то припомнил:

— Не эта ли — без зубов, страшная что твоя жараракусу^[13]?

— Она самая... Но слушайте дальше: и вот с такой-то рожей она отбила мужа у Рикардины, ну, а та, сами знаете, бабища — во! Жубиаба ей поворожил...

— Она сама ворожить горазда... в постели, — загоготал один из парней.

— Говорят, Балбино помер от ворожбы...

— Ну да! От собственной злости он помер. Злющий был — чистая кобра.

Толстый старый негр, чесавший себе ступню острием перочинного ножа, продолжал вполголоса:

— Вы что, не слышали разве, что он сотворил со стариком Зекиелом? От этой истории волосы дыбом на голове становятся... Всем известно — старик кривить душой не умел. Строгий был человек. Я его хорошо знал, вместе каменщиками работали. Уж до того был прямодушный. Второго такого на всем свете не сыщешь. Но однажды, на беду, свела его судьба с Балбино... Этот чертов сын втерся к нему в дружбу, а для чего? Чтоб соблазнить старикову дочку. Помните Розу? Я-то хорошо ее помню... Скоро глаза мои могильная земля засыплет, и не увидать мне больше такой красавицы — первая была среди каброшей... Так вот Балбино прикинулся, что влюблен в нее и хочет жениться...

Женщина на сносях поддакнула:

— Точь-в-точь как у меня с моим Роке...

— Даже день свадьбы назначили... Но случилось так, что старику Зекиелу пришлось ночью выйти на работу. Он в то время в гавани работал... а тут как раз срочная погрузка... Балбино на правах жениха заявился в дом и потащил Розу в комнату старика, вроде затем, чтобы взглянуть на приданое. А там он повалил ее на кровать и, как она ни кричала и ни отбивалась, насильничал над ней и бросит растерзанную, всю в крови, хоть и живую. И еще у него достало бесчувствия взломать сундук старика и вытащить оттуда деньги, несчастные пятьдесят мильрейсов, припасенные к свадьбе. Когда старик вернулся — он прямо обезумел... А Балбино — он ведь всегда больше глоткой брал — струсил и где-то до поры хоронился, а потом он и его дружки подкараулили старика

ночью и забили до смерти. И ничего ему за это не было... Говорили, что наверху у него есть заручка.

— Да уж не без этого. Раз какой-то солдат выследил его и задержал. Так знаете, чем это кончилось? Балбино отпустили, а солдат сел за решетку.

— Говорят, он приводил полицию туда, где праздновали кандомбле...
[\[14\]](#)

Никто не заметил, как к собравшимся подошел Жубиаба:

— Он умер страшной смертью, — проговорил макубейро.

Все склонили головы, никто не смел ему противоречить.

— Он умер страшной смертью. У него закрылся глаз милосердия. И остался один только злой глаз. Но когда он умер, глаз милосердия открылся снова. — И он повторил еще раз: — Глаз милосердия закрылся. Остался один только злой глаз.

Голый до пояса негр протиснулся к Жубиабе поближе.

— Как это, отец Жубиаба?

— Никто не смеет закрывать милосердный глаз. Нехорошее дело закрывать милосердный глаз. Добра тогда не жди.

Тут он заговорил на своем наречии, и у всех по телу пробежала дрожь, — так всегда бывало, стоило Жубиабе заговорить на языке наго.

— Ожу анун фо ти ика, ли оку.

Вдруг полуголый негр бросился Жубиабе в ноги:

— Я тоже закрыл свой милосердный глаз, люди... Однажды я тоже закрыл милосердный глаз...

Жубиаба глядел на негра из-под опущенных век. Остальные, мужчины и женщины, неслышно расходились.

— Это случилось там, в сертане^{[\[15\]](#)}. Была великая сушь. Падали волы, погибали люди, все погибало. Народ бежал от засухи, но почти все оставались лежать на дороге. Под конец мы шли уже только вдвоем с Жоаном Жанжаном. И наступил день, когда ему пришлось нести меня на спине, — идти я уже не мог. Жоан держал глаз милосердия широко открытым, но глотки у нас совсем пересохли. А солнце было такое злое... Пути нашему конца-краю не виделось, и где раздобыть воды, мы не знали. Все же на одной фазенде^{[\[16\]](#)} удалось нам выпросить бутылку воды, и тогда побрели мы дальше. Жоан Жанжан нес бутылку и строго отмерял воду по глотку. И все равно мы помирали от жажды. И тут попадись нам на дороге белый человек — тоже уж совсем богу душу отдавал без воды. Жоан Жанжан хотел было поделиться с ним глотком, да я не позволил. Но клянусь, что воды у нас оставалось на доньшке, самим бы едва по глотку

хватило. А он хотел отдать ее белому. У него для всех глаз милосердия был открыт. А у меня жажда его иссушила. Остался только злой глаз... Жоан захотел отдать воду, я набросился на него, не помня себя от ярости... И убил его... А он целый день тащил меня на спине...

Негр смотрел в ночную тьму. На небе сверкали бесчисленные звезды. Жубиаба слушал его с закрытыми глазами.

— Он целый день тащил меня на спине. Его милосердный глаз всегда был широко открыт. Я хотел бы стереть его взгляд со своего лица, но не могу. Все время чувствую его, все время он на меня смотрит...

Негр провел рукой по глазам, словно пытаюсь избавиться от навязчивого виденья. Но оно не исчезало, и взгляд негра снова приковался к одной точке:

— Он целый день тащил меня на спине...

Жубиаба монотонно повторил:

— Злое дело закрывать глаз милосердия. Жди тогда беды.

Негр поднялся с колен и стал спускаться с холма, унося свою страшную историю.

* * *

Антонио Балдуино слушал и запоминал. Это была школа жизни. Единственная школа, которую он и другие мальчишки с холма могли посещать. Здесь они получали образование и выбирали себе профессию: мошенничество, воровство, разбой. Для этих профессий не требовалось большого образования. Можно было выбрать другое: рабство поденщика на плантациях или рабство у станка.

Антонно Балдуино слушал и запоминал.

* * *

Однажды на холме Капа-Негро появился приезжий. Он остановился в доме доны Марии, толстой мулатки, разбогатевшей, как говорили, за счет клиентов Жубиабы. Приезжий хотел, чтобы макумбейро вылечил его: вот уже много лет он страдает от невыносимой боли в правой ноге. Врачи давно уже от него отказались после того, как ими было поставлено

множество разнообразных диагнозов и выписана целая куча дорогих лекарств. Болезнь прогрессировала, с ногой было все хуже, и от постоянной боли он уже не мог больше работать.

И тогда он предпринял это путешествие к знахарю Жубиабе, который своим врачеванием излечивал все болезни на холме Капа-Негро.

Человек этот приехал из Ильеуса, богатейшей столицы какао, и его появление почти вытеснило из сердца Антонио Балдуино прежнего кумира Зе Кальмара.

В два приема Жубиаба почти вылечил приезжему ногу, и в воскресенье тот пришел к дому старой Луизы. Все обращались с ним уважительно: ясно было, что деньги у него водятся, — разбогател на юге, да и Жубиабе отвалил за лечение миллион рейсов. Одет был приезжий в дорогой кашемировый костюм, но когда ему принесли письмо, присланное синье Рикардине, и попросили прочесть, он сказал:

— Я не умею читать, дона...

Письмо было от ее брата, умиравшего с голоду на Амазонке. И человек из Ильеуса дал ей сто мильрейсов. Когда он подошел к собравшимся у дома Луизы, все почтительно смолкли.

— Не желаете ли присесть, сеу Жеремиас. — Луиза пододвинула ему соломенный стул с дырявым сиденьем.

— Премного благодарен, дона...

И поскольку никто не отважился нарушить молчание, он спросил:

— Ну, о чем вы тут беседовали?

— По правде говоря, — ответил Луис-сапожник, — говорили мы здесь о вашем крае, где все само в руки плывет, где любой кучу деньжищ огрести может...

Человек опустил голову, и все в первый раз заметили, что его жесткие курчавые волосы сильно тронуты сединой, а лицо все в глубоких морщинах:

— Ну, это не так... Работать там приходится много, а заработки плохие...

— Но ведь вы, сеньор, нажили немало...

— Ничего я не нажил. У меня крошечный клочок земли, а я в тех краях живу уж тридцать лет. Трижды в меня стреляли. Там никто не может быть спокоен за свою жизнь.

— Но там, верно, все храбрецы? — допытывался Антонио Балдуино.

— Взгляните на него, еще одному храбрецу не терпится туда уехать...

— Там ведь все смелые, да? — упорствовал Антонио.

Приезжий погладил курчавую голову мальчика и сказал, обращаясь ко

всем:

— Дикая земля... Земля, где стреляют и убивают...

Антонио Балдуино не сводил с него глаз, вот сейчас он услышит удивительные вещи.

— Там убивают на спор. Спорят, куда упадет подстреленный: направо или налево. Бьются об заклад... А потом стреляют, чтобы узнать, кто выиграл...

Он обвел взглядом собравшихся, желая уловить произведенное впечатление, снова опустил голову и продолжал:

— Был там один негр, вытворял он черт знает что... Жозе Эстике... Таких отчаянных я в жизни своей не видывал. Дальше уж, как говорится, ехать некуда... Но и злодей, однако, первостатейный. Настоящая чума в образе человеческом.

— Небось из банды жагунсо?^[17]

— Никакой не жагунсо, а богач фазендейро. Земли у него под какао было — ног не хватит обойти. А покойников за ним числилось и того больше.

— И ни разу в тюрьму не угодил?

Рассказчик взглянул на спросившего с кривой усмешкой:

— В тюрьму? Этакий-то богач...

Его саркастическая ухмылка досказала остальное. Собравшиеся недоуменно смотрели на него. Затем, уяснив смысл сказанного, продолжали молча слушать человека из Ильеуса.

— Знаете, что он однажды выкинул? Приехал в Итабунас верхом и, завидев одного местного богача, спешился и говорит: а ну-ка, подставь мне свой карман, я туда помочусь... И что же? Тот подставил, как миленький... Знал, что Зе Эстике любого уберет с одного выстрела. А в другой раз приехал в Итабунас и встретил там белую девушку, дочку чиновника. И что вы думаете, он сделал? «Девушка, говорит, давай-ка расстегни мне штаны, я хочу помочиться...»

— Ну и что же, расстегнула она? — Зе Кальмар громко захохотал.

— А что ей было делать, бедняжке?

Тут уже вся мужская половина слушателей разразилась хохотом, ее симпатии были явно на стороне Зе Эстике. А каброши смущенно потупились.

— Убивал и увозил он девушек, насильничал над ними. Никого не боялся, вроде как помешанный.

— А погиб он как?

— А погиб от руки одного тамошнего хлюпика гринго... [\[18\]](#)

— И как это случилось?

— Этот гринго придумал обрезать ветки на какаовых деревьях. До него там этим никто не занимался. Разбогател, купил клочок земли, завел плантацию. А потом уехал к себе на родину, жениться. Привез жену, такую беленькую, ну прямо фарфоровая кукла. А плантация этого гринго была как раз бок о бок с владеньями Жозе Эстике. В один прекрасный день Эстике проходил мимо и увидел, как жена гринго расстилат на солнышке белье. Ну, он сразу глаз на нее положил и говорит Николау...

— Кто такой Николау?

— Да гринго того так звали... Вот он ему и говорит: пусть твоя куколка меня ожидает здесь ночью. Николау, понятно, до смерти перепугался и рассказал обо всем соседу. А тот ему говорит: «Либо надо жену отдать, либо к смерти готовиться — Зе Эстике дважды не повторяет. Раз он сказал, что придет за твоей женой, значит, так оно и будет». Бежать уже поздно, да и куда убежишь? От соседа гринго воротился сам не свой. Не мог он отдать свою красавицу жену, за которой ездил в родные края. Но тогда придется умереть, и его жена все равно достанется Зе Эстике...

— И что же он придумал? — Слушатели не могли сдержать нетерпения, только Зе Кальмар улыбался, давая понять, что у него в запасе история похлеще этой.

— Зе Эстике пришел ночью, как обещал. Но вместо женщины его встретил гринго с топором и разнес ему череп пополам... Страшная смерть...

Одна из женщин отозвалась:

— Поделом ему... Молодец гринго!

Другая в испуге крестилась. А человек из Ильеуса перешел уже к другим историям про выстрелы и убийства, столь частые в тех краях. А когда он вылезился и уехал, Антонио Балдуино тосковал о нем, словно влюбленный о девушке. Вот так, в лунные вечера на холме Капа-Негро, маленький Антонио Балдуино слушал разговоры его обитателей, слушал и запоминал. Ему еще не исполнилось и десяти, когда он дал себе клятву, что добьется, чтобы и про него сочинили АВС, и тогда о его подвигах будут петь и слушать с восхищением другие люди, на других холмах.

Жизнь на холме Капа-Негро была суровой и нелегкой. Люди с холма работали много и тяжело: кто в порту, на погрузке и разгрузке судов, кто носильщиком, кто на фабрике или в мастерской сапожника, портного, в парикмахерской. Женщины продавали на кривых улочках города сладкий рис, мунгунсу, сарапател^[19], акараже^[20], стирали белье или служили кухарками в богатых домах, расположенных в фешенебельных кварталах. И многие ребята тоже работали. Чистильщиками обуви, посыльными, разносчиками газет. Кое-кого брали на воспитание в зажиточные семьи. А остальные проводили дни на склонах холма в драках, беготне, играх. Они были еще малы, но они уже знали, что их ждет: они вырастут и пойдут работать в порт, где будут сгибаться в три погибели под тяжестью мешков с какао или им придется зарабатывать себе на жизнь на каком-нибудь гигантском заводе. И это не вызывало в них протеста — ведь так уж повелось спокон веков: дети с красивых и зеленых улиц становились врачами, адвокатами, инженерами, коммерсантами, преуспевающими людьми. А дети с холма становились слугами этих людей. Именно для того они и существовали — и сам холм, и его обитатели. Это еще с детства понял и запомнил Антонио Балдуино, наблюдая каждодневную жизнь взрослых. В богатых семьях дети наследовали профессию дяди, отца или деда, знаменитого инженера, удачливого адвоката, дальновидного политика, а на холме, где жили негры и мулаты, их дети наследовали рабство у богатого белого господина. Таков был обычай, единственный обычай. Потому что обычай вольной жизни в африканских джунглях был забыт, и редко кто вспоминал о нем, а тех, кто вспоминал, высылали и преследовали. На холме один Жубиаба был ему верен, но тогда еще Антонио этого не знал. Кто из живущих на холме мог назвать себя свободным: Жубиаба, Зе Кальмар? Но и тот и другой подвергались преследованиям: один за то, что был макумбейро, другой за то, что был жуликом. Антонио Балдуино запомнил героические истории, услышанные им от обитателей холма и забыл про обычай рабства. Он решил войти в число свободных, тех, о ком складывают АВС и поют песни, тех, кто рано или поздно становится примером для всех черных и белых, погрязших в безнадежном рабстве. Еще там, на холме, Антонио Балдуино выбрал борьбу. И на все, что он впоследствии делал, его толкали эти истории, коих немало он наслушался лунными ночами у дверей теткиного дома. Эти истории, эти песни открывали людям радость борьбы. Но люди этого не понимали, или уж слишком глубоко укоренился в них обычай, рабский обычай. И все же кое-кто слушал и понимал. Антонио Балдуино был из тех, кто понял.

На холме, неподалеку от дома старой Луизы, жила женщина по прозванию Аугуста Кружевница. Кружевницей прозвали ее потому, что целыми днями она плела кружева, а по субботам продавала их в городе. Но часто ее можно было застать сидящей неподвижно, с глазами, устремленными в небо: казалось, она хотела разглядеть там что-то, невидимое для других. Она всегда присутствовала на макумбах в доме Жубиабы и, не будучи негритянкой, пользовалась полным доверием макумбейро. Аугуста частенько одаривала Антонио Балдуино мелочью, которую тот, складываясь с другими мальчишками, тратил на леденцы и дешевые сигареты.

О Кружевнице рассказывали много всяких небылиц: никто не знал, откуда она пришла и куда держала путь. Она осталась на холме, но никому так и не удалось ничего от нее выведать. Однако ее рассеянный взгляд и грустная улыбка порождали среди обитателей холма слухи о несчастной любви и связанных с нею злоключениях. Сама Аугуста, когда кто-нибудь докучал ей расспросами, отвечала одно:

— О, моя жизнь — это готовый роман... Остается только записать...

Продавая кружева (отмеряла она их простейшим способом: намотав на правую руку, которую она держала у подбородка, отматывала левой, вытягивая ее во всю длину), Аугуста нередко сбивалась со счета.

— Один... два... три... — Она запинаясь в досаде и волнении, — двадцать... как двадцать... Кто это сказал двадцать? Я еще только три насчитала... — Растерянно глядя на покупательницу, она объясняла: — Вы не можете себе представить, сеньора, как он меня путает... Я считаю правильно, а он мне на ухо начинает считать быстро-быстро, прямо ужас берет... Я еще только до трех дойду, а он уже двадцать насчитал... Никак мне от него не отвяжаться. — И тут она принималась умолять кого-то невидимого: — Сгинь, сгинь, дай мне отмерить кружева как положено... Сгинь...

— Кто вам мешает, синья Аугуста?

— Кто, кто... Кто же еще может быть? Все он, злодей, ни на шаг от меня не отходит. И после смерти своей в покое меня не оставляет.

В другой раз дух забавлялся тем, что связывал Аугусте ноги. Она останавливалась посредине улицы и начинала со стоическим терпением

распутывать веревки, которыми якобы были связаны ее ноги.

— Вы что это делаете, синья Аугуста? — спрашивали ее прохожие.

— А вы что, не видите? Вережки распутываю, негодяй-то мой ноги мне связал, чтобы я не могла ходить продавать кружева... Он, видно, хочет, чтобы я с голоду умерла...

И она продолжала развязывать невидимые веревки. Но когда у нее начинали выпытывать, кто же все-таки такой этот дух, Аугуста замолкала. Взгляд ее устремлялся вдаль, на губах застывала печальная улыбка.

— Бедная Аугуста не в своем уме, — еще бы, она столько перенесла...

— Но что такое с нею приключилось?

— Молчи. Все знают, какая у нее была жизнь...

* * *

Аугуста Кружевница была первой, кто повстречался на холме с оборотнем. Случилось это безлунной ночью, когда в грязных переулках холма царил густой мрак и только кое-где тускло светились окошки домов. В такие ночи выходят привидения, в такие ночи раздолье вора́м и убийца́м. Аугуста поднималась по склону холма, и вдруг из зарослей до нее донесся леденящий душу вой. Она взглянула в ту сторону и увидела метавшие огонь глаза оборотня. До сих пор Аугуста не очень-то верила в эти рассказы про оборотня и безголовую ослицу. И вот она увидела оборотня собственными глазами. Бросив корзину с кружевами, Аугуста обратилась в бегство. Добежав до Луизиного дома, она, трясась от ужаса, прерывающимся голосом поведала о своей встрече с оборотнем; от пережитого испуга у бедняжки глаза чуть на лоб не вылезли, а ноги подкашивались от непосильного бега.

— Глотни водички, — успокаивала ее Луиза.

— Спасибо, хоть немного страх меня отпустил, — благодарила Кружевница.

Антонио Балдуино, который все это слышал, обежал с этой новостью весь холм. Теперь только и разговоров было, что про оборотня, а на следующую ночь уже трое видели чудовище: кухарка, возвращавшаяся с работы, Рикардо-сапожник и Зе Кальмар, который метнул в оборотня нож, но тот только разразился зловещим хохотом и скрылся в зарослях. В последующие ночи все прочие жители холма тоже видели страшилище, которое с хохотом от них убегало. Холм был объят ужасом: все двери

запирались наглухо, и по ночам никто не осмеливался выходить из дома. Зе Кальмар предложил устроить на оборотня облаву, однако смельчаков отыскалось немного. Кто встретил предложение Кальмара с восторгом — так это Антонио Балдуино, — он сразу набрал целую кучу острых камней, чтобы было чем сражаться с чудовищем. Слухи о нем все росли: Луиза заметила его тень, когда поздно вечером поднималась к себе домой, а Педро еле успел от него удрать. Все жили в тревоге, никто ни о чем не мог говорить, кроме как о чудовище. На холме появился репортер из газеты, делал какие-то снимки. Вечером в газете было напечатано его сообщение, что никакого оборотня не существует и что это выдумка обитателей холма Капа-Негро. Сеу Лоуренсо купил газету и всем показывал, но напечатанное никого не разуверило в существовании оборотня, поскольку все видели его собственными глазами, а кроме того — оборотни всегда были, есть и будут.

Мальчишки с холма, устав от беготни, тоже на все лады толковали о чудовище.

— Мне мать сказала, что из негодных ребят и выходят оборотни. Натворит малец всяких пакостей, а потом...

— А потом у него начинают на руках и на ногах расти ногти, и в полнолуние он превращается в оборотня.

Антонио Балдуино возликовал.

— Давайте все станем оборотнями!

— Давай становись, коли тебе не терпится попасть в преисподнюю...

— Эх вы, жалкие трусы!

— Коли ты такой храбрый, чего ж ты ждешь?

— Ну и стану, и даже очень скоро. А что для этого надо?

Нашелся один мальчишка, который знал, как стать оборотнем, и он принялся обучать Антонио:

— Сперва отрасти ногти и волосы, про мытье забудь и думать, и каждую ночь ходи смотреть на луну. И тетке груби и делай все наперекор. Когда будешь глядеть на луну, стань на четвереньки...

— Эй, Антонио, ты мне покажешь, как это стоять на четырех лапах? — вмешался другой, желая поддразнить будущего оборотня.

— Я вот тебе сейчас покажу... по роже... Пусть тебе мать твоя показывает...

Мальчишка в ярости вскочил. Антонио Балдуино процедил предостерегающе:

— Эй ты, рукам воли не давай!

— А вот и дам. — И он смазал Антонио по физиономии.

Они покатались по земле. Мальчишки следили за дракой. Противник

Антонио был сильнее, однако Антонио Балдуино не зря считался лучшим учеником Зе Кальмара, — он стал одерживать верх. Но тут сеу Лоуренсо выскочил на улицу и разнял дерущихся, проворчав:

— Оно и видно, что безотцовщина!

Побежденный отошел в сторону, а Антонио Балдуино, заправляя в штаны разодранную рубаху, уже выпрашивал дальше знатока по части оборотней:

— И непременно надо ходить на четвереньках?

— Ага, чтобы привыкнуть...

— А потом?

— А потом начнешь превращаться... Весь покроешься волосами, станешь скакать словно лошадь и рыть землю ногами. И придет день, когда ты превратишься в настоящего оборотня. Будешь бегать по холму и пугать народ...

Антонио Балдуино оглянулся на дравшегося с ним мальчишку:

— Как только сделаюсь оборотнем, тебя первого сожру.

И он покинул компанию. Но с полдороги вернулся:

— Послушай, я забыл спросить: а как потом обратно превратиться в человека?

— Ну, этого я не знаю...

Вечером противник Антонио Балдуино сказал, подойдя к нему:

— Балдо, ты лучше начни с Жоакина, он про тебя сказал, что ты в футболе ни фи́га не смыслишь.

— Он так сказал?

— Ага.

— Побожись!

— Ей-богу!

— Ну, он мне за это заплатит.

Мальчишка угостил Антонио окурком, и они расстались друзьями.

Антонио Балдуино изо всех сил старался превратиться в оборотня. Он, чем мог, досаждал тетке, за что получил две хорошие головомойки, отрастил длиннющие ногти и нипочем не давал стричь свою буйную шевелюру. В лунные ночи, спрятавшись в укромном углу, он учился передвигаться на четвереньках. Но ничего не выходило. Он уже совсем было отчаялся и приходил в бешенство от нескончаемых насмешек своих приятелей, которые каждый день спрашивали, когда же он наконец станет оборотнем? Но тут ему пришло в голову, что он просто еще не такой негодяй, чтобы стать оборотнем. И тогда он решил сотворить пакость пограндиознее. Несколько дней он размышлял, что бы такое выкинуть, и

ничего не мог придумать, как вдруг однажды под вечер увидел Жоану, хорошенькую черную девчушку, игравшую в куклы. У нее было много кукол, — их приносил ей сеу Элеутерио, — тряпичные куклы, черные и белые, которым она давала имена всех, кто жил по соседству. Девочка шила им платья и целыми днями играла с ними около дома. Она устраивала кукольные свадьбы и крестины, и на эти праздники собиралась вся живущая на холме детвора.

До сих пор вспоминали бал, который Жоана устроила по поводу крестин Ирасемы, фарфоровой куклы, подаренной девочке на день рождения ее крестным отцом.

Антонио Балдуино подошел к Жоане, уже обдумав план действий. И ласково заговорил с нею:

— Ну, как поживают твои куклы, Жоана?

— Да вот эта влюбилась...

— Она красотка... А в кого влюбилась-то?

Возлюбленным куклы оказался полишинель с ватными ногами.

— Хочешь со мной играть? Ты будешь ее отец...

Антонио не хотел играть, ему нужно было отнять у нее полишинеля. Однако едва он попытался это сделать, Жоана разразилась громким плачем:

— Не трогай... Я маме скажу... Уходи давай...

Антонио, опустив глаза и притворно улыбаясь, принялся уламывать девочку:

— Ну, Жоана, дай мне его подержать...

— Не дам, ты его сломаешь. — И она крепко прижала полишинеля к груди.

Антонио с испугом посмотрел на нее, словно его застали на месте преступления. Как это она догадалась? Он уже готов был отказаться от своего намерения. Но тут девочка снова захлопала носом, готовясь пустить слезу, и Антонио не устоял. Словно в каком-то ослеплении, сам не понимая хорошенько, что он делает, он набросился на Жоаниных кукол и переломал их сколько мог. Жоана оцепенела от ужаса и плакала беззвучно. Слезы, капая, текли по ее лицу, попадая в раскрытый рот. Антонио Балдуино тоже замер, глядя на нее: с полными слез глазами Жоана была чертовски мила! Но вдруг девчушка взглянула на искалеченных кукол и заревела в голос. Антонио, который уже был готов раскаяться в содеянном при виде хорошенькой заплаканной рожицы, разозлился, услышав крики Жоаны. Он не тронулся с места, но теперь вопли девочки заставляли его испытывать острое наслаждение. Он мог бы дать тягу и переждать бурю: гнев у старой Луизы стихал быстро, и если Антонио не попадался до

времени ей на глаза, то обходилось без трепки. Но он не трогался с места, злясь на девчонку и наслаждаясь ее отчаянным плачем. Тут нагрянула тетка и поволокла его домой, не уставая награждать тумачами. Однако в тот день Антонио даже не пытался увернуться от теткинх затрещин. У него перед глазами все еще маячила зареванная мордочка Жоаны и слезы, стекающие по щекам в ее раскрытый рот. В наказание он был привязан теткой к ножке кухонного стола, и распиравшее его торжество мало-помалу испарилось. Не зная, чем себя занять, Антонио принялся давить спящих по кухне муравьев. Сосед, увидев это, пробормотал:

— У, пащенок... Ну, этот плохо кончит.

* * *

Он так и не стал оборотнем. И ему пришлось подраться с двумя мальчишками и разбить голову третьему — только после этого его авторитет у ребят с холма обрел былую силу. Авторитет, серьезно поколебленный несостоявшимся превращением. А тот, другой оборотень тоже исчез после заклинания Жубиабы, совершенного им в полнолуние на вершине холма в присутствии всех его обитателей. Сначала Жубиаба потряс зеленой ветвью, заклиная чудовище удалиться, затем осенил этой ветвью заросли, где прятался оборотень, и тот, покинув холм, возвратился восвояси, оставив наконец в покое жителей холма Капа-Негро. С тех пор никто никогда не видел оборотня. Но до сего дня на холме поминают его, коль придется к слову.

А Жубиаба, несший на своих плечах груз никому не ведомых лет, поселившийся на холме намного раньше его нынешних обитателей, рассказал всем историю этого оборотня:

— Он уже много раз здесь появлялся. И не однажды я изгонял его. Но он возвращается и будет возвращаться, покуда не искуплено злодейство, им здесь содеянное... Он еще много раз будет возвращаться...

— А кто он такой, отец Жубиаба?

— Вы о нем и не слыхали... Это белый сеньор, владелец фазенды. Давно, еще в старые времена, когда негры были в рабстве, на этом месте, где мы теперь живем, стояла фазенда. Аккурат на этом самом месте. Вы знаете, почему наш холм прозван Капа-Негро^[21]? Не знаете... А потому, что весь этот холм занимала фазенда этого сеньора. А он был из всех злодеев злодей. Забавлялся он тем, что спаривал негра с негряткой и

ждал: родится мальчишка — одним рабом у хозяина больше, а ежели нет — беда тому негру: хозяин приказывал его оскопить. И много негров он так оскопил... Белый злодей... Вот почему наш холм прозван холмом Капа-Негро и на нем появляется оборотень. Оборотень этот — белый сеньор. Он не умер. Он был слишком большим злодеем и однажды ночью превратился в оборотня и стал бродить по свету, пугая народ. Теперь он ищет место, где был его дом, а его дом стоял здесь, на холме. Ему все нейдет, все хочется оскопять негров...

— Спаси нас боже...

— Пускай он попробует меня оскопить, я ему покажу... — засмеялся Зе Кальмар.

— Среди его негров были наши деды и прадеды... Вот он и рыщет здесь, думает, что тут все еще живут его рабы...

— Негры больше не рабы...

— И негры — рабы, и белые — рабы, — оборвал говорившего изможденный человек, грузчик в порту. — Все бедняки — рабы. Рабство еще не кончилось.

И все собравшиеся — негры, мулаты, белые — опустили головы. Один Антонио Балдуино остался стоять с поднятой головой. Уж он-то ни за что не будет рабом.

* * *

Никто на холме не пользовался столь печальной известностью, как этот негритенок Антонио Балдуино. И не потому, что он и в самом деле был хуже всех. Вместе с другими ребятами он проказничал, играл в футбол мячом, сделанным из бычьего пузыря, подсматривал за негротянками, бегавшими по нужде на песчаный пустырь за Байша-дос-Сапатеирос, таскал фрукты с лотков, баловался куреньем, ругался непристойными словами. На холме его невзлюбили совсем не за это. А за то, что именно в его голове рождались все плутни, все хитроумные проделки, все нескончаемые шалости, которыми изводили мальчишки обитателей холма.

Разве не он придумал пойти всей ватагой на праздник в Бонфин? Они отправились в три часа дня, рассчитывая вернуться к ночи, но было уже три часа утра, когда их хватились на холме. Встревоженные матери забегали из дома в дом, у многих глаза уже были на мокром месте, отцы рыскали по всему холму в поисках пропавших ребят. А для них все это

было чудесным приключением: они обежали почти весь город, видели весь праздник с начала до конца, валились с ног от усталости, но только когда стали засыпать на ходу, вспомнили, что пора бы и по домам. От них изрядно пострадали лотки со сладостями, они долго изводили щипками пышнозадую мулатку, не обошлось, разумеется, и без драки. Вернулись домой, когда уже рассветало, и, устрешенные предстоящей взбучкой, старались выгородить себя:

— Это меня Балдуино подбил идти.

Но на этот раз старая Луиза не набросилась на Балдуино с тумачами. Она погладила его по голове, говоря:

— Все пошло потому, что ты этого захотел, разве не так, сынок?

И Жубиаба любил Антонио Балдуино. Он всегда разговаривал с ним, как со взрослым. И негритенок все больше и больше привязывался к старому макумбейро.

Он благоговел перед ним: Жубиаба все знал и всегда мог рассудить всех на холме. И он вылечивал все болезни, а его заклинания обладали чудодейственной силой. И он был свободным, над ним не было хозяина, он не проводил долгих часов в изнурительной работе.

* * *

Однажды глубокой ночью отчаянные крики о помощи нарушили покой холма. Распахнулись двери домов, мужчины и женщины, протирая сонные глаза, выбежали на улицу. Крики неслись из дома Леополдо. Внезапно они смолкли и сменились слабыми стонами. Все ринулись туда. Дверь, сделанная из ящичных досок, была открыта, и на полу корчился в предсмертных судорогах Леополдо с двумя ножевыми ранами в груди. Крови натекла уже целая лужа. Леополдо с трудом приподнялся и рухнул замертво. Кровь хлынула у него из горла струей. Кто-то вложил ему в руку зажженную свечу. Все говорили шепотом. Какая-то женщина начала читать заупокойную молитву. В лачугу протискивались вновь пришедшие.

Впервые обитатели холма попали в дом Леополдо. Он никого к себе не пускал. Человек он был необщительный, ни разу ни к кому не наведалься. Только однажды он пришел к Жубиабе и провел в его доме много часов. Но никто не знал, о чем он говорил с макумбейро. Занимался он плотницким ремеслом и пил запоем. Напившись в заведении сеу Лоуренсо, он делался еще угрюмей и безо всякого повода начинал стучать кулаком по стойке.

Антонио Балдуино боялся его. И теперь с еще большим испугом смотрел на него, мертвого, с двумя ножевыми ранами в груди. Никто не знал, чьих рук это дело. Впрочем, год спустя, когда Антонио Балдуино карабкался по склону, к нему подошел какой-то тип в рваных штанах и дырявой шляпе, с изможденным лицом и спросил:

— Эй, малый, живет здесь Леополдо, такой высокий хмурый негр?

— Знаю... Но он здесь больше не живет, сеньор...

— Он что, переехал?

— Нет. Он умер...

— Умер? От чего?

— От удара ножом...

— Убили его?

— Да, сеньор... — Антонио взглянул на незнакомца. — А вы что, ему родственником приходитесь?

— Может быть. Скажи-ка, как отсюда попасть в город?

— А вы не хотите подняться наверх и расспросить про Леополдо? Тетка Луиза могла бы вам кое-что рассказать... А я покажу вам дом, где жил Леополдо. Там теперь сеу Зека живет...

Незнакомец вытащил из рваных штанов пятьсот рейсов и протянул Балдуино:

— Держи, малец: если бы он уже не был мертвым, он умер бы сегодня...

И он стал спускаться по склону, не слушая, что говорит ему Антонио Балдуино. А тот бежал вслед за ним:

— Хотите, я покажу вам дорогу в город?

Но незнакомец даже не оглянулся.

Антонио Балдуино никому не обмолвился про эту встречу — так она его напугала. И незнакомец в рваных штанах и дырявой шляпе еще долго преследовал его в страшных снах. Он, как видно, пришел издалека и почти падал от усталости. Антонио Балдуино тогда подумал, что этот человек держит закрытым глаз милосердия.

* * *

Так прошел один, и второй, и третий год жизни на холме. Обитатели его были все те же, и жизнь все та же. Ничего не менялось. Только голова у старой Луизы стала болеть все сильнее. И болела теперь почти каждый

день, разбаливалась сразу, едва Луиза возвращалась из города, где она до поздней ночи торговала мунгунсой и мингау. От боли негритянка криком кричала, гнала прочь сочувствующих соседей, затем появлялся Жубиаба и с каждым разом задерживался все дольше, чтобы избавить Луизу от страшных болей. От них старуха делалась прямо не в себе: едва вступив на порог, она принималась браниться, орала на всех, колотила Балдуино за малейшую провинность, а когда боль ее наконец отпускала, она начинала приставать к племяннику с ласками, обнимала его за шею, гладила по голове, тихонько всхлипывая, просила прощения.

Антонио Балдуино по малости лет и по глупости не очень над этим задумывался. Ему были непонятны теткинны внезапные переходы от колотушек к ласке. Но все же порой в разгар какой-нибудь очередной проделки он вдруг замирал, вспомнив старую Луизу и головную боль, которая ее убивала. Он чувствовал, что скоро лишится тетки, и это предчувствие заставляло сжиматься его маленькое сердце, наполненное до краев ненавистью и любовью.

* * *

Вечер выдался пасмурный, черные тучи обложили небо. К ночи поднялся сильный удушливый ветер, он перехватывал дыхание и со свистом врывался в переулки. Ветер хозяйничал в городе, пока не зажглись вечерние огни, он гонялся за ребяташками по склонам холма, задирали женские подолы в Цветочном переулке и в переулке Марии-Пас, поднимал тучи пыли, вламывался в дома и разбивал в черепки глиняные кувшины. Но едва зажглись огни, как хлынул страшный ливень и разразился ураган, какого не было уже давно. Дома погрузились в темноту и молчание. Лачуги на холме закрылись наглухо. Однако старая Луиза готовилась пойти со своим лотком в город. Антонио Балдуино, забившись в угол, от нечего делать давил муравьев. Тетка попросила его:

— Помоги-ка мне, Балдуино.

Он помог ей поставить жестянки на лоток, который тетка укрепила на голове. Она ласково провела рукой по лицу мальчика и направилась к двери. Но не дойдя до нее, Луиза внезапно швырнула лоток и жестянки на пол, лицо ее исказила ярость, и она закричала:

— Не пойду, больше не пойду!

Антонио остолбенел от ужаса.

— А... а... а! Больше не пойду, пусть идут, кому охота! А... а... а!

— Что с тобой, тетя Луиза, что с тобой?

Мунгунса растекалась по кирпичному полу. Луиза замолчала и, не отвечая племяннику, вдруг принялась рассказывать какую-то историю про женщину, у которой было три сына: плотник, каменщик и портовый грузчик. Потом женщина постриглась в монахини. Луиза стала рассказывать про ее сыновей. История эта не имела ни начала, ни конца. Антонио Балдуино не слушал и все хотел побегать позвать на помощь, но не решался оставить тетку. А она уже дошла до того места своей истории, когда плотник спрашивает у дьявола: «Где же твои рога?» И дьявол ему отвечает: «А я отдал их твоему отцу...»

Антонио двинулся было к двери, когда Луиза, дойдя до самого интересного места своей истории, вдруг увидела на полу жестянки с мунгунсой и мингау. Она засмеялась и пропела:

Никуда я не пойду, не пойду, не пойду...

Мальчик в страхе остановился и стал спрашивать тетку, не болит ли у нее голова. Но она посмотрела на него таким странным взглядом, что он в ужасе забился в угол.

— Ты кто такой? Ты хочешь украсть у меня мой товар, негодник? погоди, я тебя проучу!

Она хотела схватить Балдуино, но тот успел выскочить за дверь и помчался по улице, опомнившись только у дома Жубиабы. Жубиабу он застал за чтением старинной книги.

— Что случилось, Балдо?

— Ой, отец Жубиаба, отец Жубиаба...

Он не мог говорить. Еле отдышавшись, он заплакал.

— Что с тобой, сынок?

— Тетку Луизу опять схватило.

Снаружи неистовствовал ураган. Дождь лил как из ведра. Но Балдуино ничего не замечал, он слышал теткин голос: она спрашивала у него, кто он такой, он видел ее взгляд, непохожий на человеческий... Балдуино с Жубиабой бежали к дому Луизы: бушевал ураган, лил дождь, завывал ветер. Бежали молча.

Когда они вошли в дом, там уже было полно соседей. Какая-то женщина говорила Аугусте Кружевнице:

— Это все от этих жестянок, которые она таскала на голове. Я знала одну женщину, так она тоже из-за этого помешалась...

При этих словах Антонио Балдуино снова залился слезами. Аугуста не соглашалась с говорившей:

— Да совсем она не помешалась, кума. Просто дух в нее вселился, да к тому же не злой, а добрый. Вот увидишь, Жубиаба ее в один миг вылечит...

Луиза то пела во весь голос, то раздражалась хохотом и цеплялась за Зе Кальмара, который, стараясь ее успокоить, поддакивал всем ее бессмыслицам. Жубиаба приблизился к больной и начал бормотать свои заклинания. Антонио Балдуино отвели в дом к Аугусте. Но он всю ночь не сомкнул глаз, и в урагане, вое ветра и шуме ливня ему слышались крики и хохот тетки. И рыдания душили его.

* * *

На следующий день приехала больничная карета, и двое санитаров стали сажать в нее старуху. Но Антонио Балдуино что есть силы вцепился в нее. Он не хотел, чтобы ее увезли. Он пытался втолковать санитарам:

— Не нужно ее в больницу. У нее просто голова опять разболелась. Но отец Жубиаба ее вылечит. Не возите ее...

Луиза громко пела, равнодушная ко всему происходящему. Мальчик впился зубами в руку одного из санитаров, и его еле от него оторвали. Аугуста увела Антонио к себе. Все были с ним очень ласковы. Приходил Зе Кальмар и обучал его капоэйре и игре на гитаре. Сеу Лоуренсо угощал его конфетами, синья Аугуста жалостливо твердила: «Ах ты, мой бедненький!» Навещал его и Жубиаба, он повесил на шею Антонио амулет и сказал:

— Это чтоб ты вырос сильный и храбрый. Ты мне по сердцу, мальчуган.

* * *

В доме Аугусты он провел несколько дней. Однажды утром Кружевница его придела, взяла за руку и они вышли из дома. Мальчик спросил ее, куда они идут.

— Ты теперь будешь жить в одном очень красивом доме. Будешь жить у советника Перейры. Он берет тебя на воспитание.

Антонио Балдуино промолчал, но про себя решил, что непременно убежит оттуда. Когда они стали спускаться, встретили на склоне холма Жубиабу. Антонио поцеловал колдуну руку, и тот сказал:

— Когда вырастешь, возвращайся сюда. Когда станешь взрослым.

Все ребята высыпали на дорогу проводить Антонио. Он с грустью простился с ними. Спустились с холма.

Снизу еще была видна фигура Жубиабы, сидящего на вершине холма, в рубашке, раздуваемой ветром, с пучком травы в руке.

ПЕРЕУЛОК ЗУМБИ-ДОС-ПАЛМАРЕС

Старая улица, грязные домишки, среди них облезлые, неопределенного цвета особняки. Улица вытянута в скучную прямую линию. Тротуары у домов — разного уровня: одни высокие, другие низкие, одни доходят почти до середины проезжей части, другие словно боятся отойти от дверей. Улица, скверно вымощенная разновеликими камнями, заросшая травой.

Сонный покой спускался и поднимался здесь отовсюду. Он исходил от моря и от гор, от неосвященных домов, от редких уличных фонарей, от самих жителей и спускался туманом, обволакивая улицу и ее обитателей. Похоже было, что здесь, на улице, именуемой переулком Зумби-Дос-Палмарес, ночь наступала раньше, чем на других улицах города.

Даже море, бьющееся вдали о камни, не пробуждало от спячки эту улицу, казавшуюся старой девой, которая напрасно ждет своего жениха, давно отплывшего в далекие страны и затерявшегося в сутолоке чужих столиц. Улица была печальна. Она умирала. Ее покой походил на покой смерти. Все вокруг умирало: дома, холм, огни. Тишина была тяжелой, от нее заходило сердце. Переулок Зумби-дос-Палмарес умирал.

Как стары были здесь дома, какой щербатой выглядела мостовая!

Улица была стара, как старая негритянка, жившая в старом закопченном доме — она всегда по-матерински совала мальчишкам тостан [\[22\]](#)-другой на кокаду [\[23\]](#) и целыми днями курила глиняную трубку, бормоча себе под нос никому не понятные слова.

Улица все больше горбилась, а дома быстро ветшали. Тишина смерти. Она спускалась с холма и поднималась от камней.

Переулок Зумби-дос-Палмарес умирал!

Однажды какая-то новобрачная пара явилась сюда посмотреть сдававшийся дом. Дом был уютный и комфортабельный. Но молодая запротестовала:

— Нет, нет, я не хочу. Эта улица похожа на кладбище.

* * *

На углу два особняка, один против другого. Остальная часть улицы

сплошь застроена низкими мрачными домишками, и среди них еще одной облупленный, полуразвалившийся особняк, густо заселенный рабочим людом.

Два угловых особняка, тоже достаточно древние, сохраняли еще остатки бывшего великолепия. В особняке направо жила семья, которую постигло большое горе — утрата единственного сына, трагически погибшего. Они жили уединенно, никого из них никогда не видели у окна, да и окна всегда были закрыты. Все члены семьи носили траур. Если же случайно окно открывалось, можно было увидеть гостиную и в ней огромный портрет белокурого юноши в форме лейтенанта. На тонких губах юноши играла дерзкая улыбка, в белой руке он держал цветок. Особняк был с верандой, и на веранде часто появлялась белокурая девушка, вся в черном. Она читала книгу в желтом переплете и, заведя Антонио Балдуино, бросала ему монетку.

Каждый вечер возле особняка появлялся красивый молодой человек и начинал медленно прохаживаться по улице. Он тихонько насвистывал, привлекая внимание девушки. Заметив его, она подходила к решетке веранды и улыбалась юноше. А тот, похаживая еще немного, приветствовал девушку жестом, улыбался, и, прежде чем уйти окончательно, вынимал из петлицы гвоздику, и, поцеловав ее, бросал на веранду. Девушка с проворством ловила ее, улыбаясь и прикрывая лицо рукой. Она прятала красную гвоздику в томик стихов и на прощание нежно махала юноше. Он уходил и на завтра возвращался снова. И снова девушка бросала монетку негрятенку, который вертелся внизу и был единственным свидетелем этой любви.

Напротив стоял особняк командора. В цветущем саду расхаживали гуси, и аллея возле дома была обсажена манговыми деревьями. Командор не прогадал, купив еще в старое доброе время этот особняк, и задешево — «чистая выгода», как любил он повторять по воскресеньям, прогуливаясь по саду или отправляясь соснуть в глубине двора. Он поселился в нем много лет назад в ту пору, когда еще только начал богатеть, но и теперь продолжал любить этот старый дом, с целой анфиладой комнат в тихом, без уличного движения переулке.

Громадность этого дома устроила Антонио Балдуино. Он сроду не видывал ничего подобного. На холме Капа-Негро домами именовались приземистые лачуги, сложенные из битого кирпича: дверьми служили крышки от ящиков, кровли крылись обрезками жести. Жилое помещение всегда разделялось всего на две половины: кухню, одновременно служившую столовой, и закуток для спальни. А командорский особняк —

это совсем другое дело! Какой он был огромный, и сколько там было комнат, среди них и такие, что постоянно были закрыты; богато обставленная гостиная, готовая к приему гостей, которые никогда в ней не появляются, большие залы, великолепная кухня, а уборная лучше любого дома на холме!

* * *

Когда Аугуста Кружевница с негритенком добралась до командорского дома, оба они сильно притомились: путь от холма Капа-Негро до переулка Зумби-дос-Палмарес был неблизкой. В доме командора все сидели за столом. Пахло португальскими пряностями. Командор Перейра по-домашнему, в рубашке, возглавлял семейное священнодействие, именуемое завтраком. Войдя с Аугустой, державшей его за руку, в столовую, Антонио Балдуино поднял глаза и сразу увидел Линдиналву.

Во главе стола сидел сам командор, португалец с огромными усищами и невероятно толстым брюхом. Рядом с ним восседала его жена, в толщине не уступающая мужу. Эта пара и Линдиналва, сидевшая по правую руку от матери, худущая и веснушчатая, являли своим контрастом комичнейшую в мире картину. Но Антонио Балдуино, привыкший на холме к неумытым чернушкам, нашел, что Линдиналва — вылитый ангел, вроде тех, что нарисованы на открытках, которые сеу Лоуренсо раздавал своим посетителям на рождество.

Она была почти одного с ним роста, даром что на три года старше. Антонио Балдуино опустил глаза и принялся изучать замысловатые узоры натертого паркета.

Дона Мария, супруга командора, пригласила:

— Садитесь, синья Аугуста.

— Спасибо, я сыта, дона Мария.

— Вы уже завтракали?

— Еще нет, но...

— Тогда садитесь.

— Нет, нет, я потом поем на кухне... — Аугуста знала свое место и понимала, что ее приглашают только из вежливости.

Командор кончил пережевывать то, что было у него во рту, положил нож и вилку на опустевшую тарелку и закричал так, чтобы услышали на кухне:

— Неси сладкое, Амелия!

В ожидании сладкого он повернулся к Аугусте:

— Ну что, Аугуста?

— Я привела мальчика, я вам говорила о нем, сеньор...

Командор, его жена и дочка уставились на Антонио Балдуино.

— А, это он... Ну, подойти поближе, благословенный! — позвал его командор.

Антонио Балдуино приблизился, испуганный, уже прикидывая, как ему вырваться из рук толстяка. Но командор не собирался сделать ему ничего плохого. Он только спросил:

— Как тебя зовут?

— Меня зовут Антонио Балдуино.

— Ну, это слишком длинно. Впредь ты будешь называться Балдо...

— Но на холме меня все звали...

Линдиналва засмеялась:

— Балдо похоже на балду...

Аугуста обратилась к командору:

— Значит, сеньор, вы берете мальчика?

— Беру, беру.

— О сеньор, да благословит вас бег за такую милость... Сиротка он, без отца, без матери. Только и родных, что тетка, а она в уме помешалась, бедняжка.

— С чего это она помешалась?

— Я так думаю, что дух в нее вселился. Да такой настырный — не скоро от него избавишься. Уж мне ли об этих делах не знать...

Антонио Балдуино громко заплакал. Командор погладил его по жестким волосам и сказал:

— Ну чего ты реवेशь, не съедят тебя здесь.

Дона Мария между тем расспрашивала Аугусту:

— Ты говорила про духа, ну и что он?

— Ах, дона Мария, не знаю, что и делать. Не отстаёт он от меня, да и только. А теперь ещё напивается и садится мне на плечи. И тяжеленный такой, того гляди задавит. Я уж чуть жива от него.

— Отчего ты не лечишься?

— Как не лечусь. Каждую субботу лечусь. Отец Жубиаба изгонит его, а он опять возвращается. Такой настырный.

— Я тебе про настоящее лечение говорю. Тебе нужно пойти к врачу. На Ладейре-Сан-Мигел хорошая больница.

— Ни к чему это, дона Мария. Коли уж отец Жубиаба с ним совладать

не может, так кто с ним совладеет? Да все бы ничего — вот только смущает он меня больно. А теперь вот еще напивается. Неужели не видно? Я вот здесь с вами говорю, а сама чуть жива, вы не можете себе представить, сеньора, как он меня умаял. Вот сейчас вскарабкался мне на затылок, ужас какой тяжеленный... — И, обращаясь к командору, продолжала: — Бог вам воздаст за вашу доброту, сеу командор, за милосердие ваше к мальчику. Да ниспошлет господь здравие всему вашему дому...

— Спасибо, синья Аугуста. А теперь отведи-ка парня на кухню и скажи Амелии, чтобы она дала ему поесть.

И командор принялся расправляться с блюдом кажу^[24]. Дона Мария настаивала:

— И ты, Аугуста, съешь хоть что-нибудь.

* * *

На кухне Амелия угостила их на славу. Они завтракали втроем, и Аугуста с волнением рассказывала кухарке историю Антонио Балдуино. Кухарка передником осушала слезы, а Антонио Балдуино, когда Аугуста дошла до рассказа о Луизином помешательстве, перестал жевать и снова горько заплакал.

* * *

Получив деньги за кружева, Аугуста простилась с Антонио Балдуино.

— Я буду приходить тебя навещать.

Только сейчас негритенок понял, что его навеки оторвали от холма, от мест, где он родился и рос, где чему только не научился и что его-то, самую что ни на есть вольницу среди мальчишек холма, запихнули в господский дом.

С этой минуты он больше не плакал. Он стал присматриваться к этому дому, из которого твердо решил убежать.

Но едва Линдиналва позвала его играть, как он забыл и думать о бегстве. Он построил ей шалаш для ангорского котенка, любимца Линдиналвы, побежал с нею во двор, показал ей, как ловко он умеет прыгать, и, наконец, залез на самую верхушку гуявы, чтобы Линдиналва

могла полакомиться плодами. С этого дня они сделались друзьями.

Потом начались неприятности. От кухарки он получил взбучку за курение и был возмущен до глубины души. Одно дело схлопотать по шее от тетки, а от чужой кухарки он такого не потерпит. Когда с языка у него срывались непотребные слова, а срывались они постоянно, Амелия шлепала его по губам, и пребольно. Антонио возненавидел эту португалку с длинными волосами (она заплетала их в две косы и подолгу любовалась ими перед зеркалом) и за спиной показывал ей язык.

Командор — тот был к нему добр. Он даже отдал его в городскую школу на площади Назаре, с ворчливой учительницей, всегда державшей линейку наготове. Он пробыл там год, неизменно возглавляя все безобразия, творимые школьниками. После чего его выгнали, как неисправимого.

Амелия не преминула сказать доне Марии:

— Негр годится только на то, чтобы быть рабом. Негр не рожден для учения.

Но Антонио Балдуино кое-чему научился. Он теперь легко мог читать АВС о знаменитых бандитах и отчеты о преступлениях, которые печатались в газетах. И когда у них с Амелией выдавались мирные дни, не кто другой, как Антонио, вычитывал ей из газет о разных преступлениях, совершаемых по всему свету.

Так и проходила его жизнь в играх с Линдиналвой, которая с каждым днем все больше ему нравилась, и стычках с Амелией, не пропускавшей дня, чтобы не пожаловаться доне Марии на «выходки этого грязного негра», и угощавшей его втихую жестокими тумакками.

* * *

О жизни на холме он узнавал от Аугусты, она каждый месяц приносила кружева доне Марии. Антонио одолевала тоска по прежнему привольному житью, и он снова стал думать о побеге.

Однажды, в воскресный день, в доме командора появился Жубиаба, он о чем-то поговорил с хозяином, после чего Антонио было велено одеться в новый костюм.

Они с Жубиабой вышли из дома, сели в трамвай, и негритенок всю дорогу жадно всматривался в город, вдыхая запах улиц и наслаждаясь ощущением свободы. Он даже забыл спросить у Жубиабы, куда они едут.

Да и что было спрашивать: мальчик беспредельно доверял макумбейро, который в этот воскресный день почему-то обрядился в старый фрак, а на голову напялил нелепую шляпу. Наконец они вышли из трамвая, пошли по длинной тенистой улице и оказались перед большими воротами, охраняемыми человеком в форменной одежде. Антонио Балдуино подумал, не собираются ли его определить в солдаты, и засмеялся. Он не прочь был стать солдатом, носить форму и гулять с мулатками в городском саду. Но вскоре он понял, что это не казармы. Возле огромного серого дома с зарешеченными, тюремными окнами никаких солдат не было. Он увидел мужчин и женщин, одетых в одинаковую одежду, они прогуливались с отсутствующим видом, никого не замечая: одни разговаривали сами с собой, другие бурно жестикулировали. Жубиаба повел Антонио туда, где сидела старая Луиза, беспрерывно повторявшая слабым голосом:

Никуда я не пойду, не пойду, не пойду...

Антонио Балдуино с трудом ее узнал. Она страшно исхудала, и глаза ее казались огромными на обглоданном болезнью лице. Он припал к ее руке, но она смотрела мимо него, не узнавая.

— Тетя, это я — Балдуино...

— Знаю я вас, мальчишек, опять задумали стащить у меня мой товар. Опять пришли воровать, вот я вас. — Она начала сердиться.

Но сразу же успокоилась и снова затянула свою песенку:

Никуда я не пойду, не пойду, не пойду...

Жубиаба повел его к выходу. Антонио оглянулся на мрачный дом, похожий на тюрьму. В трамвае Жубиаба спросил у него, носит ли он подаренный ему амулет. Антонио никогда с ним не расставался.

— Это хорошо, сынок. Береги его. Увидишь, он принесет тебе счастье.

На прощанье он подарил Антонио десять тостанов.

В больницу Антонио ездил еще раз. А потом вместе с Жубиабой он поехал хоронить старую Луизу. Возле бедного, темного гроба он встретил почти всех, кого знал на холме. И все снова были с ним очень ласковы, обнимали его и гладили по голове. Многие плакали. Его взяли на кладбище и там дали ему в руки лопату, чтобы он бросил земли на гроб. А потом тело старой Луизы осталось на кладбище, и теперь уже один Антонио Балдуино с любовью хранил память о ней в своем маленьком сердце, уже до краев наполненном ненавистью...

После похорон, когда они возвращались с кладбища, Жубиаба, чтобы развлечь мальчика, рассказал ему историю Зумби из Палмареса^[25].

— Улица, где ты живешь, называется Зумби-дос-Палмарес?

— Да, сеньор...

— А ты знаешь, кто такой был Зумби?

— Нет. — Балдуино шел печальный, он все настойчивей думал о побеге и поначалу не очень прислушивался к тому, что рассказывал Жубиаба, хотя привык ловить каждое его слово.

— Это было давно... Во времена, когда негры были рабами...

Вот и Зумби был черный раб. А черных рабов на плантациях избивали за любую провинность. И Зумби тоже часто били. А на его земле, там где он родился, его никогда не били. Потому что там негры не были рабами, там они жили вольно в своих деревнях, работали, а после работы плясали.

— А зачем же он сюда приехал? — Балдуино стал проявлять интерес к рассказу.

— Его привезли сюда белые. Они обманули глупого негра, ведь там, у себя, он сроду не видывал белых и не знал еще, что от них добра не жди. У белых глаз милосердия давно закрылся. Они любят только деньги, и они обманывали негров и продавали их в рабство. Потом их привозили сюда и здесь били плеткой. Такая судьба выпала и Зумби из Палмареса. Но он был храбрый негр и понимал больше, чем другие. Однажды он убежал с плантации, собрал вокруг себя других беглых негров и снова стал свободен, как когда-то у себя на родине. Все больше негров бежало к нему, и скоро их собралось великое множество. И они сами стали нападать на белых. Тогда белые послали против них солдат и велели им стрелять в беглых негров. Но и солдаты ничего не смогли с ними сделать. Солдат было больше. Но негры побили солдат.

Антонио Балдуино слушал с широко открытыми глазами, дрожа от волнения за судьбу храброго Зумби.

— Но белые прислали еще солдат, их было уже видимо-невидимо, во много раз больше, чем негров. Но негры не хотели быть рабами, и когда Зумби увидел, что все пропало, он бросился вниз с высокого холма, чтобы не попасть в руки к белым, и за ним все негры тоже бросились вниз, и все они погибли... Зумби из Палмареса был хороший и храбрый негр. Если бы в те времена нашлось хотя бы двадцать таких отчаянных, как он, негры не стали бы рабами...

Так в тот день, когда Антонио Балдуино похоронил свою тетку, он нашел друга, который занял опустевшее место в его сердце: Зумби из Палмареса. С этой минуты тот стал его любимым героем.

В его жизни, омрачаемой придирками Амелии, были и свои радости. Во-первых, Линдиналва: она любила играть с Антонио Балдуино, а он мог проводить целые часы в каком-то остолбенении, не отрывая взгляда от лица девочки, казавшегося ему ликом святой. Потом кино — для него это было откровение. Но в противоположность мальчишкам, смотря ковбойские фильмы, он всегда болел не за хорошего белого, а за плохого индейца. Чувство принадлежности к угнетенной расе, родившееся в нем еще на холме, не угасало ни на минуту. Потом был еще Зе Кальмар — он теперь обучал игре на гитаре мальчишек, живших в старом особняке, в конце улицы, и продолжал давать уроки и Балдуино.

Обязанности Антонио в доме командора не были слишком обременительны. Он подавал на стол, мыл посуду, ходил на рынок, исполнял всякие поручения. Командор даже подумывал пристроить его на какую-нибудь должность в свой магазин:

— Из него определенно выйдет толк, из этого негритенка. Смышленный, чертенок...

Побой Амелии приучили Антонио к осторожности. Теперь он курил потихоньку, ругался шепотом, врал без зазрения совести.

Случилось так, что как раз желание командора устроить судьбу Антонио Балдуино, подыскав ему место в своем магазине и дав ему жалованье и возможность начать самостоятельную жизнь, и вынудило Антонио бежать. К этому времени ему исполнилось пятнадцать лет, и три года уже Амелия преследовала его своей ненавистью.

И вот что послужило поводом к побегу: когда командор в один из воскресных дней объявил, что в следующем месяце Антонио начнет работать в магазине, Амелия пришла в ярость. Подумать только, с чего это хозяевам так полюбился этот негр, уж так они его опекают, все думают из него человека сделать!

— Негры — подлое племя, — ворчала она. — Никогда негр не будет человеком.

И она стала измышлять, как бы опорочить мальчишку перед хозяевами. Однажды она заметила, что Антонио Балдуино замер без движения на пороге кухни: мальчишка не отрывал молитвенного взора от Линдиналвы, сидевшей на веранде за шитьем. Амелия вытянула его

кулаком по спине:

— Ах ты, бесстыжий негр! Так глазами ее и раздевает...

У Балдуино и в мыслях не было так смотреть на Линдиналву: в эти минуты он вспоминал то хорошее время, когда они оба были детьми и вместе играли в саду. Но он перепугался, как если бы в самом деле смотрел на Линдиналву нечистыми глазами.

Амелия не преминула доложить об этом командору. И все поверили ее наговору. Даже Линдиналва: теперь, когда глаза ее встречались со взглядом Антонио, он видел в них страх и отвращение.

Командор, от природы человек добрый, в гневе бывал страшен:

— Ах ты, гаденыш, я его воспитываю, как сына, забочусь о его будущем, а он что себе позволяет...

Амелия поспешила подлить масла в огонь:

— Этот черномазый совсем стыд потерял, просто ужас берет. Подумать только — когда дона Линдиналва моется в ванной, он подглядывает за ней в замочную скважину.

Линдиналва выбежала из комнаты со слезами на глазах. Балдуино хотел закричать, что Амелия врет, но он увидел, что все ей поверили, и промолчал.

Его избили до полусмерти, — он не мог встать, все тело у него болело. И ладно бы только тело. У него разрывалось сердце при мысли о том, что никто, ни один человек ему не поверил. А ведь они были первые в его жизни белые, которых он успел полюбить. И он возненавидел их, а вместе с ними и всех других белых.

А ночью он увидел во сне Линдиналву. Он увидел ее обнаженной и проснулся. Он вспомнил, что рассказывали о своих похождениях мальчишки с холма, и почувствовал себя одиноким и потерянным. Но нет, он не будет одиноким! Он поскорее заснул, и во сне Линдиналва, словно сошедшая с рождественской открытки, улыбалась ему, и под его рукой содрогались ее белые узкие бедра и расцветали еще детские груди. И отныне и навсегда, с какой бы женщиной ни был близок Антонио Балдуино, это была Линдиналва, всегда только Линдиналва.

* * *

На рассвете он покинул переулок Зумби-дос-Палмарес.

НИЩИЙ

Теперь Антонио Балдуино ждала вольная жизнь в благочестивой Баие Всех Святых и Жреца Черных Богов Жубиабы. И жизнь эта была полна головокружительной свободы. Его домом стал весь город, и он занимался тем, что обследовал его улица за улицей. Город принадлежал ему, сыну убогого и нищего холма.

Город католиков, город завоевателей, город негров. Пышные, блестящие золотом церкви, дома, выложенные голубыми изразцами, древние особняки, где роскошь давно уже уступила место нищете, улицы, мощенные булыжником, улицы, лезущие в гору, старые крепости, исторические памятники и гавань, главное — гавань, — все это принадлежало негру Антонио Балдуино. Он был истинным хозяином города, потому что он знал его весь, целиком, знал все его тайны, все его закоулки, знал обо всех происшествиях и катастрофах, случившихся на его улицах. Город принадлежал ему, и он хозяйским глазом следил за его жизнью. Это было его дело, его работа. Он видел все, что происходило в городе, ему были известны все городские знаменитости, он ходил на все городские празднества, встречал и провожал все пароходы. Он знал по имени всех лодочников и был в дружбе с владельцами каноэ в Порто-да-Ленья. И он обедал в самых дорогих ресторанах, ездил в самых роскошных машинах, жил в самых новых небоскребах. И мог все это менять каждый день. Ведь он был хозяином города, и ни обеды, ни квартиры, ни машины ничего ему не стоили.

Свободный, как воздух, он царил среди жилых громад большого города, он был его властелином. Но люди, проходившие мимо, об этом, разумеется, даже не подозревали. Никто не обращал внимания на негритенка, одетого в лохмотья, в кепке, налезавшей на глаза, с окурком в зубах. Элегантно одетые женщины, бросавшие ему монетку, старались не подходить к нему близко, боясь запачкаться.

И все же именно он, негр Антонио Балдуино, был императором этого негритянского города. Пятнадцатилетний император, весельчак и бродяга. Быть может, и сам Антонио Балдуино не подозревал об этом.

Он подбирал окурки и носил кепку, налезавшую ему на глаза. И штаны из черного кашемира, рваные и все в пятнах, и огромный не по росту пиджак, видимо, с плеча какого-то великана, пиджак, служивший зимой и пальто и подушкой, — таково было одеяние «императора». А его окружение, его верноподданные, его гвардия: вместо гвардейской формы они были одеты в обноски и обуты в опорки, извлеченные из мусорных ящиков. Но в боевой отваге эта гвардия не уступила бы любой гвардии в мире.

* * *

Антонио Балдуино, опережая прохожего, канючит:

— Подайте, Христа ради...

Дородный господин меряет негра с головы до ног взглядом расчетливого дельца, застегивает пиджак и иронически качает головой:

— Этаким детина и просит милостыню! Работать надо, а не бродяжничать... Бессовестный... Иди работай...

Антонио Балдуино оглядывается: толпы прохожих текут мимо. Тогда он затягивает снова:

— Я издалека, сеньор. В сертане засуха, сеньор, ни капли дождя. А здесь сразу работу разве найдешь... Подайте хоть на глоток кофе, сеньор, я вижу — вы человек душевный...

Он выдерживает паузу: подействовало или нет? Но господин не замедляет шага:

— Я уже не раз слышал эти басни... Иди-ка лучше работай...

— Клянусь вам светом этого солнца, я говорю правду. Там люди мрут от голода и жары... Может, у вас найдется для меня работа... Я работы не боюсь... Но я со вчерашнего дня ничего не ел... Я еле на ногах держусь... от голода. Вы добрый человек, сеньор...

Желая отвязаться, господин шарит в кармане и бросает Антонио монету.

— Вот, возьми... И отстань, ради бога...

Но Антонио тащится следом за дородным господином. У господина во рту сигара, и он уже выкурил ее больше чем наполовину. А Балдуино — страстный любитель сигарных окурков. Господин идет, размышляя о том, что услышал от негра. Все попрошайки в городе твердят одно и то же, но, может быть, это так и есть? Он вспоминает их злые, голодные лица, и его

охватывает страх. Он бросает недокуренную сигару, снова застегивает пиджак и спешит в кафе выпить и собраться с духом. Антонио завладевает окурком и разжимает кулак с монетой. Два мильрейса серебром. Антонио весело подбрасывает монету, ловит ее и присоединяется к группе приятелей, — они спорят о футболе.

— А ну-ка, братцы, отгадайте, сколько нам перепало?

— Пятьсот рейсов?

Антонио Балдуино звонко хохочет:

— Доллар!

— Два мильрейса?

— Ключул, как миленький. — На лице Антонио презрительная гримаса. — Я уж ему напел...

И все хохочут до упаду. В глазах прохожих все они — черные, белые, мулаты — всего лишь нищие бродяги. Прохожие не знают, что перед ними — император в окружении императорской гвардии.

* * *

Когда улицы начинали пестреть элегантно одетыми дамами в дорогих шелках, с ослепительными улыбками на подкрашенных лицах, Антонио Балдуино собирал свою гвардию условным свистом. Они выстраивались в шеренгу. Толстяка выталкивали вперед: у него был на редкость жалобный голос — сразу верилось, что человек помирает с голоду. И физиономия — идиотски застывшая, с неподвижным взглядом. Толстяк прижимал руки к груди, делал скорбное лицо и направлялся к проходившим мимо дамам. Он останавливался прямо перед ними, не давая им пройти, остальные мальчишки окружали их плотным кольцом, и Толстяк затягивал:

Подайте слепым сиротинкам, нас семеро: мал мала меньше...

Мы, старшие, ходим и просим, а младшие дома остались.

Отец наш — калека убогий, а мать занедужила сильно...

Подайте слепым сиротинкам, нас семеро, мал мала меньше, и все от рожденья слепые...

Стараясь разжалобить слушательниц, Толстяк сам едва не плакал, физиономия его морщилась, скорбный взгляд был неподвижен, как у

слепого, настоящего слепого, с шестерыми слепыми братишками и сестренками, больной матерью, калекой-отцом, без крошки съестного в нищей лачуге. И он начинал сначала:

Подайте слепым сиротинкам, нас семеро: мал мала меньше...

Он тыкал пальцем в того, кто стоял ближе всех:

Мы, старшие, ходим и просим...

В конце он жестом пухлых рук обводил собравшихся мальчишек и зывал: нас семеро, мал мала меньше, и все от рожденья слепые...

Мальчишки подхватывали: и все от рожденья слепые...

Толстяк раскачивался всем своим жирным телом и протягивал грязную ладонь за подаванием, обычно очень обильным. Одни дамы жалели детей, голодающих в ужасных трущобах, другим хотелось поскорее вырваться из плотного кольца чумазных мальчишек, в чьих глазах им мерещилась угроза. Те, что были посмелее, пытались обратить все в шутку:

— Но как же так? Вы просите на семерых, а вас тут больше десятка... Говорите — сироты, а есть калека-отец и больная мать... Все слепые, а вы все видите преотлично... Как же это получается...

В ответ парни только теснее сжимали кольцо, и Толстяк снова заводил жалобным голосом:

Подайте слепым сиротинкам...

Тут уже раскошеливались все, как одна. Кольцо становилось все плотнее, и немые уродливые физиономии парней неотвратимо приближались к холеным, накрашенным дамским лицам. Парни устрашающе открывали рты, подхватывая последние слова певца. Толстяк, набрав воздуха, тут же начинал все сначала. Дамы поспешно открывали сумки, и монеты сыпались в протянутую ладонь Толстяка. Кольцо размыкалось, и Толстяк рассыпался в благодарностях:

— Дай вам бог, сеньора, красивого жениха, вот увидите, он приплывет к вам на корабле...

Многие дамы улыбались, но некоторые оставались задумчивыми. А на улицах и в переулках звучал мальчишеский смех, звонкий и счастливый. На полученные деньги покупались сигареты, хватало еще и по стакану вина на всех.

В их ватаге был один мальчонка лет десяти, белокурый, с круглой ангельской мордашкой, вьющимися волосами, голубыми глазами, худыми детскими руками. Звали его Филипе, и он сразу же получил прозвище Филипе Красавчик. У него никогда не было ни дома, ни семьи: мать его кочевала по борделям Нижней улицы. Немолодая француженка, она в один прекрасный день влюбилась в студента. Родился Филипе. Студент, закончив курс, уехал на Амазонку, мать спилась, а сын затерялся на улицах города.

Он попал в их ватагу, и в первый же день из-за него произошла страшная драка. Они все, завернувшись для тепла в старые газеты, спали вповалку в парадном одного из небоскребов, и парень, по прозвищу «Беззубый», стал приставать к Филипе Красавчику. Беззубый был здоровенный шестнадцатилетний мулат. Он мастерски, с присвистом плевался щербатым ртом и мог доплюнуть куда угодно. Других талантов за ним не водилось. И вот он-то полез к Филипе с объятиями и стал потихоньку стягивать с него штаны. Филипе забился у него в руках и закричал. Все вскочили. Антонио Балдуино, протирая глаза, спросил:

— Что за переполох?

— Вот он полез ко мне, верно, думал, что я из этих... А я не такой, нет... — Филипе чуть не плакал.

— Ты чего пристал к мальчишке?

— А это уж не твоя забота. Что хочу, то и делаю. Мальчишка аппетитный, что твоя конфетка.

— Послушай, Беззубый, оставь мальчишку в покое, не то будешь иметь дело со мной.

— Ах, ты хочешь слопать его один... Но это не по-товарищески...

Антонио Балдуино оглядел ватагу, увидел на лицах неуверенность.

— Вы же знаете, что я никого не собираюсь лопать. Меня интересуют женщины. Если бы мальчишка был из таких, тогда другое дело. Но тогда он бы не остался с нами — здесь нам это ни к чему. Мальчишка не такой — и пусть только кто-нибудь до него дотронется...

— Ну и дотронусь, что тогда?

— Попробуй...

Антонио встал.

Беззубый — тоже. Он надеялся победить Антонио Балдуино и стать

главарем ватаги. Они молча смотрели друг на друга.

— Начнем, — сказал Беззубый.

Антонио Балдуино обрушил на него удар кулака. Беззубый пошатнулся, но удержался на ногах. Они бросились друг на друга, ватага следила за поединком. Антонио сбил Беззубого с ног, но тот, изловчившись, вскочил. Новый удар Антонио свалил Беззубого, и, снова поднявшись, мулат пошел на Антонио с ножом — лезвие блеснуло в темноте.

— Ах, подлая твоя душа! Не можешь драться по-человечески!

Беззубый шел на него с ножом, но Антонио Балдуино недаром брал уроки капоэйры у Зе Кальмара. Он подставил Беззубому подножку, и тот рухнул навзничь, выронив нож.

Антонио Балдуино повторил:

— Кто тронет мальчишку, будет иметь дело со мной... В другой раз я тоже возьму нож...

Беззубый уgomонился, прикорнув поодаль у самых дверей. Теперь Филипе Красавчик стал полноправным членом ватаги.

Он был специалистом по старухам. Усмотрев еще издали какую-нибудь старушенцию, Филипе поправлял узел на старом галстуке, с которым он никогда не расставался, выплевывал сигаретный окурочок, прятал руки в рваные карманы, в одной из них по привычке был зажат ножик, и с невыразимо печальным лицом приближался к своей жертве. Говорил он проникновенным полусшепотом:

— Добрый день, сеньора... Вы видите перед собой брошенное дитя... Без отца, без матери... Ни одной родной души... Никто не покормит, не напоит, а я так голоден, так голоден...

И он начинал рыдать. У него был особый талант: он мог заплакать в любой момент. Слезы катились из голубых глаз, он тоненько всхлипывал:

— Я хочу есть... мамочка... у вас ведь тоже есть дети... ах, моя бедная мамочка...

Его круглая беленькая мордашка, залитая слезами, дрожащие губы производили неотразимое впечатление. Не было ни одной старушки, которая не принималась бы над ним причитать:

— Ах, бедняжка... Такой маленький... И уже без матери...

Подавали ему очень щедро. Не раз его хотели взять на воспитание богатые дамы, но Филипе предпочитал свободу улиц. Он был верен ватаге, и парни относились к нему чрезвычайно уважительно: еще бы, малец приносил больше всех. Даже Беззубый глядел на него с почтением, когда Филипе, обдузив очередную старушку, небрежно ронял:

— Пятерку отвалила...

Раскаты мальчишеского хохота разносились по улицам, склонам и переулкам Баии Всех Святых и Жреца Черных Богов Жубиабы.

* * *

Самым странным из всей ватаги был Вириато, по прозвищу «Карлик». Прозвали его так за низкий рост — даже Филипе был выше его, хоть и на три года моложе. Приземистый и плотный, Карлик обладал неслыханной для своего возраста физической силой. Грязен он был невероятно, и никакое купание не могло смыть с него эту грязь и запах нищеты. Он попрошайничал на улицах еще задолго до того, как образовалась ватага. Его приплюснутая голова внушала ужас. И для пущего устрашения он ковылял скособочившись, что делало его еще более низкорослым и похожим на горбуна. Стоило большого труда вытянуть из него хоть словечко, и когда вся ватага заходилась от хохота, Вириато лишь слабо улыбался.

Но он никогда ни на кого не злился, не ворчал, если дела у ватаги шли плохо, ел, что придется, и довольствовался окурками. Антонио Балдуино его любил, слушался его советов и считал его самым стоящим в своей ватаге.

Днем Вириато, он же Карлик, промышлял в одиночку. Он усаживался возле одного из домов на улице Чили, поджав под себя ноги, приплюснутая голова его свешивалась набок. Молча он протягивал шапку спешащим мимо прохожим. И казался архитектурной деталью парадного подъезда, возле которого он сидел, словно трагическая статуя, церковная химера. Выручал Карлик немало. Вечером он присоединялся к ватаге и высыпал на ладонь Антонио Балдуино все заработанное им за день. Затем, после подсчета и раздела общей выручки, Вириато получал свою долю, забивался в свой угол, ел, курил, спал. Остальное время он проводил вместе со всеми: бродил по улицам, гонялся за девчонками на пляже, дрался, плясал на карнавалах, но все это без особой охоты — проводил время и только. Единственный из всей их нищенствующей братии Карлик считал попрошайничество своим призванием.

* * *

Каждый день, к вечеру, Антонио Балдуино, усевшись где-нибудь в закоулке и собрав вокруг себя всю ватагу, подсчитывал выручку. Ребята выворачивали карманы старых штанов, извлекали оттуда мелочь, а иногда и серебро, и отдавали жожаку.

— Ну, сколько у тебя, Толстяк?

Толстяк пересчитывал монеты:

— Пять тысяч восемьсот...

— А у тебя, Красавчик?

С чувством превосходства Филипе швырял свою добычу:

— Шестнадцать мильрейсов...

Вириато тоже спешил отдать заработанное:

— Двенадцать тысяч сто...

Подходили и остальные. Кепка Антонио быстро наполнялась мелочью и серебром. Под конец и Антонио очищал свои карманы, прибавляя к собранному свою выручку.

Он подсчитывал деньги с помощью пальцев. Потом вместе с Вириато производил дележку:

— Нас девять человек, значит, по шести тысяч шестьсот на каждого. — И он требовал подтверждения: — Как, братва, все верно?

Все было верно. Они по одному подходили к Балдуино, и он каждому выдавал, что положено. Иногда вдруг какой-то мелочи не хватало.

— Беззубый тебе дал пятьсот рейсов...

— Тот раз ты мне недодал три тостана...

После дележа вся ватага шла подзаправиться, а потом они допоздна шатались по городским улицам, или в компании мулаток забирались на пустынные пляжи, или отправлялись на далекие окраины и попадали там на бедные празднества, или пили кашасу в тавернах нижнего города.

Но однажды чрезвычайное событие нарушило привычную жизнь ватаги. Зе Корочка, отдавая Антонио дневную выручку, как-то загадочно улыбался.

— Три мильрейса, — подсчитал Антонио.

Зе Корочка продолжал улыбаться:

— И еще это...

И он бросил в кепку Антонио кольцо с ослепительно сверкающим камнем. Крупный камень, и вокруг него дюжина мелких. Антонио Балдуино посмотрел Зе Корочке в глаза и сказал:

— Ты кого это ограбил, Зе?

— Клянусь, никого я не грабил... Какая-то девушка подала мне милостыню, а когда она уже была далеко, я увидел на земле кольцо. Я

бросился за ней, но разве догонишь...

— Брось заливать...

Ватага разглядывала кольцо, переходившее из рук в руки, не проявляя особого интереса к тому, что там плетет Зе Корочка в свое оправдание.

— Расскажи, как было дело, Зе...

— Я не вру, Балдо, клянусь, все так и было...

— И ты побежал за ней...

— Ну, тут я малость приврал, но все остальное — святая правда.

— Ну, пускай будет по-твоему... И что же, братцы, теперь с этим делать?

Филипе захохотал:

— Отдайте мне. Мне как раз не хватает такого кольца...

Все засмеялись, но Антонио Балдуино повторил:

— Ну так что же все-таки с ним делать?

Вириато, по прозвищу Карлик, пробормотал:

— Ломбард. За него отвалят кучу денег.

Филипе продолжал веселиться:

— Я сошью себе новый костюм...

— Обойдешься, лучше подыщи что-нибудь на помойке...

— Нет, с ломбардом не выгорит, Вириато. Кто поверит, что это наше кольцо. Вызовут полицию, и нас всех за решетку...

— Да, не выйдет...

— Отдайте мне, — приставал Филипе.

— Отстань...

— Пожалуй, верней всего, братцы, выждать малость. Пускай девушка забудет про кольцо, тогда и решим.

И Антонио Балдуино повесил кольцо себе на шею рядом с талисманом.

* * *

Антонио Балдуино подошел к прохожему в летнем пальто. Ватага наблюдала за происходящим из-за угла.

— Подайте, Христа ради...

— Работать иди, бездельник...

Вокруг было пустынно. В переулке — ни души. Человек в летнем пальто прибавил шаг. В петлице пальто красовался красный цветок.

Антонио подошел к нему вплотную, ватага окружила их.

— Дайте хоть сколько-нибудь...

— Я вот тебе сейчас дам по шее, парень...

Ватага преградила ему дорогу:

— Сеньор, видать, богатый. Может, и на серебро не поскупится...

Человек не отвечал, парни подступали к нему все ближе.

Антонио дышал ему в лицо. В руке его мелькнул нож.

— Гони монету...

— Ах вот вы кто, — грабители? Да? — отважился пробормотать прохожий.

— Нет, мы еще только учимся, у нас все впереди... Антонио Балдуино засмеялся. Сверкнуло лезвие ножа. Парни сгрудились плотнее.

— Нате, разбойники...

— Смотри, как бы нам опять не повстречаться...

— Я обращусь в полицию...

Но парни привыкли к такого рода угрозам и не обращали на них внимания. Антонио схватил десять миль-рейсов, спрятал нож, и ватага открыла прохожему путь, мигом рассыпавшись по соседним улицам и переулкам. Такие налеты они совершали обычно в преддверии карнавала или празднеств в Бонфине и Рио-Вермельо.

* * *

Однажды заболел один из ватаги — Розендо. Его жестоко лихорадило, к вечеру начался бред, он ничего не ел. Поначалу Розендо крепился, даже смеялся и говорил:

— Ничего, ничего... пройдет...

И все тоже смеялись, стараясь его подбодрить. Но уже на вторую ночь ему стало хуже, он или бредил, или тихонько стонал. Мучимый страхом смерти, он твердил:

— Я умираю, позовите мать, мою мать...

Все смотрели на него, не зная, что делать, и всегда веселые мальчишеские глаза были омрачены испугом и печалью.

— А где твоя мать живет? — спросил Балдуино.

— А кто ее знает. Когда я сбежал, она жила в Порто-да-Ленья. Но она уже переехала оттуда. Разыщи ее, Балдо... Разыщи, я хочу с ней проститься...

— Я разыщу ее, Розендо...

Ухаживал за больным Вириато. Он лечил его какими-то диковинными средствами, которые только ему и были известны. Где-то он раздобыл одеяло и устроил Розендо мягкую постель. Он развлекал больного, рассказывая ему разные истории и забавные случаи, забавные преимущественно потому, что рассказывал их Вириато Карлик, который почти всегда молчал и никогда не смеялся...

— А как зовут твою мать?

— Рикардина... Она живет с одним извозчиком. Она толстая такая негритянка, молодая еще... — И больной вновь заметался, призывая мать: — Я хочу, чтобы она пришла... Пусть придет, а то я так и умру и не увижу ее...

— Успокойся, завтра мы с Балдо ее приведем...

Филипе рыдал, и на этот раз его слезы были неподдельными. Толстяк молился, припоминая все известные ему молитвы, Антонио Балдуино изо всех сил сжимал амулет, висевший у него на шее.

* * *

Утром Балдуино укрылся вместе с Розендо в темном углу под лестницей. Он решил поближе к вечеру сходить за Жубиабой. В полдень Вириато привел толстуху негритянку, мать Розендо. Больной бредил и в бреду никого не узнавал. Остановили машину, чтобы отвезти Розендо домой.

— А деньги-то у вас есть, дона?

— Есть немного, да с божьей помощью не пропадем.

Тут Антонио вспомнил о кольце, которое он носил на шее рядом с талисманом.

— Вот возьмите... это для Розендо. На лечение.

Ватага молча смотрела на них. Негритянка всплеснула руками:

— Вы это украли? Вы — воры? И мой сын заодно с вами?

— Да нет, это мы нашли на улице...

Негритянка спрятала кольцо. Антонио Балдуино предложил:

— Если хотите, сеньора, я приведу к вам Жубиабу, он непременно вылечит Розендо...

— Ты можешь привести Жубиабу?

— Да, он мой друг...

— Ах вот как! Приведи, мой дорогой, приведи...

В машине Розендо бился, звал мать и кричал, что умирает.

Они уехали, и Антонио Балдуино стал расспрашивать Вириато, как ему удалось разыскать мать Розендо.

— Это было нелегко: живет-то она уже не с извозчиком, а со столяром...

Он в задумчивости глядел на уличное столпотворение. Неожиданно у него вырвалось:

— А если вдруг я заболею? У меня ни отца, ни матери, никого...

Антонио Балдуино обнял Вириато Карлика за плечи. Толстяк расчувствовался.

* * *

Жубиаба вылечил Розендо. Ярким солнечным утром вся ватага пришла навестить приятеля. Он уже сидел в кресле, которое для него смастерил отчим. Посмеялись, вспоминая разные проделки, и Розендо объявил, что с попрошайничеством для него покончено, теперь он возьмется за ум и станет работать по столярной части вместе с отчимом. Антонио Балдуино, слушая его, улыбался. Вириато Карлик, как всегда, был серьезен.

* * *

Император обедал в лучших ресторанах, ездил в самых шикарных машинах, жил в самых роскошных небоскребах. И все это бесплатно. После полудня он закатывался с ватагой в ресторан и отзывал в сторонку официанта. Официанты знали, что ссориться с этими парнями небезопасно. И ватага получала остатки от обедов, завернутые в газету. Иногда еды было так много, что ватага, наевшись, выбрасывала оставшееся на помойку. И эти остатки остатков извлекали из помойки нищие старики.

Император всегда поджидал машину, которая была бы его достойна. Дешевые марки он презирал. И только когда подвертывалось нечто шикарное, он позволял себе, прицепившись сзади, проехаться по городу. Если по пути встречалась машина еще более роскошная, Антонио Балдуино немедленно пересаживался и продолжал прогулку по

завоеванному им городу.

И он, и его гвардия ночевали в подъездах новых небоскребов, и привратники не осмеливались им в этом препятствовать: мальчишки могли пустить в ход и кулаки и ножи. Но порой они предпочитали ночевки на портовых пляжах, где стояли гигантские корабли, где с неба на них смотрели звезды и таинственно плескался зеленый океан.

НЕГР

Море было его давнишней страстью. Еще там, на холме Капа-Негро, следя за его изменчивой гладью, то синей, то светло— или темно-зеленой, Антонио Балдуино влюбился в него, он был захвачен его беспредельностью и тайной, которая, он знает, живет и в гигантских кораблях, отдыхающих в гавани, и в маленьких лодчонках, вздымаемых приливом. Море вливает в его сердце покой, которого ему не дает город. Но в городе он — хозяин, а море не принадлежит никому.

Он приходит к морю ночью почти всегда один и растягивается на чистом песке маленькой рыбацкой гавани. Здесь он спит и видит свои лучшие сны. Иногда он приводит с собой ватагу. Но тогда они отправляются в большую гавань, где стоят океанские пароходы. Они приходят наблюдать за посадкой пассажиров, отплывающих ночным рейсом, смотрят, как медленно поднимаются она по трапу на сказочный белый корабль, держа в руках пальто и пакеты, наблюдают за работой грузчиков. На погрузке трудятся негры: они снуют, как черные муравьи, под тяжестью громадных тюков, согнувшись в три погибели, словно вместо мешков с какао они несут на своих плечах всю непосильность своей злополучной судьбы. И подъемные краны, похожие на гигантские чудовища, насмехаясь над усилиями крошечных человечков, поднимают невероятные тяжести, балансируя ими в воздухе. Они скрипят, и вопят, и скрежещут по рельсам, управляемые людьми в комбинезонах: сидя в кабинах, люди поочередно нажимают кнопки в мозгу чудовищ.

Бывают ночи, которые Антонио Балдуино проводит не один, но и не в обществе своих дружков. Он приходит к морю с какой-нибудь негрятяночкой, такой же юной, как он, или чуть постарше, чтобы спать с ней уже без снов на прибрежном песке. В эти ночи он не замечает ни тихого качания рыбацких лодчонок, ни таинственной жизни океанских пароходов и подъемных кранов. Он уводит свою подругу в известные только ему потаенные уголки, где видна лишь зеленая безбрежность моря. Антонио Балдуино хочет, чтобы море было свидетелем их любовных объятий, чтобы оно знало: в свои пятнадцать лет он — мужчина; и Антонио опрокидывает девчонку на песок, мягкий, словно матрац.

Но, в одиночку или нет, он всегда смотрит на море как на дорогу домой.

* * *

Когда-нибудь, он в этом уверен, вместе с морем придет к нему что-то, что именно он и сам не знает, но ждет этого неотступно.

Чего же недостает черному парню Антонио Балдуино, пятнадцати лет от роду, императору Баии, города негров? Он не знает этого, и никто не знает. Но чего-то недостает, и, чтобы обрести это, нужно или переплыть океан, или ждать, что оно само приплывет к нему на океанском пароходе, или будет привезено в трюме, или даже выброшено на берег вместе с телом потерпевшего кораблекрушение.

* * *

Однажды ночью работа в порту вдруг остановилась, и все бросились к причалу, о который с шумом разбивались морские волны. Сияла луна, и так сверкали звезды, что в этом свете совсем потерялся огонек таверны, носившей название «Фонарь утопленников». Кто-то заметил на причале старое брошенное пальто и рваную шапку, стали нырять и вытащили утопленника. Это был старый негр, один из немногих, кто дотянул здесь до седых волос. Он утопился. Антонио Балдуино подумал, что старик искал в море дорогу домой, что он тоже приходил сюда, в гавань, каждую ночь. Но один из грузчиков сказал ему:

— Это старый Салустiano, бедняга... Работал здесь в доках, попал под увольнение. — Грузчик оглянулся по сторонам и в ярости сплюнул. — Сказали, что он уже не окупает свое жалованье. Стар, мол. Старик голодал, никому до него не было дела. Бедняга...

Другой прибавил:

— И всегда так... убивают нас непосильной работой, а выдохся — катись на все четыре стороны. Тут тебе только и остается, что броситься в море.

Говоривший — худой, изможденный мулат — видно, думал о себе. Первый грузчик, мускулистый негр, подхватил:

— Едят наше мясо, а кости обглаживать не желают. Во времена рабства, тогда хоть ели вместе с костями...

Раздался гудок, и все вернулись к оставленным тюкам и подъемным кранам.

Но сначала кто-то прикрыл лицо утопленника старым пальто.
Потом пришли женщины и стали оплакивать покойника.

* * *

И еще раз бросили работу в порту черные грузчики, но уже по другой причине. Эта ночь была безлунной и беззвездной. Из «Фонаря утопленников» доносились исполняемые слепым гитаристом песни рабов. Какой-то человек, взобравшись на большой ящик, держал речь. Вокруг столпились грузчики, со всех сторон подходили еще и еще, стараясь пробиться поближе к оратору. Антонио Балдуино и его ватага, пришедшие, по обыкновению, в порт на ночевку, услышали только самый конец речи, когда оратор выкрикивал «да здравствует!» и толпа подхватывала:

— Да здравствует!

Антонио Балдуино и его ватага тоже кричали изо всех сил:

— Да здравствует!

Он не знал, кто должен здравствовать, но ему самому нравилось жить и здравствовать. И он вместе со всеми смеялся, потому что ему нравилось смеяться.

Человек, говоривший речь, судя по акценту, испанец, бросил в толпу какие-то листки — их тут же расхватали. Антонио Балдуино поймал один из них и отдал знакомому грузчику Антонио Каросо. Вдруг кто-то крикнул:

— Полиция!

Нагрянули полицейские и забрали оратора. А он говорил о нищете, в которой живет рабочий люд, и о том, что нужно бороться за такое общество, где для каждого будет хлеб и работа. За это его арестовали, и все собравшиеся не могли понять, как можно хватать человека за одни лишь слова. И они, протестуя, кричали:

— Освободить! Освободить!

Антонио Балдуино тоже кричал «освободить!». И выкрикивать это слово ему нравилось больше всего. Все же полиция увезла испанца, но листки пошли по рукам: кто не успел подобрать, когда испанец их разбрасывал, те брали у товарищей. Грузчики резким жестом выбрасывали сомкнутые кулаки, скандируя выкрики протеста против полицейской расправы. Лица, черные, мужественные, и руки, словно разрывающие оковы. Из таверны «Фонарь утопленников» неслись песни, сложенные неграми-рабами.

Гудок, призывающий к работе, надрывался впустую.
Какой-то краснолицый толстяк в плаще процедил:
— Канальи!

* * *

Кто знает, действительно ли море, выбросив старика утопленника, указало дорогу домой Антонио Балдуино? Или это сделал человек, говоривший о хлебе для всех и арестованный за свои речи полицией? Или руки грузчиков, словно разрывающие оковы?

* * *

Это были прекрасные годы, вольные годы, когда ватага царила в городе, попрошайничала на улицах, дралась в переулках, ночевала в порту. Ватага была единым целым, и члены ее по-своему уважали друг друга. Правда, свои чувства они проявляли, награждая друг друга тычками и обзывая малоудобными для постороннего слуха словами. Ласково обматерить своего дружка — вот высшее проявление нежности, на которое были способны эти улыбчивые черные парни.

Они были едины, это верно. Когда дрался один, вступали в драку все. Все, что они добывали, делилось по-братски. Они были самолюбивы и дорожили честью своей шайки. В один прекрасный день они разгромили конкурирующую с ними ватагу мальчишек-попрошаек.

Когда эта ватага только еще появилась на улицах города, предводительствуемая двенадцатилетним парнишкой-негром, Антонио Балдуино попытался сговориться с ними по-хорошему. В Террейро, где те обосновались, он послал для переговоров Филипе Красавчика, который был мастер улещать. Но Красавчика там и слушать не стали. Его всячески поносили, издевались над ним, свистели ему вслед, и он вернулся, почти плача от ярости.

— Может быть, они разозлились, что ты им уж очень расписывал, как им выгодно с нами объединиться? — допрашивал Красавчика Антонио Балдуино.

— Да я даже не успел ничего толком сказать... Они сразу меня таким

матом покрыли... Ну, я одному все-таки здорово рожу раскровенил...

Антонио Балдуино задумался:

— Придется послать туда Толстяка...

Но Беззубый запротестовал:

— Еще одного? С какой стати? Нужно нам всем туда отправиться и всыпать им как следует. Чтоб неповадно было... А то они у нас кусок изо рта вынимают, и мы же еще с ними хотим замириться. И Красавчика нечего было туда посылать — только стыда не обобрались. Пошли-ка все туда...

Ватага поддержала Беззубого:

— Беззубый верно говорит... Надо их проучить.

Но Антонио Балдуино уперся:

— Это не дело. Надо послать Толстяка... Может, ребята оголодали... Если они будут промышлять в пределах Байша-дос-Сапатејрос, пусть себе промышляют на здоровье...

Беззубый засмеялся:

— Ты, никак, празднуешь труса, Балдо?

Рука Антонио потянулась к ножу, но он сдержался.

— Уж тебе-то, Беззубый, не след забывать, как ты и Сиси помирали с голоду в Палье... Ватага могла бы покончить с вами запросто, однако мы этого не сделали...

Беззубый опустил голову, тихонько насвистывая. Он больше не думал о ребятах с Террейро, и ему уже было все равно, как решит Антонио Балдуино: покончить с ними или оставить их в покое. Он вспоминал те голодные дни, когда безработный отец пропивал в кабаках деньги, которые мать зарабатывала стиркой белья. И как отец жестоко избил его за то, что он попытался защитить мать, у которой отец силой хотел отнять деньги. И как рыдала мать, а отец осыпал ее грязными ругательствами.

А потом бегство. Голодные дни на улицах города. Встреча с Антонио Балдуино и его ватагой. И теперешняя жизнь... Как-то там его мать? Нашел ли отец работу? Когда он работал, он не пил и не бил мать. Был добрый и приносил гостинцы. Но работа перепадала не часто, и тогда отец топил горе в бутылке кашасы. Беззубый вспоминал все это, и в горле у него вставал комок, и он страшной ненавистью ненавидел весь мир и всех людей.

Сопровождаемый ироническими усмешками Красавчика Толстяк отправился на переговоры с ребятами из Террейро.

— У меня не вышло, посмотрим, чего ты добьешься...

Вириато Карлик пробормотал:

— Ты поговори с ними напрямки, Толстяк. Так, мол, и так. Мы не хотим воевать с вами, но вы на наши улицы не суйтесь.

Ватага осталась ждать посланца на улице Тезоуро. Перекрестившись, Толстяк дальше пошел один.

Не возвращался он долго. Вириато Карлик забеспокоился:

— Мне это не нравится...

Красавчик смеялся:

— Он зашел в церковь помолиться.

Сиси предположил, что переговоры затянулись, но никому и в голову не приходило, что с Толстяком могло что-нибудь случиться. Однако случилось. Толстяк вернулся весь избитый, размазывая кулаками слезы:

— Они окружили меня и так отколошматили... И выбросили мой талисман...

— И ты не мог вырваться?

— Вырвешься, как же... Их полсотни, а я один... — И Толстяк рассказал все по порядку: — Я когда пришел, они все еще над Красавчиком потешались — как он от них драпал... А потом за меня принялись, стали меня поносить по-всякому, обзывать боровом: глядите-ка, какой боров к нам пожаловал!

— Ну, это еще что, — отозвался Филипе. — Меня-то они таким матом крыли...

— Сперва-то я терпел... Хотел с ними договориться... Но они мне и опомниться не дали... Схватили меня, хоть я им кричал, что мы хотим с ними жить в мире... вздули меня как миленького... Чуть не двадцать человек их на меня навалилось...

— Ну что ж, им охота подраться — будем драться, и сегодня же...

Все поднялись, как один, и со смехом, сжимая в руках ножи, перекидываясь шуточками, отправились в Террейро.

После драки конкуренты исчезли. Поодиночке, то один, то другой, еще попадались на улицах города, но с шайкой было покончено. Победители вернулись довольные, только Толстяк никак не мог примириться с утратой талисмана, подаренного ему падре Силвио.

Толстяк был крепко верующий.

И потому, когда однажды они с Антонио Балдуино встретили Линдиналву, Толстяк, задрожав, перекрестился, словно увидел ангела. Он сразу все понял, и хотя с Антонио об этой встрече у них и слова сказано не было, с этого дня негр стал ему еще ближе.

А вышло это так: на улице Чили, где они занимались промыслом, показалась какая-то парочка. Ребята двинулись ей навстречу: Толстяк впереди, остальные — за ним. Парочка явно смахивала на влюбленных, а влюбленные обычно не скупятся. Толстяк, прижимая руки к груди, уже затянул:

Подайте слепым сиротинкам...

Они уже преградили было парочке путь, как вдруг Антонио Балдуино узнал Линдиналву. С ней был молодой человек, на пальце у него красовалось кольцо с красным камнем^[26]. Из кондитерской доносились звуки блюза. Линдиналва тоже узнала Антонио Балдуино: ужас и отвращение исказили ее лицо, и она прижалась к своему спутнику, словно ища у него защиты. Толстяк продолжал петь, никто ничего не заметил. Антонио крикнул:

— Кончай! Пошли отсюда!

И, повернувшись, побежал. Все остолбенели, не понимая, что происходит. Линдиналва закрыла глаза. Молодой человек был удивлен:

— Что случилось, дорогая?

Она решила солгать:

— Какие они страшные, эти мальчишки...

Молодой человек засмеялся с чувством превосходства:

— Ты просто трусиха, дорогая...

Он бросил мальчишкам монету. Но они уже убежали следом за Антонио Балдуино и, догнав его, не могли понять, почему он стоит, закрывая лицо руками. Вириато Карлик тронул его за рукав:

— Что с тобой, Балдо?

— Ничего. Встретил знакомых.

Беззубый сбегал и подобрал брошенную молодым человеком монету. Только Толстяк все понял и тихонько крестился, а потом, чтобы развлечь Антонио Балдуино, принялся рассказывать историю про Педро Малазарте. Толстяк знал уйму всяких историй и был мастер рассказывать. Но даже самые веселые истории из уст Толстяка выходили печальными, и он не мог обойтись без того, чтобы не вставить в любую историю что-нибудь про

ангелов и нечистую силу. Но рассказчик он был отменный: выдумывал и врал отчаянно и сам верил, что все это — святая правда.

* * *

Так ватага прожила два года. Два вольных года они провели, шатаясь по улицам, болея футболом и боксом, пробираясь без билетов в кинотеатр «Олимпия», слушая истории Толстяка и не замечая, что все они уже выросли и что песенка про слепых сиротинок уже больше не может служить верой и правдой молодым здоровенным неграм, которые днем промышляют в городе, а ночи проводят с мулатками в порту. Их доходы стали катастрофически уменьшаться, и вскоре они были задержаны полицией за бродяжничество.

Какой-то мулат в соломенной шляпе и с папкой бумаг под мышкой, оказавшийся полицейским шпиком, вызвал полицейских, и всех их забрали.

Сначала их продержали в полицейском участке, где до них никому не было дела. Затем их привели в какой-то мрачный коридор, куда сквозь оконные решетки едва проникало солнце. Откуда-то доносилось пение — пели арестанты. Явились полицейские с резиновыми дубинками и стали избивать ребят, которые даже не могли толком понять — за что их бьют: ведь им никто не сказал ни слова. Отделали их на совесть. Красавчику всю физиономию разукрасили. Мулат, что их задержал, смотрел, как их бьют, улыбался и дымил сигаретой. Пение арестантов доносилось то снизу, то сверху — неизвестно откуда. Они пели о том, что там, за стенами тюрьмы, — свобода и солнце. А дубинка гуляла по мальчишечьим спинам. Беззубый орал и матерился, Антонио Балдуино лягал тюремщиков ногами, Вириато Карлик от злости искусал себе все губы. Толстяк — тот был верен себе: он громким голосом молился:

— Отче наш, иже еси на небесах...

А дубинка свистела вовсю. Пока не избili всех до крови, бить не перестали. Печально звучала арестантская песня.

* * *

Они просидели в тюрьме восемь дней, потом их зарегистрировали и ясным солнечным утром выпустили на свободу. И они снова вернулись к жизни бездомных бродяг.

* * *

Но ненадолго. Ватага распадалась. Первым ушел Беззубый, он подался в шайку карманников. Иногда ребята его встречали: он приоделся, ходил в костюме и старых, но приличных ботинках, с повязанным на шее платком, как всегда, что-то насвистывая. Потом исчез Сиси, куда — никто не знал. Жезуино пошел работать на завод, женился, народил кучу ребятешек. Зе Каскинья нанялся на судно матросом.

А Филипе Красавчик погиб под колесами автомобиля. В то утро было ясно и солнечно, и Красавчик был хорош необыкновенно: хорошел он с каждым днем. Шрам на лице от полицейской дубинки не только не портил его, но, напротив, делал похожим на юного героя. В тот день Филипе, щеголявший в новом галстуке, праздновал свое тринадцатилетие. Все хохотали и дурачились. Вдруг ребята заметили, что на мостовой что-то блестит.

— Никак опять брильянт валяется, — пошутил Балдуино.

Красавчик взволновался:

— О! Сейчас я его подберу и буду носить на пальце: как раз мне подарок на день рождения... — И он выбежал на середину мостовой. Вириато едва успел крикнуть: — Машина! — Филипе обернулся, улыбаясь, и эта улыбка была последней... Через секунду он превратился в кровавое месиво. Но на губах умершего застыла улыбка: он как бы благодарил Вириато за предупреждение. Лицо его не пострадало и было таким же прекрасным, сияющим лицом юного принца. Тело перевезли в морг. В морге ватага увидела раскрашенную старуху, которая повторяла сквозь рыдания:

— Mon cheri... Mon cheri...¹ — И целовала мертвое прекрасное лицо.

Но Филипе уже ничего не чувствовал и не знал, что его мать пришла к нему. Не знал он и того, что на его похороны собралась вся ватага. Пришли и Беззубый и Жезуино, и Сиси появился неизвестно откуда. Не было только Зе Каскиньи: он плавал где-то далеко. Мать Филипе и ее товарки с Нижней улицы принесли цветы. А мальчишки одели останки Красавчика в кашемировый костюм, купленный у торговца в рассрочку.

* * *

Из всей ватаги только Вириато Карлик, горбившийся все сильнее и словно с каждым днем уменьшавшийся в росте, продолжал промышлять попрошайничеством. Остальные пристроились кто куда: кто перебивался случайными заработками, кто пошел рабочим на завод, кто на уборку улиц, кто грузчиком в порт. Толстяк подался в разносчики газет — голос у него был больно подходящий — зазывный. Антонио Балдуино вернулся к себе на холм Капа-Негро и теперь бродяжничал на пару с Зе Кальмаром: обучал приемам капоэйры, зарабатывал игрой на гитаре во время праздников, ходил на макумбы Жубиабы.

Но каждую ночь он спускался в гавань и долго смотрел на море, отыскивая дорогу домой.

«ФОНАРЬ УТОПЛЕННИКОВ»

Когда сеу Антонио купил «Фонарь утопленников» у вдовы моряка, основавшего это заведение, оно уже было известно под этим названием и над его дверью красовалась грубо намалеванная вывеска, на которой была изображена русалка, спасающая утопленника. Бывший владелец таверны, моряк, приплыл сюда однажды на грузовом судне и бросил якорь здесь, в этом темном старом зале особняка, уцелевшего от колониальных времен.

Он завел любовницу-мулатку: она готовила сладкий рис для посетителей таверны и кормила обедами портовых грузчиков. Никто не знал, почему таверна получила такое название — «Фонарь утопленников». Знали только, что хозяин ее трижды терпел кораблекрушение и побывал во всех портах. Перед смертью моряк женился на своей мулатке, — таверна процветала, и ее владелец не хотел, чтобы она попала в чужие руки. Однако вдова продала таверну сеу Антонио, тот давно уже на нее зарился, — заведение приносило хороший доход. Вот только название таверны было не по душе новому хозяину. Ничем он не мог оправдать его нелепость и странность. И едва купчая была оформлена, как старая вывеска исчезла, замененная новой. На новой плыла по волнам аляповатая каравелла — на таких португальцы пересекали океан в эпоху великих открытий, а под ней было начертано: Кафе «Васко да Гама».

Но тут случилось непредвиденное: завсегдатаи, с удивлением глазевшие на новую вывеску, в таверну зайти не решались. Новое название и чистота, наведенная в зале, отпугивали их: они не узнавали свою привычно грязную гавань отдохновения, где за бутылкой кашасы в нескончаемых разговорах проходили их портовые ночи.

Сеу Антонио был человеком суеверным. На другой же день он разыскал среди домашнего хлама старую вывеску и водворил ее на место. А новую, с изображением португальской каравеллы, припрятал для будущего кафе, которое он когда-нибудь купит в центре города. Вместе со старой вывеской «Фонарь утопленников» в таверну была возвращена и мулатка, вдова моряка. Она снова стала готовить сладкий рис для посетителей и кормить обедами портовых грузчиков. И спала она на своей прежней постели — только теперь уже не с молчаливым моряком, а с разговорчивым португальцем. Сеу Антонио собирался обзавестись кафе в центре города и дать ему название «Васко да Гама», украсив вывеской с португальской каравеллой. Тогда мулатка осталась бы хозяйничать в

«Фонаре утопленников», готовя сладкий рис для посетителей, обеды для грузчиков и деля свое прежнее ложе с новым сожителем.

«Фонарь утопленников» снова был полон. Там снова спорили и шумели, вспоминая о своих плаваниях, матросы. Владельцы рыбачьих шхун говорили об окрестных ярмарках, — туда они поведут свои суда, грузенные фруктами. Звездными ночами здесь играли на гитаре, пели самбы, рассказывали страшные истории. И женщины с Ладейра-до-Табоан стекались к «Фонарю утопленников».

Антонио Балдуино, Зе Кальмар и Толстяк вечно торчали в таверне. Случалось, что там появлялся и Жубиаба.

* * *

Если в искусстве капоэйры Антонио Балдуино оставался пусть лучшим, но все же учеником Зе Кальмара, то в игре на гитаре он вскоре превзошел своего наставника и заслуженно делил с ним славу.

Сколько раз, в своих странствиях по городским улицам, он вдруг принимался выстукивать на соломенной шляпе родившуюся в его голове мелодию и тут же придумывал к ней слова. А потом пел своим друзьям с холма новую самбу:

Я негр — нищий, но веселый, и веселюсь я день деньской, ног не жалею на террейро^[27], и пляшут все друзья со мной.

Особенным успехом пользовался куплет:

Какого мне просить святого, чтоб он помог мне ворожкой?

Зачем, коварная мулатка, навек загублен я тобой?..

Однажды вечером на холме появился богато одетый господин и спросил, нельзя ли ему поговорить с Антонио Балдуино. Ему показали Антонио — тот как раз стоял неподалеку, окруженный толпой слушателей. Бороздя землю тростью, господин подошел к нему:

— Это ты — Антонио Балдуино?

Балдуино подумал, что это мог быть кто-нибудь из полиции.

— Что вам от меня надо?

— Это ты сочиняешь самбы? — Господин слегка коснулся его тростью.

— Сочиняю помаленьку...

— Может, споешь, а я послушаю?

— А вы мне сперва скажите, зачем вам это нужно?

— Может быть, я их у тебя куплю.

Получить деньги было бы не худо: Антонио присмотрел себе на ярмарке новые ботинки. Он сбегал за гитарой и тут же спел все, что насочинял. Две самбы понравились господину.

— Продай-ка мне вот эти две...

— А зачем они вам?

— Они мне понравились...

— Ну, покупайте.

— Я заплачу тебе двадцать мильрейсов за обе...

— Что ж, цена хорошая. Захотите еще купить, приходите...

Потом господин попросил Антонио насвистеть ему мелодии и записал их какими-то значками на густо линованной бумаге. И слова записал.

— Я еще приду, за новыми...

И он стал спускаться по склону, волоча за собой трость. Обитатели холма смотрели ему вслед. Антонио Балдуино растянулся у дверей лавки и положил два банкнота, по десять мильрейсов каждый, себе на голый живот. Он думал о новых ботинках и о том, что денег хватит и на отрез ситца для Жоаны.

А господин с тростью, купивший самбы, сидя вечером в шикарном кафе в центре города, хвастался перед друзьями:

— Я сочинил две сногшибательные самбы...

И он спел их, отбивая ритм косточками пальцев по столу.

Эти самбы потом были записаны на пластинку, исполнялись по радио, на концертах. Газеты писали: «Наибольшим успехом на этом карнавале пользовались самбы поэта Анисио Перейры — они буквально свели всех с ума».

Антонио Балдуино не читал газет, не слушал радио, не играл на рояле. И он продавал свои самбы поэту Анисио Перейре.

* * *

Волосы у Жоаны рассыпались по плечам: она их тщательно расчесывала и душила чем-то одуряющим — от этого запаха у Антонио Балдуино кружилась голова. Он прижимался носом к ее затылку, раздвигал пряди волос и замирал, вдыхая их аромат. Она смеялась:

— А ну-ка убери хобот с моей шеи...

И он тоже смеялся:

— Ух ты, как приятно воняет...
И опрокидывал девчонку на постель.
Ее голос доходил до него издалека:
— Ах ты, мой песик...

* * *

В тот день, когда он заявился к ней в новых ботинках с отрезом ситца под мышкой, он услышал, как Жоана напевает одну из тех двух самб, которые он продал господину с тростью. Антонио Балдуино прервал ее:

— А знаешь что, Жоана?

— Что?

— Я ведь продал эту самбу.

— Как это продал? — Она понятия не имела, что самбы продаются.

— Один господинчик разыскал меня на холме и купил две мои самбы за двадцать мильрейсов. Неплохо, да?

— На кой они ему сдались, твои самбы?

— А я почему знаю... Может, у него не все дома.

Жоана задумалась. Но Антонио развернул подарок:

— На эти деньги смотри, что я тебе купил...

— Ух ты, какая красота!

— А теперь погляди на мои новые ботинки — шикарные, да?

Жоана посмотрела и бросилась Антонио на шею. Антонио громко смеялся, довольный жизнью и выгодно обделанным дельцем. Он уткнулся в затылок Жоане, а она снова запела его самбу. Жоана была единственной, кто пел эту самбу, зная ее истинного создателя.

— Сегодня мы пойдем на макумбу к Жубиабе, — предупредил Жоану Антонио. — Сегодня ведь твои именины, моя радость.

И они пошли на макумбу, а потом лежали на песчаном пляже и безудержно любили друг друга. И в теле Жоаны Антонио как всегда искал тело Линдиналвы.

* * *

Нередко они заходили в «Фонарь утопленников», хотя Жоана не

очень-то любила бывать там.

— В этой таверне всегда полно всякого сброда... Подумают, что я тоже из таких...

Жоана работала официанткой и жила в квартале Кинтас. Ей больше нравилось заниматься любовью на пляже, и в таверну она ходила, только чтобы угодить Антонио. Там они садились вдвоем за отдельный столик и пили пиво, отвечая улыбками на приветствия знакомых. Продемонстрировав всем свою возлюбленную, Антонио уводил ее, выразительно ей подмигивая, — это означало, что теперь-то они наконец доберутся до пляжа.

Дни Антонио Балдуино обычно проводил в компании Толстяка, Жоакина, Зе Кальмара. Они пили кашасу, обменивались разными историями, смеялись так, как умеют смеяться только негры. Однажды вечером, когда они праздновали день рождения Толстяка, вдруг появился Вириато Карлик. Он очень изменился за те годы, что они не виделись. Но выше ростом не стал, и сил у него не прибавилось. Одежду ему заменяли какие-то лохмотья, и он тяжело опирался на сучковатую палку.

— Я пришел выпить за твое здоровье, Толстяк...

Толстяк велел принести кашасы. Антонио Балдуино смотрел на Карлика:

— Как идут дела, Вириато?

— Да так, ничего...

— Ты, видать, болен?

— Да нет. Просто такому больше подают. — И он улыбнулся своей бледной улыбкой.

— А чего ты никогда не приходишь?

— Сюда? Времени нету, да и не хочется...

— Мне говорили, что ты сильно болел.

— Я и теперь болею — лихорадка ко мне привязалась. «Скорая» меня подобрала. Попал к черту в лапы. Лучше уж на улице помереть...

Вириато взял протянутую Жоакином сигарету.

— Валялся я там, и никому до меня не было никакого дела. Знаете, как в больницах?

Толстяк сам в больнице не лежал, но слушал о ней с ужасом.

— Ночью как начнет меня трепать лихорадка. Ну, думаю, смерть моя пришла... И как вспомню, что никого... Никого-то у меня нет, кто бы посидел у моей постели... — Голос его прервался.

— Но теперь-то ты здоров, — нарушил молчание Балдуино.

— Здоров? Да нет. Лихорадка вернется. И я помру прямо на улице, как

собака.

Своей черной ручищей Толстяк через стол коснулся Вириато.

— Зачем тебе умирать, друг?

Жоакин натужно рассмеялся:

— Гнилое дерево два века живет...

Но Вириато продолжал:

— Антонио, ты ведь помнишь Розендо? У него была мать, и когда он заболел, мы ее нашли, и она выходила его. Я же ее и разыскал тогда... А Филипе Красавчик, он погиб, но все-таки и у него нашлась мать, — хоть на кладбище его проводила. И цветы принесла, и товаров своих привела на похороны...

— Ух, одна была бедрастая! — не смог удержаться Жоакин.

— У всех кто-нибудь да отыщется: отец, либо мать, либо кто другой. Только у меня никого.

Он швырнул в угол окурок, попросил еще стаканчик.

— Разве наша жизнь чего-нибудь стоит? Помнишь, как всех нас схватили и поволокли, как паршивых щенков, в полицию? Избили чуть не до полусмерти, а за что? Ни черта наша жизнь не стоит, и никому мы не нужны...

Толстяка била дрожь. Антонио Балдуино не отрываясь смотрел на свой стакан с кашасой. Вириато Карлик встал:

— Надоел я вам... Но я все один и все думаю, думаю...

— Ты уже уходишь? — спросил Жоакин.

— Пойду у кино постою, может, что промыслю.

Он направился к двери, тяжело опираясь на палку, скособоченный, одетый в грязные лохмотья.

— Он уже привык ходить так скрючившись, — заметил Жоакин.

— И всегда он такую тоску нагонит. — Толстяк не слишком вникал в рассуждения Вириато, но жалел Карлика: у Толстяка было доброе сердце.

— Он в жизни больше нас понимает. — В ушах Антонио все еще звучали слова Вириато.

За соседним столом мулат с густой шевелюрой растолковывал негру:

— Моисей приказал морю расступиться и прошел среди моря по суше вместе со своим народом.

— Уж если разговаривать, так только про веселое, — сказал Жоакин.

— И зачем это ему понадобилось испортить мне день рождения, — огорчился Толстяк.

— Ну чем он его испортил?

— Наговорил тут... Теперь какое уж веселье...

— Ничего. Давайте-ка продолжим праздник у Зе Кальмара. И девчонок прихватим, — предложил Антонио Балдуино.

Толстяк расплатился за всех. За соседним столом мулат рассказывал про царя Соломона:

— У него было шестьсот мулаток...

— Во бугай был, — расхохотался Антонио.

Праздник продолжался, кашасы было вволю, и хорошенькие каброши не заставляли себя долго просить, но веселья так и не получилось: все вспоминался Вириато Карлик, — подумать только, ему даже некому было рассказать про свою болезнь!

* * *

Жоана не раз устраивала Антонио сцены ревности из-за мулаток, с которыми он путался. Не успевала какая-нибудь из них попасться ему на глаза, — глядишь, он уже с нею переспал. В расцвете своей восемнадцатилетней возмужалости и свободы он пользовался неслыханным успехом у городских девчонок: работниц, прачек, лоточниц, продающих акараже и абара^[28]. Антонио с ними заговаривал, и все разговоры кончались тем, что он увлекал девчонку на пляж, где они извивались на песке, не чувствуя, как песок набивается в их жесткие курчавые волосы.

После этого он больше с ней не встречался. Все эти девчонки проходили по его жизни, словно проходящие по небу тучки, — кстати, они-то частенько и служили ему приманкой для уловления очередной каброши.

— Ах, что за глазки, — ну точь-в-точь как эта черная тучка...

— И сейчас пойдет дождь...

— А мы найдем где спрятаться... Я знаю одно такое местечко — никакой дождь не страшен.

И все же он возвращался к Жоане вдыхать дурманящий запах ее затылка. А она изводила его ревностью и лезла в драку, когда узнавала, что он опять валялся на пляже с девчонкой, — она готова была на все — лишь бы удержать Антонио, и, как говорят, прибегала даже к колдовству. Так, она привязала к старым штанам своего возлюбленного перья черной курицы и кулек с маниокой, поджаренной на пальмовом масле; в маниоке было спрятано пять медных монет. И в полнолуние, пока он спал, спрятала у дверей его дома.

На вечеринке у Арлиндо Жоана закатила Антонио бешеную сцену только из-за того, что он несколько раз подряд танцевал с мулаткой Делфиной. Она бросилась на соперницу с туфлей в руке, — а предмет раздора помирал со смеху, глядя на дерущихся женщин.

Дома Жоана спросила его:

— Ну что ты в ней нашел, в этой заразе?

— А ты ревнуешь?

— Я? Да у нее кожа, как на старом чемодане, — вся потрескалась. Не понимаю, чем только она тебя прельстила.

— Тебе и не понять. У всякой свои секреты...

И Антонио Балдуино смеялся и опрокидывал Жоану на постель, жадно вытягивая ноздрями аромат ее волос.

Он вспоминал, как они познакомились. На празднике в Рио-Вермельо Антонио играл на гитаре. Там он еще издали заметил Жоану и, как говорится, положил на нее глаз. Девчонка сразу в него влюбилась. На другой день, в воскресенье, они пошли на утренний сеанс в «Олимпию». И тут она ему принялась плести какую-то длинную историю и все только затем, чтобы уверить его в своей невинности. Антонио ей поверил, но это его только разочаровало. И на следующее свидание он пошел просто от нечего делать. Они гуляли по Кампо-Гранде, и он молчал, потому что невинные барышни его не интересовали. Но когда Жоане уже нужно было спешить на работу, она вдруг созналась, что обманула его:

— Ты такой добрый, ты не будешь меня презирать... Я тебе хочу сказать правду: я не девушка...

— Вот как!

— Меня совратил мой дядя, он жил у нас в доме. Три года тому назад. Я была одна, мать ушла на работу...

— А твой отец?

— Я его никогда не видела... А дядя воспользовался случаем, что дома никого, набросился на меня и взял силой...

— Вот негодяй! — В глубине души Антонио не слишком осуждал дядю.

— Больше у меня за все эти три года никого не было... Теперь я хочу быть твоей...

На сей раз Антонио разгадал, что история с дядей была тоже сплошным враньем, но он не стал уличать Жоану. Работа была забыта, и поскольку другого прибежища у них не было, он повел ее на портовый пляж, где стояли корабли и били о берег волны.

А потом они сняли эту комнатку в Кинтас, где Жоана каждый

божий день рассказывала ему о себе очередные небылицы или упрекала его в изменах.

Антонио больше не верил ее рассказам, и все это уже начинало ему надоедать.

* * *

В один из непогожих бурных вечеров Антонио сидел в «Фонаре утопленников», беседуя с Жоакином. Завидев только что вошедшего, непривычно мрачного Толстяка, Жоакин закричал:

— А вот и Толстяк!

— Вы знаете, что случилось?

— Знаем — грузчики выудили очередного утопленника...

Утопленники в порту были не редкость, и все уже к этому привыкли. Но Толстяк закричал:

— Но это Вириато!

— Кто?

— Вириато, Карлик.

Они выскочили из таверны и бегом бросились к пристани. Возле утопленника толпился народ. Должно быть, тело пробыло в воде не меньше трех дней — так оно распухло и почернело. Широко открытые глаза, казалось, пристально смотрели на собравшихся. Нос был уже наполовину отъеден рыбами, а внутри трупа хозяйничали рачки, производившие странный шум.

Тело подняли и понесли в таверну. Там сдвинули два стола и на них положили мертвеца. Слышно было, как в мертвом теле возятся рачки: звук этот напоминал позвякиванье колокольчиков. Сеу Антонио взял с прилавка свечу, но не решался вложить ее в распухшую руку утопленника. Жоакин сказал:

— Чтобы вырасти, ему нужно было утонуть...

Толстяк шептал заупокойную.

— Бедняга! Никого-то у него не было...

Посетители подходили посмотреть на мертвеца. Женщины, едва взглянув, отшатывались в ужасе. Сеу Антонио так и стоял со свечой: никто не отваживался дотронуться до трупа. Тогда Антонио Балдуино взял свечу и подошел к телу товарища. С трудом раздвинув его разбухшие пальцы, он вложил в них свечу и обвел взглядом столпившихся людей.

— Он был один, как перст. Он все хотел отыскать дорогу домой, вот и бросился в море.

Никто не понял слов Антонио. Кто-то поинтересовался, где жил Вириато.

В таверну вошел Жубиаба.

— Доброго вечера всем. Что тут у вас приключилось?

— Он все искал глаз милосердия, но так его и не нашел. И тогда он себя убил. У него не было ни отца, ни матери, не было никого, кто хоть раз бы о нем позаботился. Он умер, потому что так и не увидел глаз милосердия...

Жубиаба заговорил на языке наго, и как всегда непонятное это бормотание заставило всех содрогнуться.

Толстяк подробно, со слезами в голосе рассказывал историю Вириато Карлика одному из посетителей. Однажды, если верить его рассказу, Карлику явилась женщина в лиловых одеждах в окружении трех ангелов... Это была его покойная мать, и она звала его к себе на небеса.

— Вот он и бросился в воду.

Антонио Балдуино смотрел на погибшего, и вдруг ему почудилось, что все, кто был в таверне, исчезли и он остался один на один с мертвым телом. Ужас охватил его. Нечеловеческий ужас. Он весь похолодел, зубы у него стучали. Перед его глазами проходили все: сошедшая с ума старая Луиза, зарезанный Леополдо, Розендо, звавший мать в бреду, Филипе Красавчик под колесами автомобиля, безработный Салустиано, утопившийся здесь же в порту, и вот теперь Вириато Карлик, его тело, в котором звенят, словно погремушки, прожорливые рачки.

И он подумал, что все они так несчастны — живые и мертвые. И те, что только еще должны родиться. И он не знал, почему они так несчастны.

Штормовой ветер, налетев, погрузил во тьму «Фонарь утопленников».

МАКУМБА

Заклинания Жубиабы отогнали Эшу:^[29] теперь он не посмеет нарушить праздничное веселье. Ему пришлось уйти далеко отсюда, — может, в Пернамбуко, а может, и в Африку.

Ночь опустилась на крыши домов, торжественная священная ночь сошла на город Всех Святых. Из дома Жубиабы доносились звуки барабана, агого, погремушек, кабасы^[30] — таинственные звуки макумбы, растворявшиеся в мерцании звезд, в безмолвии ночного города. У входа негритянки продавали акараже и абара.

Изгнанный с холма Эшу отправился строить свои козни в другие места: на хлопковые плантации Вирджинии или на кандомбле на холме Фавелы.

В углу, в глубине большой комнаты с обмазанными глиной стенами, играли музыканты. Музыка заполняла все помещение, ритмически настойчиво отдаваясь в головах собравшихся. Музыка будоражащая, тоскливая, музыка древняя, как сама создавшая ее раса, рождалась в барабанах, агого, кабасах, погремушках.

Присутствующие теснились вдоль стен и не сводили глаз с ога^[31], которые сидели в центре комнаты. Вокруг них кружились иаво^[32].

Антонио Балдуино был ога, и Жоакин тоже, а Толстяк пока стоял в толпе возле какого-то белого, худого и с лысиной, — он внимательно следил за всем происходящим и в такт музыке похлопывал себя по коленям. Рядом с ним молодой негр в голубой рубашке, замороженный музыкой и пением гимнов, слушал, закрыв глаза, забывая о зрелище. Остальная публика — негры, мулаты жались поближе к толстым негритянкам в пестрых юбках, кофтах с большим вырезом и ожерельями на шее. Жрицы медленно кружились, сотрясаясь всем телом.

Внезапно старая негритянка, притиснутая к стене рядом с лысым человеком и охваченная нервной дрожью, вызванной музыкой и пением, впала в транс, почувствовав приближение оришалы^[33]. Ее увели в соседнюю с комнатой спальню. Но поскольку она не была жрицей, ее просто оставили там, чтобы дать ей прийти в себя, а оришала тем временем остановил свой выбор на молоденькой негритянке, и ее тоже увели в отведенную для жриц комнату.

Оришалой был Шанго — бог молнии и грома; на сей раз его выбор пал

на иаво, и негритяночка вышла из спальни в священном одеянии — вся в белом, только четки белые, но с красными, словно капли крови, крапинками, в руке она держала небольшой жезл.

Старшая жрица запела, приветствуя оришалу:

— Эдуру демин лонан е йе!

И все присутствовавшие подхватили хором:

— А умбо ко ва жо!

Старшая жрица продолжала песнопение на языке наго:

Пусть в пляске вырастут крылья у нас...

Иаво кружились вокруг ога, и все благоговейно склонялись перед оришалай, протягивая к нему руки, согнутые в локте под углом, с ладонями, обращенными в сторону оришалы.

— Оке!

И все кричали:

— Оке! Оке!

Негры, негритянки, мулаты, лысый мужчина, Толстяк, студент, все участники макумбы воодушевляли оришалу:

— Оке! Оке!

Оришала смешался с пляшущими иаво и тоже закружился в танце. На его белом одеянии выделялись, словно капли крови, красные крапинки на четках. Увидев среди ога Жубиabu, Шанго приветствовал самого старого макумбейро. Затем он, продолжая танцевать, снова сделал круг и почтил своим приветствием белого лысого мужчину, находившегося здесь по приглашению Жубиабы. Оришала трижды склонялся перед ними, потом обнимал и, держа за плечи, прикладывался лицом то к одной, то к другой щеке приветствуемого.

Старшая жрица пела:

— Ийа ри де жве о...

Она пела:

Мать в драгоценном уборе.
На шеях детей ожерелья.
И новые ожерелья она на детей надевает...

А ога и все присутствовавшие хором подражали треску четок, которые трещали все разом:

— Омиро вонрон вонрон вонрон омиро!

Под этот припев Жоана, во время танца впавшая в транс и уведенная в спальню, вышла оттуда богиней Омолу — богиней черной оспы.

В ее пестром одеянии преобладал яркий красный цвет, из-под юбки выглядывало нечто вроде панталон. Выше пояса она была обнажена, только грудь прикрывал кусок белой материи. Твердые остроконечные груди Жоаны едва не прорывали ткань, которая лишь подчеркивала безупречную красоту девичьего торса. И все же сейчас негритяночка Жоана была для всех присутствующих богиней. Даже Антонио не видел в ней свою возлюбленную, с которой столько ночей он провел без сна на песке портового пляжа. Та, что выступает здесь перед всеми полуобнаженной, — богиня Омолу, страшная богиня черной оспы. Вновь зазвучал монотонный голос старшей жрицы, возглашая появление оришалы:

— Эдуру демин лонан е йе!

Звуки барабана, агого, кабасы, погремущек. Музыка однообразная, без конца повторяющая одно и то же и вместе с тем возбуждающая до безумия. И хор всех присутствующих:

— А умбо ко ва жо!

Приветствия святому:

— Оке! Оке!

Омолу, танцевавшая в окружении иаво, увидела Антонио Балдуино и подошла к нему с приветствием. Удостоились ее приветствия и все те, кого вместили стены капища. И Толстяк, и негр-студент, вызывавший у всех живую симпатию, и лысый мужчина, и Роке, и многие другие.

Все уже были возбуждены и рвались танцевать. Омолу подходила к женщинам и вводила их в круг танцующих. Антонио Балдуино раскачивался всем туловищем, словно сидел на веслах. Все простирали руки к оришале. Таинство экстаза овладевало всеми — оно исходило отовсюду: от оришалы, от музыки, от песнопений и в особенности от Жубиабы, столетнего тщедушного старца.

Все пели хором:

— Эоло бири о бажа гва ко а пеинда... — что означало «собака, идущая по следу, вытягивает хвост». И на макумбе в доме Жубиабы появился Ошосси, бог охоты. К белому и зеленому цветам в его одежде было добавлено немного красного, на поясе с одной стороны — лук с натянутой тетивой, с другой — колчан со стрелами. На голове шлем из проволоки, обтянутой зеленой материей, с прикрепленным к нему султаном — пучком толстой проволоки. Султан — это было нечто новое: до сих пор Ошосси, бог охоты, великий охотник, не носил султана из толстой проволоки.

Босые ноги пляшущих женщин отбивали ритм на земляном полу. Они извивались всем телом, как того требовал обрядовый танец, и от их движений исходила та же чувственная напряженность, что и от их разгоряченных тел и от завораживающей музыки. Пот катился со всех ручьями, все отдались бешеному ритму пляски. Толстяк изнемогал от напряжения, все сливалось у него перед глазами: иаво, ога, загадочные боги из далеких лесов. Белый мужчина плясал, не жалея подметок, и, задыхаясь, говорил студенту:

— Сейчас упаду...

Оришала снова приветствовал Жубиабу. Согнутые под углом в локте руки приветствовали Ошосси, бога охоты. Возбуждение уже прижимало губы к губам, дрожащие руки искали ответного пожатия, соприкасались тела в неистовых содроганиях священной пляски. И тогда среди охваченной экстазом танцующей толпы внезапно появился Ошала^[34], самый главный из богов, выступающий в двойном облике — юноши Ошодиана и старца Ошолуфана. Он появился и поверг на землю Марию дос Рейс, пятнадцатилетнюю негротяночку, свеженькую и пухленькую. На сей раз Ошала предстал перед всеми старцем Ошолуфаном: сгорбленным, опирающимся на украшенный металлическими бляхами посох. Одетый во все белое, он принимал приветствия всех присутствующих, согнувшихся перед ним в низком поклоне:

— Оке! Оке!

И тогда старшая жрица запела:

— Э инун ожа ла о жо, инун ли а о ло.

Что означало:

— Люди, готовьтесь! Праздник начинается.

И все подхватили хором:

— Эро ожа е пара мои, е инун ожа ли а о ло.

— Приготовьтесь, люди, мы начинаем праздник.

Да, праздник мог начаться, ведь теперь с ними был Ошала, самый главный из богов.

Ошолуфан — воплощение Ошала в облике старца — приветствовал только одного Жубиабу. После чего он закружился в пляске вместе с иаво и плясал, все убыстряя темп, до тех пор, пока Мария дос Рейс не рухнула на земляной пол, содрогаясь в конвульсиях, повторявших движения танца, с выступившей на губах пеной.

В переполненном помещении все, словно обезумев, плясали под все нарастающий гром барабанов, агого, погремушек и кабас. И боги тоже плясали под звуки древней африканской музыки, плясали все четверо вместе с иаво вокруг ога. Ошосси — бог охоты, Шанго — бог молнии и грома, Омолу — богиня черной оспы и Ошала — самый главный из богов, и он наконец рухнул на пол и тоже забился в конвульсиях.

* * *

На католическом алтаре в углу капища Ошосси предстал в облике святого Георгия; Шанго — святого Иеронима; Омолу — святого Роха и Ошала — в облике Христа Спасителя из Бонфина, самого чудотворного из всех святых негритянского города Баия Всех Святых и Жреца Черных Богов Жубиабы. В доме Жубиабы празднества были всегда отменными, потому как он-то уж понимал, что такое кандомбле или макумба.

Собравшихся в зале угощали жареной кукурузой, а в соседнем помещении был приготовлен шиншин^[35] из козлятины и баранины с рисом. В ночь макумбы возле дома Жубиабы собирались негры со всего города и толковали про разные разности. Толковали всю ночь напролет, пока не обсудят все, что где за это время приключилось. Но этой ночью всех смущало присутствие белого гостя, прибывшего издалека на макумбу Жубиабы. Гость здорово навалился на шиншин и облизывал губы, насладившись пловом с креветками. Антонио Балдуино потом узнал, что этот тип сочиняет АВС и много странствовал по свету. Поначалу Антонио

даже принял его за моряка. Толстяк уверял, что сочинитель ABC ездит курьером. Белого гостя привел поэт, покупавший у Антонио его самбы. Его приятель во что бы то ни стало хотел увидеть макумбу, и поэт познакомил его с Антонио, уверяя, что никто, кроме Балдуино, не может добыть для него позволения Жубиабы присутствовать на макумбе. Но льстивые заверения поэта не слишком подействовали на Антонио, и он не спешил хлопотать перед Жубиабой за приятеля. Приводить на макумбу белых, да еще незнакомых, было рискованно. Белый мог оказаться из полиции, и тогда накрыли бы всех разом. Однажды уже так было, и тогда Жубиабе пришлось просидеть всю ночь под замком, а из капища полицейские унесли статую Эшу. Спасибо Зе Кальмару: только такой ловкач, как он, отважился выкрасть Эшу обратно, и откуда — из кабинета самого начальника полиции, куда он ухитрился проникнуть под носом у охраны. Когда Зе Кальмар принес спасенного Эшу, спрятав его под пиджаком, как раз был праздник. И всю ночь продолжалась макумба, чтобы умилостивить разгневанного Эшу, — ведь в его власти было испортить всем не только этот, но и все последующие праздники.

Вот потому-то Антонио Балдуино не хотел приводить белого. И только когда студент-негр, оказавшийся в большой дружбе с приятелем поэта, поручился за своего друга, как за себя самого, Антонио обратился к Жубиабе за позволением.

Но сперва он еще порасспросил студента — что за человек этот его белый приятель. И когда узнал, что тот исколесил едва ли не весь свет и все на свете перевидал, очень обрадовался. Как знать, не напишет ли этот сочинитель когда-нибудь ABC и о нем, знаменитом негре Антонио Балдуино?

Макумба закончилась, и белый, попросившись, ушел. Перед уходом он благодарил Жубиабу и говорил, что за всю свою жизнь не видывал зрелища великолепнее макумбы. Студент ушел вместе с ним, и все оставшиеся вздохнули как-то свободнее. Теперь можно было обсудить свои дела, всласть поболтать о разных происшествиях, потешить слушателей тут же выдуманными историями.

Розадо заговорил с Антонио Балдуино:

— Я тебе показывал свою новую татуировку?

— Нет.

Розадо был матрос, время от времени появлявшийся в Баие. Однажды он привез известие о Зе Каскинье, — тот плавал на дальних рейсах. Розадо умел говорить на языке гринго, а вся спина у него была покрыта татуировкой, изображающей вазу с цветами, кортик и плеть в окружении

многочисленных женских имен.

Антонио Балдуино с нескрываемой завистью разглядывал спину Розадо:

— Красота-а!

— У нас на судне есть один матрос — американец, так у него на спине вся карта географическая наколото. Вот это действительно красота, парень...

Антонио Балдуино вспомнил о белом госте. Вот кто оценил бы татуировку Розадо! Но тот уже поспешил уйти: видно, ему самому было неловко оттого, что все его стеснялись.

Антонио Балдуино тоже подумывал насчет татуировки. Но все никак не мог выбрать, что бы ему такое изобразить. Лучше бы всего море и еще портрет Зумби из Палмареса. В порту он видел одного негра, у того крупными буквами во всю спину было вытатуировано имя Зумби.

Дамиан, старик негр, улыбнулся:

— Хочешь, я тебе покажу разрисованную спину?

Жубиаба жестом показал, чтобы старик не делал этого, но тот уже стянул рубаху и обнажил спину. Голова у старика была совсем белая, а на спине виднелись рубцы от ударов плетью. Во времена рабства он ходил в колодках, и плеть частенько гуляла по его спине. Вдруг Антонио Балдуино разглядел пониже рубцов от плети след от ожога.

— А это у вас что, дядюшка?

Но как только Дамиан понял, что Антонио спрашивает его про ожог, он ужасно засмутился и быстро накинул рубаху. Не отвечая, старик стоял и смотрел на город, сверкающий внизу огнями. Мария дос Рейс улыбнулась Антонио: у стариков, которые когда-то были рабами, могут быть свои тайны.

Жоана между тем ушла с праздника одна, мучимая подозрениями и ревностью. Мария дос Рейс тоже отправилась домой, и потому Антонио Балдуино спускался с холма в обществе Толстяка и Жоакина. В руках он держал гитару: предполагалось, что они еще куда-нибудь закатятся.

Но Толстяк отказался: ему было далеко добираться до дому, где он жил со своей бабкой, бородатой восьмидесятилетней старухой, давно утратившей всякое ощущение реальной жизни и живущей в полной отрешенности от всего, что происходило вокруг. Все время она проводила, бормоча какие-то истории, путая их с другими, смешивая людей и события и не доводя ни одну из них до конца. На самом деле эта старуха вовсе не приходилась Толстяку бабкой. Толстяк выдумал это, стыдясь признаться, что он заботится об одинокой старухе, подобранной им на улице. Заботился

он о ней и вправду как о родной бабке, приносил ей еду, часами беседовал с ней, возвращаясь домой как можно раньше, чтобы старуха не чувствовала себя брошенной. Порой кто-нибудь из приятелей, встретив Толстяка, замечал у того в руках кусок материи — не иначе подарок какой-нибудь каброше-франтихе.

— Да нет, это для моей бабки... Она, бедняга, укладывается прямо на грязную землю, одежды на нее не напасешься. Больно уж старая она у меня.

— А она тебе, Толстяк, бабкой-то приходится по отцу или по матери?

Толстяк сроду не знал ни матери, ни отца. Но у него была бабка, и многие из его друзей ему завидовали.

* * *

Простившись с Толстяком, Антонио с Жоакином спускались по Ладейра-да-Монтанья, насвистывая самбу. Улица была пустынна и тиха. Только в одном тускло освещенном окошке женщина развешивала пеленки новорожденного, а в глубине комнаты мужской голос уговаривал:

— Сыночек... сыночек...

Жоакин кивнул головой в сторону окна:

— Этот завтра заснет на работе. Нянчит по ночам ребятенка...

Антонио Балдуино не отозвался. Жоакин продолжал:

— Ничего не меняется. Да и зачем?

— Ты про что?

— Не меняется...

Антонио, думавший про свое, спросил:

— А ты заметил, какой славный парень наш Толстяк?

— Славный? — Жоакин не находил в Толстяке ничего особенного.

— Да, он добрый. Он хороший человек. Он держит открытым глаз милосердия.

Теперь промолчал Жоакин. А потом вдруг расхохотался.

— Чего ты ржешь?

— Да так. И я теперь уразумел, что наш Толстяк — отличный парень.

Какое-то время они спускались молча. Антонио Балдуино вспоминал макумбу, лысого белого человека, который объехал весь мир. Он так торопился уйти, уходил чуть ли не бегом. Антонио Балдуино представил себе, что этот человек — Педро Малазарте. Ведь он так поспешно ушел,

почти убежал, потому что заметил, что негры его стесняются. Потом Антонио вспомнил про Зумби из Палмареса. Если бы нашелся тогда еще один такой Зумби, старика негра не посмели бы избивать плетью. Он, Антонио, будет бороться. И нечего стыдиться белых. Человек тогда человек, когда он со всеми вместе. И может так случиться, что этот белый в один прекрасный день напишет куплеты о нем, Антонио Балдуино, героические куплеты, в которых будут воспеваться приключения негра — свободного, веселого, дерзкого и храброго, как семеро храбрецов.

Подумав об этом, Антонио Балдуино развеселился и со смехом сказал Жоакину:

— Знаешь что, Жоакин? Не я буду, коль эта негритяночка моей не станет...

— Какая негритяночка? — живо заинтересовался Жоакин.

— Мария дос Рейс... Она тоже давно уж на меня поглядывает...

— Какая же это Мария?

— Да та, которую выбрал Ошала. Она в первый раз на макумбе.

— Смотри, Балдо, осторожней. У нее ведь есть жених-солдат. Не зарывайся.

— Подумаешь... А ежели мне самому охота... Буду я еще об ее солдате беспокоиться. С негритяночкой мы поладим, это точно... А солдат — пусть наперед не зевает...

Жоакин и без того был уверен, что Антонио Балдуино захоронит мулаточку, наплевав на солдата, но его тревожила возможность стычки с военным, и он еще раз предостерег:

— Оставь-ка ее лучше в покое, Балдо...

Он забыл, что жизнь Антонио Балдуино должна быть воспета после его смерти в куплетах ABC, а все герои подобных куплетов всегда любят юных девушек, с которыми они встречаются под покровом ночи, и ради них готовы драться даже с солдатами.

* * *

Они шли по нижнему городу. Город спал. Ни одной живой души — даже подраться не с кем. «Фонарь утопленников» был на замке. Улицы словно вымерли: хоть бы каброша какая-нибудь попалась — позабавиться на пляже... Все закрыто — негде горло промочить. Приятели уже притомились, Жоакин зевал во весь рот. Они свернули в переулок и

наконец увидели парочку — похоже было, что эти двое тоже только что повстречались. Жоакин толкнул Антонио в бок:

— Этому повезло...

— Не робей: была ваша — будет наша...

— Да они уж сговорились, Балдо...

— Не беда — сейчас мы его обставим...

Одним прыжком Антонио Балдуино приблизился к мулатке и дал ей с размаху такого тумака, что та упала.

— Ах ты, сука... Я надрываюсь, вкалываю, а она тут с кобелем снюхалась... Тварь бесстыжая, ну погоди, ты у меня еще получишь...

И он повернулся к мулату. Но прежде чем Антонио заговорил с ним, тот сказал:

— Так она твоя сожительница? Я ведь не знал...

— Сожительница? Она моя жена, нас с ней священник венчал, слышишь, священник...

Говоря это, Антонио все ближе подступал к парню.

— Да я же не знал... Ты не злись... Она мне ничего не сказала...

И парень поспешил исчезнуть в первом же проулке. Антонио хохотал до упаду. Жоакин, не принимавший в этой сцене никакого участия, — двое на одного было бы не по правилам, — подошел к приятелю:

— А он и вправду поверил...

Теперь они вдвоем заливались веселым смехом, пробуждая спящий город. Вдруг они услышали еще чей-то смех. Это смеялась мулатка, поднимаясь с земли. Беззубая, неказистая, она вряд ли стоила затраченных ради нее усилий. Но никакой другой не предвиделось, и потому пришлось вести на пляж беззубую. Первый с ней пошел Антонио Балдуино, потом Жоакин.

— Зубов у нее нет, но вообще-то она не хуже других. — Жоакин был доволен.

— Да нет, зря я спугнул мулатика, — отозвался Балдуино.

Он растянулся на песке, взял гитару и принялся что-то наигрывать. Женщина, оправив на себе платье, подошла к ним и, прислушавшись к мелодии, стала напевать ее, сначала тихонько, а потом в полный голос. Голос у нее оказался красивый, редкий по звучанию, низкий, как у мужчины. Он заполнил собой всю гавань, разбудил лодочников и матросов на судах, и над морем занялся новый день.

Едва рассвело, в жалком домишке на Ладейра-да-Монтанья, где в окне сушились пеленки, женщина разбудила мужа. Завод, где он работал, был далеко, и вставать ему приходилось рано.

Он ворчал, показывая на ребенка:

— Из-за этого пискуна я всю ночь глаз не сомкнул... Спать хочу до смерти.

Плеснул водой в лицо, взглянул на занявшееся утро, выпил жидкий кофе.

— Хлеба нет, все деньги ушли на молоко для малыша, — сказала жена.

Муж покорно промолчал, поцеловал ребенка, потрепал по плечу жену, закурил на дорожку:

— Пришли мне в обед что-нибудь поесть...

Спускаясь в голубой дымке раннего утра по Ладейра-да-Монтанья, мужчина столкнулся с Антонио Балдуино и Жоакином — за ними плелась беззубая. Балдуино закричал:

— Жезуино, ты ли это?

Да, это был Жезуино, который когда-то был такой же нищий мальчишка, как и они все. Его трудно было узнать — так он исхудал.

Жоакин засмеялся:

— Экий ты скелет, дружище...

— У меня сынок родился, Балдо. Я хочу, чтоб ты был крестным отцом. Я тебя познакомлю с моей хозяйкой...

И он пошел дальше, на завод, который находился в Итажипе. Он должен был добираться туда пешком, чтобы сберечь деньги на молоко для ребенка. А его жена тем временем развешивала в окне пеленки, такая же худая и бледная, как и ее муж. Для нее уже не осталось ни хлеба, ни кофе.

БОРЕЦ

Дом Жубиабы был небольшой, но красивый. Стоял он в самом центре холма Капа-Негро, перед домом — большая площадка: террейро. Большую часть дома занимал зал; в зале — стол с двумя скамейками по бокам — для трапез Жубиабы и его посетителей, и возле самой двери, ведущей в спальню, — кресло-качалка. На скамьях у стола неторопливо вели разговор посетители — негры и негритянки. Было еще двое испанцев и один араб. По стенам развешаны бесчисленные портреты в рамках из белых и розовых ракушек — родственники и друзья Жубиабы. В нише братски объединены языческая статуя и изображение Христа Спасителя. Христос был изображен спасающим судно от кораблекрушения. Однако языческая статуя была намного выразительнее: прекрасная телом негритянка одной рукой поддерживала свои крепкие выточенные груди, щедрым жестом даря всем свою красоту. Это была Янсан — богиня вод, белые окрестили ее Святой Барбарой.

Жубиаба вышел из соседней комнаты в льняной рубаше, вышитой на груди. Все его одеяние состояло из этой длинной, до пят, рубахи. Один из сидящих за столом негров поднялся ему навстречу и помог сесть.

Негры подходили и прикладывались к руке макумбейро. Испанцы и араб — тоже. Один из испанцев с распухшей подвязанной щекой, приблизившись к Жубиабе, стал жаловаться:

— Отец Жубиаба! Что мне делать с этим проклятым зубом, черт бы его побрал! Ни работать, ни жить он мне не дает, дьявол его заberi! Я уж уйму денег переплатил зубному врачу — и ничего! Ума не приложу, что мне с ним делать!

Он снял повязку: опухоль была чудовищной. Жубиаба назначил лечение:

— Прикладывай настой из мальвы и при этом читай молитву:

Святой Никодим, ты мне зуб исцели!

Никодим, ты мне зуб исцели! ты мне зуб исцели! зуб исцели!
исцели!

И добавил:

— Молитву надо читать на пляже. Напиши ее на песке и каждый раз

зачеркивай по одному слову, понятно? А потом иди домой и прикладывай настой из мальвы. Но без молитвы он не поможет...

Испанец оставил пять мпльрейсов и отправился лечиться указанным средством.

Потом подошла очередь негра, решившего прибегнуть к колдовству. Он излагал свою просьбу шепотом, шепча Жубиабе прямо в ухо. Макумбейро поднялся со своего места и, поддерживаемый негром, прошел в соседнюю комнату. Через несколько минут они вернулись, а на следующий день к дверям дома, где жил Энрике Падейро, было подложено колдовское снадобье неслыханной силы: мука, перемешанная с пальмовым маслом, четыре мильрейса серебряными монетами по десять тостанов, две старые медные монеты по двадцать рейсов и полудохлый птенец урубубу. После чего Энрике Падейро заболел какой-то непонятной болезнью и в скором времени умер. Одна из негритянок также просила пособить ей колдовством, но она не таилась, говорила вслух и не уходила с Жубиабой в другую комнату.

— Эта бесстыжая Марта отбила у меня мужа. Я хочу, чтобы он вернулся домой. — Негритянка вся кипела. — У меня дети, а у нее нет детей.

— Ты добудь от нее несколько волосков и принеси мне, тогда я тебе помогу.

Все пришедшие за помощью по очереди обращались к Жубиабе. Некоторые молились, держа в руках ветки кресса. А наутро на улицах города появлялись разные подозрительные предметы: прохожие со страхом старались их обойти подальше. К Жубиабе навещались и клиенты побогаче: и образованные с кольцом, и настоящие богачи, приезжавшие в шикарных машинах.

* * *

Когда Антонио Балдуино вошел в зал, где Жубиаба принимал посетителей, тот беседовал с каким-то солдатом. Солдат пытался говорить тихо, но волнение заставляло его то и дело повышать голос.

— Я вроде ей больше не по душе... Она и не слышит, что я говорю. Верно, она в кого-нибудь другого влюбилась... а я ее так люблю, отец, я хочу, чтоб она была со мной, я прямо с ума по ней схожу...

В голосе солдата слышались слезы. Жубиаба что-то у него спросил, и

солдат ответил:

— Мария дос Рейс.

Антонио Балдуино вздрогнул, потом усмехнулся. И стал прислушиваться к разговору. Но Жубиаба уже прощался с солдатом, говоря ему:

— Ты принеси мне волосок из ее подмышки и свои старые брюки. Увидишь, я так сделаю, что никуда она от тебя не денется. Будет ходить за тобой, как собачонка.

Солдат вышел с опущенной головой, ни на кого не глядя, изо всех сил стараясь не привлекать к себе внимания.

Антонио Балдуино подошел к Жубиабе и сел возле него на земляном полу.

— Что, он тоже по ней сохнет?

— А ты что, ее знаешь, Балдо?

— Эта та, которую Ошала выбрал на празднике.

— Солдат ее любит, он просил меня ему помочь, так что берегись, Балдо...

— Да не боюсь я его...

— Он ее любит.

— Ну и пусть любит...

Антонио сидел и ковырял пол щепкой. Ему еще не было восемнадцати, но на вид он казался двадцатипятилетним. Он был крепок и строен, словно молодое дерево, свободен, как зверь на воле, и никто во всем городе не смеялся звонче его.

* * *

Он дал отставку Жоане, ни разу больше не видал беззубую мулатку с мужским голосом, которая пела его самбы, и не встречался с каброшами на пляже.

Сопровождаемый Толстяком, он кружил возле дома Марии дос Рейс. Он сочинил для нее самбу, и в ней были такие слова:

Тоскую о тебе, Мария, я ночью и при свете дня...

Я был бродягою в Баие — теперь терзаешь ты меня...

Эту самбу он не согласился продать. Он сам спел ее на празднике, где Мария тоже была, и, когда он пел, она смотрела на него не отрываясь. Солдат мучился ревнивыми подозрениями: ему так и не удалось выпросить у невесты волосок из-под мышки для Жубиабы. Мария отделялась улыбками: ей было жаль солдата. Она знала, что он ее любит и ради нее готов на все. Она вспоминала о письме, написанном им ее крестной, доне Бранке Коста, в котором он просил руки Марии. Мария хранила это письмо дома на дне чемодана. Письмо гласило:

"Высокачтимая сеньора дона Бранка.

Премите мои сирдечные приветы. Севодня я как никада даселе перенесся в тот рай куда вликут меня мои мечты и рукавадимый ими я должен чистасирдечно презнаца Вашей Миласти што я люблю чистой и светой любовью Вашу Марию каторую почетаю безмерно.

Любовь каторая никагда не погаснит скокобы не прашло времени. Вы Вашей добротой можете удвоить навек и сделать залогом нашево счастья. Рукавадимый сим заветным желаньем я пользуюсь счастливым случаем просить руки Вашей благородной и очароватильной Марии.

Владеть этим даром Вашево благасклоново сердца — для меня самое великое на свете счастье и я ни пажалею сил моих штобы Заказать Вашей Миласти а также всему Вашему высокоачтимому семейству што я дастоен этово счастья.

Смея надеяца што Ваша Миласть ни откажит в моей прозбе я пребываю в ажидании благоприятново ответа. Премите увирения в савершеннейшем почтении Глубокауважаимая Сеньора.

Озорио, солдат 19 полка".

Крестная и слышать не хотела про солдата, но Мария настояла на помолвке, пригрозив, что иначе уйдет из дома. Свадьба была назначена на август, — сразу как только жених получит капральские нашивки, уже обещанные ему капитаном. Но тут на макумбе в доме Жубиабы Мария дос Рейс познакомилась с негром Антонио Балдуино, бродягой и сочинителем самб. Он не посылал ей писем и не говорил, что хочет на ней жениться.

На вечеринке у Рибейриньо, когда все направились в комнату, где было

приготовлено угощение, Антонио сунул Марии карточку, где говорилось: Чтобы ответить «да», Чтобы ответить «нет», нужно загнуть этот уголок
нужно загнуть этот уголок

МОЯ ДУША ЖАЖДЕТ «ДА»
и будет счастлива, если сеньорита примет
уверения в моей любви.
Если вы не хотите лишиться надежды,
то верните карточку как она есть.

Мария спрятала карточку на груди и убежала в комнату жены Рибейриньо, где мужчины оставили свои шляпы, а Антонио Балдуино — гитару. Кандида вошла вслед за ней и увидела карточку:

— От кого это?

— Угадай...

— Ну откуда я знаю... погоди, сейчас скажу... — Она задумалась. — Нет, не знаю.

— От Антонио Балдуино...

— Ха! От этого проходимца... Он же грязный тип... Ни одной юбки не пропускает... Берегись, Мария...

— Чего мне бояться?

— А как же Озорно?

Тут только Мария вспомнила про своего жениха. Пожалела его и вместо того, чтобы загнуть уголок, означавший «да», она возвратила Антонио Балдуино карточку в прежнем виде. Но для него это было все равно, как если бы она сказала «да».

* * *

Теперь Антонио Балдуино приходил к дверям Марииного дома в те дни, когда там не появлялся солдат. Солдат появлялся по четвергам, субботам и воскресеньям. Весь остаток недели принадлежал Антонио Балдуино, чьи руки уже не раз ощущали сквозь платье теплоту и гибкость ее тела. В один из вторников Мария с подругами отправилась на городскую ярмарку, и на площади им встретился Антонио Балдуино. На нем были

красные ботинки и красная рубашка, во рту — дешевая сигара. Остановились поболтать. В одной из палаток Антонио купил для Марии билет с предсказанием судьбы. Выпал сорок первый номер. Хозяин палатки, тучный испанец, объявил:

— Этот номер выиграл коробку рисовой пудры.

К пудре был приложен листочек с предсказанием судьбы:

Немало слез пролить придется тебе из-за любви своей.
Любовь печалью обернется — погубит он тебя, злодей...

Антонио засмеялся, а Мария встревожилась:

— А вдруг нас увидит Озорио?

Не успела она договорить, как навстречу им и вправду Озорио, в солдатской форме. Он подошел к Марии:

— Я давно уж догадывался. Да все не хотел поверить. Никак я не думал, что ты со мной так поступишь, Мария...

Его голос звучал тоскливо, как у псаломщика. Мария дос Рейс закрыла лицо руками. Ее подруги встревоженно уговаривали солдата:

— Сеу Озорио, не надо, сеу Озорио...

— Чего не надо, давай... — пожал плечами Балдуино.

Солдат нацелился кулаком в лицо Антонио, но тот увернулся и ударил Озорно ногой по коленкам. Солдат упал, но сразу вскочил и обнажил саблю. Антонио Балдуино выхватил из-за пояса нож:

— Лучше не подходи!

— Я тебя, кобеля, не боюсь!

Мария дос Рейс кричала:

— Балдо, ради бога, Балдо!

Подруги повторяли:

— Сеу Озорио... сеу Озорио...

— Плевать я хотел на твою форму. — И Антонио Балдуино вырвал у солдата саблю. Лицо Озорио было залито кровью — Антонио задел солдата ножом.

Обезоружив его, негр ждал, что будет дальше. На крики уже сбегался народ, появились полицейские и солдаты. Озорио бросился на Балдуино и... очутился на земле, отброшенный тяжелым кулаком негра. Какой-то гринго, следивший за поединком, потянул Антонио Балдуино за рукав:

— Эй, парень, вали отсюда, видишь, сколько солдат понабежало... Удар был что надо. Мы еще с тобой потолкуем...

Негр поднял нож и скрылся в доме Марии дос Рейс. И вовремя: к

месту драки со всех сторон спешили солдаты. Увидев, что товарищ их ранен, они заработали кулаками, и началось всеобщее побоище.

Мария дос Рейс провела Антонио Балдуино в свою комнату, стараясь не разбудить крестную. И когда на рассвете негр покинул их дом, тело Марии, гибкое и горячее, уже не было девственным. Даже Ошала, самый великий из богов, не мог сравниться в любви с негром Антонио Балдуино.

* * *

Несколько дней спустя в «Фонаре утопленников» Антонио Балдуино встретил того гринго, который посоветовал ему бежать после драки с солдатом. Антонио пришел в «Фонарь» с Толстяком и вдруг услышал: «Эй, парень!» — и увидел своего знакомого.

— А я тебя уже давно разыскиваю. С того самого дня. Весь город обегал. Ты где скрывался?

Он принес стулья, угостил парней сигаретами. Они сели. Антонио благодарил своего спасителя:

— Не окажись вы там в тот день, сеньор, мне бы от солдат здорово досталось...

— Удар был что надо... Отменный удар...

Толстяк, не видевший поединка Антонио с солдатом, заинтересовался:

— Какой удар?

— Да тот, которым твой приятель сбил с ног этого солдата... Клянусь мадонной, великолепный был удар...

Он заказал пива на всех.

— Ты занимался боксом?

— Нет. Только капоэйрой.

— Если бы ты захотел, ты мог бы стать чемпионом...

— Чемпионом?

— Да, клянусь мадонной... Такой удар... Сокрушительный удар.

Гринго не отрывал глаз от огромных кулаков негра. Он щупал его плечи и бицепсы, повторяя:

— Чемпион... чемпион...

В его бормотанье слышалась тоска по лучшим временам.

— Стоит только захотеть...

Антонио Балдуино хотел.

— Но как?

— Потом ты смог бы выступать в Рио, а то и в Америке...

Гринго влил в себя еще стакан пива.

— Я был когда-то тренером, давно. Среди чемпионов мира есть мои ученики. Но ни один из них не выдержал бы такого удара. Красиво ты его уложил...

Когда они вышли из «Фонаря утопленников», у Антонио уже был подписан контракт с Луиджи, тренером; Толстяка взяли в секунданты. Все трое были слегка навеселе. Назавтра Антонио Балдуино объявил Марии:

— Ну вот, теперь я больше не бродяга... Я буду боксером. Стану чемпионом... Потом поеду в Рио, а потом — в Америку...

— Ты уедешь?

— Я возьму тебя с собой, моя радость...

Даже Ошала, самый великий из богов, не мог с ним сравниться.

* * *

Прошло несколько месяцев, и газеты объявили о первом матче негра Балдо. Луиджи давал интервью, и одна газета даже поместила портрет Антонио Балдуино, где он одной рукой наносил удар, а другой прикрывался. Мария дос Рейс вырезала портрет и приколола его на стенку.

Противником Антонио был Жентил, торжественно именуемый чемпионом военно-морских сил в тяжелом весе. На самом-то деле он был портовым грузчиком.

* * *

На Соборной площади собрались все любители бокса, завсегда таи «Фонаря утопленников», возглавляемые его владельцем сеу Антонио, обитатели холма Капа-Негро и все друзья Антонио Балдуино. Первым на помост влез судья, сержант, одетый в штатское.

— Драка будет на славу. Просим публику соблюдать порядок и не жалеть аплодисментов.

Появился Толстяк с ведром и бутылкой, а на другом конце помоста, с теми же предметами — какой-то бледнолицый тип. Затем на помост взошел Антонио Балдуино в сопровождении Луиджи. Жители холма, завсегда таи

«Фонаря утопленников», рыбаки и портовые грузчики закричали:

— Антонио Балдуино! Антонио Балдуино!

Судья представил его:

— Балдо, негр.

Затем на помосте появился противник Антонио. Ему тоже похлопали.

— Жентил — абсолютный чемпион, представитель нашего славного флота, — провозгласил судья.

Зрители снова захлопали и закричали. Но те, что были с холма или из «Фонаря утопленников», глядели на противника Антонио, мулата, с презрением.

— Ну, Балдо его отделает...

Антонио Балдуино тоже смотрел на мулата, улыбаясь. Луиджи давал последние наставления:

— Бей что есть силы. Меть в челюсть или в глаз. И как можно сильнее.

Толстяк в волнении молился всем святым, прося победы для Балдо. Но вдруг он вспомнил, что бокс — занятие греховное, и в страхе прервал себя на полуслове.

Прозвучал гонг, и противники двинулись навстречу друг другу. Толпа взревела.

* * *

Негр Антонио Балдуино был дисквалифицирован за применение в разгар боя приема капоэйры, и матч был прекращен. Однако Антонио успел продемонстрировать все свои мощные боксерские способности. Публика требовала продолжения и освистала судью, который вынужден был прибегнуть к помощи полиции.

И снова в газетах появился портрет Антонио Балдуино, а в одной из них даже была напечатана история его жизни, и эту газету раскупали нарасхват. Нашлись дошлые репортеры, дознавшиеся, что самбы, якобы сочиненные поэтом Анисио Перейра, на самом деле принадлежат Антонио Балдуино, и городское общество, особенно его литературные круги, было крайне скандализовано этим открытием.

* * *

Под натиском общественного мнения был объявлен матч-реванш. Он собрал неслыханное множество болельщиков, и когда судья объявил: «Балдо, негр!» — то бурными аплодисментами разразились не только жители холма, рыбаки и завсегдатаи «Фонаря утопленников» (сеу Антонио побился об заклад на двадцать тысяч, что победит негр). Все зрители долго не смолкавшими криками приветствовали Антонио Балдуино.

На пятом раунде мулат Жентил перестал быть чемпионом. Он лежал без движения, распростертый на помосте. С Антонио Балдуино пот лил градом, и Толстяк обтирал его полотенцем. Потом все отправились в «Фонарь утопленников» пропивать выигранные сеу Антонио двадцать тысяч.

* * *

Неожиданно уехала Мария дос Рейс. Семья ее крестной состояла из сына и мужа, государственного служащего, которого как раз в это время перевели в Мараньян. И Мария уехала с ними. Антонио Балдуино очень тосковал о ней: она единственная никогда не вызывала в его памяти Линдиналву, бледную и веснушчатую.

В ту ночь он напился и, видя, как пароход увозит его возлюбленную, едва сам не нанялся в матросы, чтобы уплыть следом за ней. Мария взяла с собой портрет Антонио, где он одной рукой наносил удар, а рот и глаза его сияли улыбкой.

* * *

Он победил всех своих противников, и теперь его ждал бой с чемпионом Баии, боксером Висенте, который давно уже не выступал на ринге, поскольку ему не с кем было драться. Впрочем, когда Висенте увидел Антонио и убедился, что тот одерживает одну победу за другой, он стал усердно тренироваться: негр представлял серьезную угрозу его чемпионскому титулу.

За неделю до их встречи на ринге город запестрел афишами, на которых были изображены двое в боксерской схватке.

ВИСЕНТЕ
АБСОЛЮТНЫЙ ЧЕМПИОН БАИИ
БАЛДО-НЕГР
ОСПАРИВАЮТ ТИТУЛ ЧЕМПИОНА
НА СОБОРНОЙ ПЛОЩАДИ — В ВОСКРЕСЕНЬЕ

Висенте в беседе с газетными репортерами объявил, что он одержит победу на шестом раунде. В ответ на это Антонио Балдуино заверил публику, что на шестом раунде абсолютный чемпион Баии уже убаюкается, лежа на помосте. Взаимные выпады противников еще больше раззадорили публику. Заключались многочисленные пари, и большинство ставило на Балдуино.

Висенте и в самом деле остался лежать на помосте, даже не дотянув до шестого раунда, и Балдо, негр, стал абсолютным чемпионом Баии.

Он предложил Висенте матч-реванш и снова победил. Луиджи прямо чуть не помешался от радости и беспрестанно повторял, что пора ехать в Рио. Не теряя времени, он стал вести переговоры со столичными импрессарио. А чемпион Антонио Балдуино занимался любовью с мулатками на пляже, пил с друзьями в «Фонаре утопленников», ходил на макумбы к Жубиабе, и его звонкий смех, не умолкая, звучал на городских улицах.

* * *

Приезд в Баию чемпиона Рио по боксу поверг баиянцев в невероятное возбуждение. Весь город жил предстоящей встречей двух чемпионов.

Накануне матча Антонио Балдуино сидел с друзьями в «Фонаре утопленников», там его и разыскал импрессарио столичного чемпиона.

— Добрый вечер...

— Добрый вечер...

Антонио Балдуино предложил гостю пива.

— Я хотел бы поговорить с тобой с глазу на глаз.

Толстяк с Жоакином пересели за другой стол.

— Вот какое дело... Клаудио не может потерпеть поражение...

— Не может?

— Да, и вот почему. Он мне должен кучу денег... Если он будет

побежден, он больше не сможет выступать на ринге. Не так ли?

— Ну, так.

— А если он победит, он будет драться с другими... А ты получишь отступное.

— И сколько?

— Я дам сто мильрейсов, если ты дашь себя побить. А потом ты будешь иметь право на реванш.

Антонио Балдуино поднял было руку, чтобы двинуть этого наглеца хорошенько, но, подумав, опустил ее на стол.

— Вы уже говорили с Луиджи?

— А... Луиджи — старый мошенник. Он ничего не должен знать.

И он заулыбался.

— А потом, когда все разойдутся, вы сможете подраться по настоящему... Ну, по рукам?

— Деньги при вас?

— Деньги ты получишь после матча.

— Нет. Так не пойдет. Деньги на бочку.

— А если ты потом не дашь себя побить?

— А если я дам себя побить, а вы потом меня надуете?

Антонио Балдуино встал из-за стола. Толстяк и Жоакин следили за ними издали.

— Не будем ссориться, — забормотал импрессарио. — Сядь.

Он посмотрел, как негр опрокидывает очередную порцию кашасы.

— Я тебе верю... Возьми деньги — я тебе их передам под столом...

Антонио Балдуино взял деньги, поглядел — пятьдесят мильрейсов:

— Вы же обещали сто!

— Остальные пятьдесят после...

— Тогда я отказываюсь...

— Но клянусь, у меня больше нет с собой денег...

— А мне нужно сейчас.

Антонио получил остальные пятьдесят и пересел за столик к Толстяку. Едва импрессарио покинул «Фонарь», Антонио захохотал и хохотал, пока у него не заболел живот.

На следующий день после матча, окончившегося позорным поражением чемпиона Рио, его импрессарио ворвался в «Фонарь утопленников» с перекошенным от ярости лицом:

— Ты — гнусный мошенник!

Антонио Балдуино рассмеялся.

— Верни мне мои деньги...

- Украсть у вора — нет позора.
- Я обращаюсь в газеты, в полицию...
- Давай, давай...
- Ты вор, вор...

Антонио одним ударом свалил импрессарио с ног. Посетители «Фонаря», не ожидавшие нового бокса, разразились аплодисментами.

— Подумайте, он хотел меня купить, друзья... Он дал мне сто мильрейсов, чтобы я поддался этому рахитику... Я ему, конечно, пообещал, чтоб в другой раз неповадно ему было покупать таких, как я. Я продаюсь только за дружбу... А теперь давайте пропьем его денежки...

«Фонарь утопленников» встретил речь негра одобрительным смехом. Антонио Балдуино вышел из бара и отправился к Зэфе, каброше, — она недавно приехала из Мараньяна и привезла от Марии дос Рейс нежный поцелуй ее возлюбленному (посредница не ограничилась передачей одного поцелуя и продолжала и по сей день передавать их Антонио Балдуино). На деньги импрессарио Антонио купил для Зэфы ожерелье из красного бисера.

Луиджи теперь уже всерьез заговорил о столице.

* * *

Боксерская карьера Антонио Балдуино оборвалась в тот день, когда он узнал, что Линдиналва выходит замуж. В газетах, оповещавших о его встрече с перуанцем Мигезом, Антонио Балдуино прочел объявление о свадьбе «Линдиналвы Перейры, дочери предпринимателя командора Перейры, члена торговой корпорации, с молодым адвокатом Густаво Баррейрасом, славным отпрыском одной из самых известных баиянских фамилий, блестящим поэтом и превосходным оратором».

Антонио Балдуино вышел на ринг пьяный и был нокаутирован на третьем раунде: он не мог драться и даже не защищался от ударов, которыми осыпал его перуанец. Пошли слухи, что негра подкупили. А сам Антонио Балдуино никому не захотел объяснить причину своего поражения. Даже своему тренеру, Луиджи, который в эту ночь рыдал навзрыд, рвал на себе волосы и проклинал всех и вся на свете. Даже Толстяку, смотревшему на него покорным взглядом человека, живущего в постоянном ожидании несчастья. На ринг Антонио Балдуино больше не вернулся.

Холодной ночью, после своего поражения, Антонио Балдуино не пошел в «Фонарь утопленников». Вдвоем с Толстяком они отправились в бар «Баия» и заняли там столик в глубине зала. Антонио Балдуино молча пил, когда какой-то оборванец подошел к ним и стал клянчить на выпивку.

Балдуино поднял на него глаза:

— Я знаю этого типа. Не помню откуда, но знаю...

Оборванец смотрел на него остекленевшим взглядом, облизывая пересохшие губы:

— Хоть на глоток не пожалей, друг...

В эту минуту Антонио Балдуино увидел на лице оборванца шрам:

— Моя работа...

Он напряг свою память и вдруг хлопнул себя по лбу:

— Послушай, тебя не Озорио зовут?

Толстяк тоже его признал:

— Ну да, это тот самый солдатик...

— Я уже был произведен в сержанты...

Бывший солдат придвинул стул и сел за их столик.

— Я был сержантом, — повторил он, облизывая губы, — хоть на глоток не пожалейте...

Балдуино улыбался, а Толстяк смотрел на солдата с состраданием.

— Потом я встретил девушку, слышите, девушку, красивую... Ух, какую красивую... Мы с ней обручились... И должны были пожениться, как только меня произведут в капралы...

— Но ты же уже был сержантом?

— Все равно... я не помню... Нет, меня должны были произвести в капитаны. Капитан мне обещал, слышите... Капитан... Еще один глоточек? Любезный, принеси-ка еще стаканчик, мой друг платит... Уже была назначена свадьба... И сыграли б мы ее на славу... Моя невеста была такая красивая, такая красивая... Но она мне изменила...

— А этот шрам?

— А это мне один тип... Ну, я ему тоже выпустил кишки наружу... Она была красавица... красавица...

— Это верно...

— Вы ее знаете?

— А то как же... Ты что, меня не признал?

Они пили вместе всю ночь и вышли из бара в обнимку, заливаясь

смехом, забыв про Марию дос Рейс и про самих себя — бывшего солдата и бывшего боксера.

Правда, очнувшись на секунду от пьяного забытья, Озорио вдруг вроде припомнил:

— Но ты, какой ты... — И он оттолкнул от себя Антонио Балдуино.

— Но я ведь тоже все потерял...

И они, снова в обнимку, пошли, шатаясь, по улице.

— Она была такая нежная...

В пьяном бреду Антонио Балдуино путал черную Марию дос Рейс с белой Линдиналвой.

ГАВАНЬ

Баркасы застыли на зеркальной воде.

На баркасах с зарифленными парусами спали в темноте лодочники. Обычно они наперебой зазывали совершить прогулку по маленьким гаваням залива, посетить знаменитые прибрежные ярмарки. Но сейчас лодочники спали, и спали их суда с начертанными на бортах красочными названиями: «Крылатый», «Скиталец», «Утренняя звезда», «Отшельник». На рассвете они снова понесутся, подхваченные ветром, распустив паруса, взрезая гладь залива.

Они отправятся за грузом: зеленью, фруктами, кирпичом или черепицей. Объедут все прибрежные ярмарки. И возвратятся заваленные ароматными ананасами. Самое быстроходное из всех — судно, на борту которого выведено большими буквами: «Скиталец». Его хозяин, Мануэл, спит на носу баркаса. Мануэл — старый мулат, из тех, что рождаются и умирают на воде.

Антонио Балдуино всех здесь знает. Еще мальчишкой любил он прийти сюда и растянуться на песчаном пляже: ноги — в воде, под головой — подушка из песка. В эти ночные часы — вода теплая, ласковая. Иногда он молча удил, расплываясь в улыбке, когда что-нибудь попадалось. Но чаще, почти всегда, он просто смотрел на море, на корабли, на спящий мертвым сном город.

Антонио Балдуино хочется уплыть и плавать по незнакомым морям, приставать к незнакомым берегам и любить на незнакомых пляжах незнакомых женщин. Мигез приехал из Перу, и на нем кончилась боксерская карьера Антонио Балдуино.

Корабль гудит, огибая мол. Весь в огнях, он выходит в ночное море. Шведский корабль. Еще вчера шведские моряки бродили по городу, сидели в барах, обнимались с мулатками. И вот они уже в ночном море, а назавтра, глядишь, где-то в другом, далеком порту с белыми или желтыми женщинами. Когда-нибудь Антонио Балдуино тоже наймет на корабль и объедет весь мир. Он всегда мечтает об этом. И во сне, и когда, растянувшись на песке, смотрит на баркасы и звезды.

Город простирал к небу башни церквей. Из гавани Антонио Балдуино видны были склоны холмов и огромные старые здания. Сверкали звезды, и белые облака бежали по небу, словно стада барашков. Еще эти облака напоминали ему белозубую улыбку Жоаны. Впрочем, Антонио всем каброшам, которых он обхаживал, говорил:

— Твои зубки похожи на эти белые облачка...

Но теперь, когда его побили, когда он побежден, ни одна из каброшей и глядеть-то на него не захочет. Они все думают, что его купили.

Его взгляд заблудился в темных громадах городских зданий. Над ним сияла звезда — прямо над самой головой. Антонио не знал, что это за звезда — такая большая, красивая, — она мерцала, вся искрясь. Никогда раньше он ее не видел. Взошла луна, круглая и огромная, и причудливый ее свет обрушился на город, изменив его до неузнаваемости. И Антонио Балдуино почудилось, что он — моряк и его судно стоит в каком-то чужом порту, одном из тех далеких портов, которые он каждую ночь видит во сне. Каждую ночь Антонио Балдуино видит во сне, как он сходит на берег в чужих далеких портах... Облака бегут по небу. Белые барашки. Город пустынен. Первый раз он так замечтался. Даже Баия вроде не Баия, и он сам не Антонио Балдуино, Балдо, боксер, плясавший на макумбах Жубиабы и побежденный перуанцем Мигезом. Что это за город и кто такой — он сам? Куда ушли все те, кого он знал? Он посмотрел в сторону причала и увидел готовый к отплытию корабль. Ну да, уже время, его ждут на борту.

Антонио видит себя в матросской форме и кричит:

— Я сейчас поднимусь на борт.

Оттуда кто-то отзывается:

— А?

Но Антонио уже не слышит, он снова не отрывает глаз от города, залитого мертвенно-белым лунным светом. Он вспоминает себя на ринге.

Внезапно сверху, с холма, доносятся звуки тамтама.

Темная туча набежала на луну. Антонио ощупывает себя: матросская форма исчезла, он в белых штанах и красной полосатой рубашке.

Звуки тамтамов все слышнее. В них — жалоба, тоскливый вопль, мольба. И снова Баия становится Баией, ничем другим, только Баией, где все такое знакомое и родное: улицы, холмы, переулки. Он снова вернулся в Баию из далекого порта с островов, затерявшихся в беспредельном пространстве океана. Он вернулся в Баию, где его победил перуанец Мигез. Он больше не смотрел ни на звезды, ни на тучи. И не различал больше на небе белых барашков. Куда уплыли баркасы, скрывшиеся из глаз Антонио

Балдуино?

Теперь он слушал.

Со всех холмов неслись звуки барабанов, звуки, по ту сторону океана звучавшие воинственно, — там они призывали к сражению или созывали на охоту. Здесь они звучали мольбой, в них слышались голоса рабов, просящих о помощи, и перед глазами возникали легионы черных невольников с простертыми к небу руками. Кое-кто из них, кому удалось дожить до седых волос, может и сейчас показать рубцы на спине от ударов плетью. Теперь только на макумбах и кандомбле звучат барабаны.

Они звучат как призыв ко всем неграм: и к неграм в Африке, там, где барабаны все еще зовут к сражению или созывают на охоту; и к неграм, все еще стонущим под плетью белых. Звуки барабанов неслись с холма. Тоскующие, тревожные, экстатические, воинственные, безысходные — они обрушились на Антонио Балдуино, забывшегося на песчаном пляже. Они ворвались в него и разбудили в его душе дремавшую в ней ненависть.

Антонио Балдуино в отчаянии катался по песку. Тоска, какой он ни разу еще не испытывал, душила его. Все в нем клокотало от ненависти. Ему мерещились вереницы черных рабов, он вспоминал рубцы на спине старика, встреченного им в доме Жубиабы. Он видел мозолистые руки, обрабатывающие землю белых, и видел негритянок, рожаящих сыновей-рабов от своего белого господина. Он слышал, как звучат барабаны, призывая к бою уже не рабов, а повстанцев Зумби из Палмареса. Он слышал, как Жубиаба, суровый и мудрый, рассказывает про восставших негров. Он видит самого себя, негра Антонио Балдуино, как он дерется на ринге с белым... Но теперь все кончено для него, он — побежденный.

Туча прошла, и вновь луна залила все беспокойно-ярким светом, а звуки барабанов постепенно замирали в лабиринте темных переулков и вымощенных булыжником улиц.

Они еще не успели замереть, когда в головокругительном лунном сиянии Антонио увидел перед собой веснушчатое и бледное лицо Линдиналвы.

Она улыбалась. И от ее улыбки умолк барабан и растопилась ненависть.

Антонио Балдуино провел рукой по глазам, прогоняя призрак, но он снова появился перед ним с другой стороны. Антонио ясно различал огни баркасов и Мануэла, гуляющего по причалу. Но среди огней кружилась в танце Линдиналва. Она торжествовала: ведь он был побежден.

Антонио закрыл глаза, и, когда он снова открыл их, он увидел лишь печальный тусклый свет «Фонаря утопленников».

ПЕЧАЛЬНАЯ ПЕСНЯ МОРЯ

Огонек «Фонаря утопленников» приглашал зайти посидеть. Антонио Балдуино поднялся с ласкового мягкого песка и большими шагами направился в таверну. Крохотная лампочка едва освещала вывеску, на которой была изображена красotka с рыбьим хвостом и тугой грудью. Над сиреной была нарисована красной краской звезда. От нее на сирену исходило сияние, придававшее грубо намалеванной красавице нечто таинственное и трогательное. Сирена тащила из воды утопленника. А внизу было написано:

«ФОНАРЬ УТОПЛЕННИКОВ»

Из таверны донесся возглас:

— Это ты, Балдо?

— Я самый, Жоакин!

За грязным столиком сидели Толстяк и Жоакин, и Жоакин окликнул Антонио, приложив ладонь козырьком к глазам, чтобы лучше разглядеть вошедшего в колеблющемся свете висячей лампочки.

— Входи. Здесь Жубиаба.

В маленьком, едва освещенном зале пять или шесть столиков, за ними сидят лодочники, хозяева баркасов, матросы. Толстые стаканы наполнены кашасой. Слепой играет на гитаре, но никто его не слушает. За одним из столиков сидят белокожие, белокурые матросы-немцы с грузового судна, стоящего на погрузке в порту. Они пьют пиво и, захмелев, затягивают песню. Две или три женщины, спустившиеся этой ночью с Ладейра-до-Табоан в «Фонарь утопленников», сидят с немцами. Женщины громко смеются, но вид у них растерянный: они не понимают, о чем поют немцы. А те обнимают женщин, тискают их. Под их столом гряда пустых пивных бутылок. Проходя мимо, Антонио Балдуино сплевывает. Один из матросов хватается за тяжелый стакан, Антонио замахивается... В углу стонет гитара слепого, ее никто не слушает. Но Антонио вспоминает, что здесь Жубиаба, и проходит мимо немца к столику, где сидят Толстяк и Жоакин.

— А где Жубиаба?

— А он у сеу Антонио, лечит его сожительницу.

Сеу Антонио, старый португалец, жил с рябой мулаткой. Бледный мальчишка бегом обслуживал посетителей. Он поздоровался с Антонио

Балдуино:

— Добрый вечер, сеу Балдо.

— Принеси-ка вина...

Толстяк прислушивается к пению немцев.

— Хорошо поют...

— А ты что, понимаешь, о чем они поют?

— Нет, но за сердце щиплет.

— За сердце? — Жоакин недоумеваает.

Но Антонио Балдуино понимает, о чем говорит Толстяк, и ему уже не хочется драться с немцами. Лучше петь вместе с ними и смеяться вместе с их женщинами. Он выстукивает ритм песни на столе и насвистывает ее мелодию. Матросы все больше пьянеют, и один из них уже не поет. Он роняет голову на стол. Слепой играет на гитаре в углу зала. Никто его не слушает, разве только бледный мальчик-официант. Бегом разнося стаканы с кашасой, он бросает на гитариста восхищенные взгляды. И улыбается.

Откуда-то издали, из темноты океана доносится поющий голос. Ночь звездная, но все равно невозможно разглядеть, кто поет и откуда слышна песня: то ли поет кто-то из лодочников, то ли она доносится из старого форта. Печальная мелодия словно выходит из моря. Сильный, протяжный голос.

Антонио Балдуино смотрит вдаль. Кругом все черно. Светятся только звезды да трубка Мануэле. Матросы больше не поют, женщины не смеются, гитара слепого перестала жаловаться, и больше не улыбается бледный мальчик-официант.

Жубиаба возвращается в зал и садится за столик, сеу Антонио занимает свое место за стойкой. Ветер, ласково обвевающий захмелевших посетителей, приносит с собой тоску протяжного голоса. Откуда доносится эта песня? Море так безбрежно и полно тайн, и кто знает, откуда слышится этот старый, грустный вальс... Ясно только, что поет негр. Только негры могут петь так... Но это поет не Мануэл. Мануэл молчит. Он, верно, думает о том, как завтра его баркас будет грузить сапоти^[36] в Итапарике? Нет. Мануэл слушает песню. Он смотрит в ту сторону, откуда, как ему кажется, доносится мелодия, наполненная тайнами моря. Толстяк глядит на всех отсутствующими глазами. Этот вальс берedit ему душу. Да и все повернулись к морю, смотрят: откуда льется этот тоскующий голос.

О боже, укрой боль мою тьмой...

Быть может, это в старой крепости поет какой-нибудь старый солдат? Или деревенский парень везет в своей лодке апельсины на ярмарку и поет? Или лодочник в Порто-да-Ленья? Или на рыболовном судне поет негр-

матрос, оставивший любимую в далеком порту?

О боже, укрой боль мою тьмой...
Любимой моей нет больше со мной...

Откуда льется эта печальная песня, несущаяся над лодками, баркасами, молом, гаванью, «Фонарем утопленников», над всем заливом и замирающая на городских холмах?

Толстяк видит: Антонио Балдуино весь захвачен этой песней. Не иначе вспоминает Линдиналву и уверен, что где-то негр поет только для него, для Антонио Балдуино, который совсем один на свете... Но негр поет для всех, а не для одного Антонио Балдуино. Он поет и для Толстяка, и для Мануэла, и для немецких матросов, для всех негров-лодочников, крестьян и рыбаков, и для белых матросов на шведском корабле, и для всего океана.

Сверкают, переливаясь, городские огни. Уже еле слышно долетают с холмов отзвуки макумб и кандомбле. Но блеск звезд ярче, и кажется, что звезды гораздо ближе, чем фонари на городских улицах. Антонио Балдуино видит, как попыхивает своей трубкой Мануэл. Голос негра словно проходит сквозь Мануэла, потом, внезапно удаляясь, бежит назад, в море. И его печаль обволакивает все вокруг.

От боли умру я, тоскуя. тоскуя...

Все молчат. Немецкие матросы слушают вместе со всеми. Жубиаба сидит, положив руки на стол. Толстяк растроган, а Антонио Балдуино видит перед собой Линдиналву — белокурую, бледную, веснушчатую, он видит ее в воде, на звездном небе, в облаках, в стакане с кашасой, в глазах чахоточного мальчишки-официанта.

Желтая луна снова повисает прямо над «Фонарем утопленников». С ветром долетает до «Фонаря» глухо звучащий голос. Толстяк грустит, Мануэл попыхивает трубкой. Голос на миг врывается в таверну и снова уносится в море.

Свой взор на меня, господь, обрати, любовью святой меня защити...

Печальная мелодия замирает вдали. Слепой провожает ее невидящим взглядом.

Жубиаба что-то бормочет, но его никто не слышит. Жоакин просит:

— Дай закурить...

И курит, сильно затягиваясь. Матросы пьют пиво. Женщины не отрывают глаз от моря. Жубиаба вытягивает под столом худые ноги и смотрит в темноту. Лунный свет серебрит море и небо. И снова возвращается старый вальс. И голос негра — все ближе и ближе:

Любимой моей нет больше со мной...

Голос все приближается. Трубка Мануэла вспыхивает подобно звезде. Какой-то баркас виден далеко в море. Он плывет медленно, словно прислушиваясь к печальной мелодии, доносимой до него ветром.

Антонио Балдуино хотел было сказать: «В добрый путь, друзья...» — но промолчал, заслушавшись.

Голос снова удаляется, увлекаемый ветром, и возвращается, еле слышный:

...нет больше со мной...

Луна заглядывает в таверну. Немецкие матросы слушают песню негра, и им кажется, что он поет на их родном языке. Женщины повторяют про себя слова песни и больше не смеются.

Жоакин не выдерживает:

— Завел одно и то же...

Толстяк пугается:

— Что ты говоришь?

Антонио Балдуино обращается к Жубиабе:

— Отец Жубиаба, мне сегодня такой чудной сон приснился там на пляже...

— И что же тебе приснилось?

За столиком таверны Жубиаба выглядит совсем хилым и маленьким. Толстяк старается угадать, сколько ему может быть лет. Сто или больше? Рядом с Жубиабой Антонио Балдуино — великан. Он вспоминает то, что видел не во сне, а наяву — в доме Жубиабы:

— Я видел того старика негра, у которого вся спина в рубцах...

Печальный вальс заполняет всю таверну:

От боли умру я, тоскуя, тоскуя...

Антонио Балдуино продолжает:

— ... от боли, да, отец, от боли... — стонал этот негр, избитый плетью. Я видел его сегодня во сне... Он был такой страшный. Мне захотелось избить этих белых матросов...

Толстяк по привычке пугается:

— Зачем?

— А зачем они били этого негра, зачем?

Жубиаба поднимается со своего стула. Его морщинистое лицо гневно. Все смотрят на него:

— Это было давно, Балдо...

— Что было давно?

— То, про что я сейчас расскажу... Эта история не про отцов ваших, а про дедов... На плантации одного богатого белого сеньора в Корта-Мао...

Печальная мелодия старого вальса, льющаяся неизвестно откуда, заглушает его слова:

О боже, укрой боль мою тьмой...

Жубиаба продолжает свой рассказ:

— На плантации у него работало негров тьма-тьмушая. Их всех привезли сюда на корабле, и здешнего языка они не знали. Давно это было... В Корта-Мао...

— Ну и что было дальше?

— Этот сеньор — звали его Леал — не держал надсмотрщиков. Зато у него была пара горилл — самец и самка — на длинной цепи. Самца сеньор называл Катито, а самку — Катита. Вот самец-то и был надсмотрщиком... Приучен был ходить всегда с плетью...

Что случилось с печальной мелодией?

Она больше не наполняет собой сердца негров, оставив их наедине с тем, что рассказывает Жубиаба. Куда исчез голос? Только гитара слепого опять жалуется в углу. Бледный мальчик-официант обходит посетителей с тарелкой, собирая плату для гитариста — своего отца. Какой-то матрос упрямится:

— Не стану я ничего давать. Он и играть-то не умеет...

Но все смотрят на него такими глазами, что он поспешно кидает монету в протянутую мальчиком тарелку:

— Я пошутил, дорогой...

Жубиаба продолжает:

— Катита охотилась за курами, лазала по домам. А самец с плетью садился на пень и наблюдал за работой негров. Стоило негру хоть на миг бросить работу, самец вытягивал его плетью. Часто он пускал в ход плеть без всякого повода. Однажды он так забил одного негра до смерти...

Висячая лампа в баре раскачивается от ветра. Слепой наигрывает на гитаре плясовые ритмы.

— Сеньору Леалу нравилось еще спускать Катито на негритьянок, а тот их душил в своих объятиях... Однажды сеньор надумал спарить Катито с молодой негритьянкой — ее привезли на плантацию вместе с мужем, молодым и сильным негром. Хозяин привел с собой гостей...

Толстяк весь дрожит. Издалека снова слышится печальная мелодия... Гитара умолкла, слепой подсчитывает серебряные монеты.

— Но едва Катито прыгнул на негритьянку, муж ее, негр, прыгнул на самца...

Жубиаба смотрит в ночную даль. На небе желтеет луна.

— Сеньор Леал выстрелил в негра, но тот успел дважды всадить нож в обезьяну... Жену свою он не спас... Гости веселились, но одна из приглашенных — белая барышня — той же ночью сошла с ума...

Печальный старый вальс снова звучит где-то совсем близко.

— В ту же ночь брат убитого негра зарезал сеньора Леала. Брата этого я знал. Он мне и рассказал всю историю...

Толстяк во все глаза глядит на Жубиабу. Трубка Мануэла вспыхивает подобно звезде. В темном море чей-то голос поет:

Любимой моей нет больше со мной...

Голос поет: высокий, звучный, тоскующий...

Жубиаба повторяет:

— Я знал брата этого негра...

Антонио Балдуино держит нож у сердца.

ОЖУ АНУН ФО ТИ ИКА ЛИ ОКУ

Жубиаба говорил:

— Ожу анун фо ти ика ли оку...

Да, Антонио Балдуино знал теперь, что глаз милосердия выколот и что остался только злой глаз. В ту таинственную, полную музыки ночь в порту он хотел было рассмеяться — громким и беспечным смехом, который был для него словно клич свободы... И не смог. Он потерял себя, пал духом. Он больше не царил в этом городе, он перестал быть боксером Балдо. Теперь город давил его, как веревка на шее самоубийцы. Все поверили, что он был подкуплен. И море, бьющееся о берег, уходящие в океан ночные, в огнях, корабли и баркасы с мигающим фонарем и звуками гитары — все звучало для него неодолимым призывом. Там лежала дорога домой. По ней ушли Вириато Карлик, старый Салустиано и еще другие тоже. На груди у Антонио Балдуино было вытатуировано сердце, огромная буква "Л" и корабль.

Захватив Толстяка, он ушел на баркасе в море. Ушел искать на прибрежных ярмарках, в маленьких городках, на суше и на воде свой потерянный смех, свою дорогу домой.

БЕГСТВО

БАРКАС

«Скиталец» взрезает темную воду, колыша отражение звезд. Он целиком выкрашен в красный цвет, а его желтый фонарь соперничает с луной, только что вылезшей из-за тучи. С другого баркаса, пересекающего бухту, окликают:

— Эй, кто там, на баркасе?

— Счастливого плаванья, счастливого плаванья!

Просторна морская дорога. Плещет за бортом вода. На свет фонаря выскакивает из воды какая-то рыба. Мануэл стоит у руля. Толстяк ходит по палубе. Антонио Балдуино лежа любит ночным морем. Из трюма пахнет спелыми ананасами.

Проносится легкий ветерок, и новая яркая звезда загорается на небе. В голове негра Антонио Балдуино вертится новая самба: он сочиняет ее, отбивая ритм ладонями по коленям. Потом он принимается насвистывать — еще немного, и он снова обретет свой потерянный смех... Самба готова: в ней поется о женщине, о бродягах, о вольном, как ветер, негре, о звездах и о просторной морской дороге.

Самба спрашивает:

Куда держу я путь, Мария?

И отвечает:

По звездам глаз твоих на небе, по волнам смеха на воде ищу я путь к тебе, Мария...

Так поет самба. Она поет еще о том, что негр Антонио Балдуино любит бродяжничать и любит Марию. На его языке бродяга — значит свободный. А Мария — значит самая красивая из мулаток.

Куда мы держим путь? Для рулевого Мануэла, бывалого моряка, все здесь знакомо.

— Вот здесь, — поясняет он, — в море впадает река...

Баркас входит в реку Парагуасу. По берегам старые крепости, полуразвалившиеся здания сахарных заводов — призраки давно растроченных богатств — отбрасывают чудовищно-бесформенные тени...

— Похоже на заколдованную ослицу, — замечает Толстяк.

В шуме воды за бортом слышится теперь нежность моря, принимающего в себя воды реки. А в шуме прибрежных зарослей можно различить голос несчастной девушки, за сожителство со священником превращенной в безголовую ослицу: так и бродит она в этих дремучих

зарослях, скрывающих бесчисленные могилы черных рабов.

Баркас мягко скользит по речной податливой глади. Мануэл, стоя у руля, курит трубку. Зорко следит за каменистыми отмелями. Для него на этом пути нет ничего таинственного. Антонио Балдуино поет Толстяку свою новую самбу, которую тот уже знает наизусть. Толстяку она нравится больше всех прежних — еще бы, ведь в ней говорится о женщине, о бродягах, о звездах. Он просит:

— Ты не продавай свои самбы, Балдо.

Негр смеется. Баркас стремительно скользит по реке.

— Никто за ним не угонится, — говорит Мануэл, глядя руль ласково, словно женщину.

Поднявшийся ветер надувает паруса и приносит прохладу. Из трюма доносится аромат спелых ананасов.

* * *

Давным-давно плавает Мануэл на своем баркасе. Еще мальчонкой Антонио Балдуино познакомился с ним и его «Скитальцем». А задолго до их знакомства Мануэл уже плывал на «Скитальце» по всем портам бухты, развозя по ярмаркам фрукты или доставляя кирпич и черепицу для новостроек.

На вид Мануэлу можно дать лет тридцать, и никто никогда не дал бы ему пятидесяти — а ему уже стукнуло пятьдесят. Весь темно-бронзовый — поди разбери, кто он такой: белый, негр или мулат. Кожу Мануэла покрывает морской загар; Мануэл — настоящий моряк, неразговорчивый, как истые моряки, и уважаемый во всех портах бухты и во всех портовых кабаках. Толстяк спрашивает Мануэла:

— Вам, верно, не раз приходилось спасать утопающих?

Мануэл вынимает изо рта трубку, садится, вытянув ноги.

— Однажды в шторм у входа в бухту перевернулся баркас. А до того на нем ветром фонарь задуло. На море такое творилось — прямо светопреставление...

Толстяк тут же вставляет, что, слава богу, на сей раз шторма можно не опасаться: ночь ясная и тихая.

— Я в ту ночь тоже был в море, однако уцелел. Фонарь мой, правда, тоже погас, и болтался я в крошечной тьме — ни зги было не видно.

Антонио Балдуино улыбается. По душе ему жизнь морского волка. Но

Мануэл-то знает все это не по рассказам.

— С того баркаса, должно быть, уже виден был город, но они так и не смогли войти в бухту. Море страшно разбушевалось, знать, повздорило с рекой...

Мануэл мрачнеет:

— Хуже нет, когда море повздорит с рекой... Уж так бушует...

— Ну, а баркас?

Мануэл вроде уже забыл про баркас.

— Да, на баркасе этом семья одна возвращалась домой, в Баию. Они хотели поскорей вернуться и не стали ждать парохода, который отплывал только на следующий день... В газетах так писали.

Он еще раз затягивается:

— Вот и поспешили — прямо на дно морское. Потом тела их выловили, а двоих так и не нашли.

«Скиталец» шел быстро, накренившись на один борт, следуя течению реки, а она извивалась, то разливаясь широким бассейном, то сужаясь в еле проходимый канал.

— Никак я не могу забыть, как вода плюхала о перевернутый баркас: глю-глю... глю-глю...

И Мануэл показал, как делала вода.

— Глю-глю, словно она что-то заглатывала...

— А разве там не было девушки-невесты, которая звала своего жениха? И ангел-хранитель ее спас? — прервал Мануэла Толстяк.

— Они уже все были мертвые, пока мы добрались до баркаса.

— Утопли вместе с ангелом-хранителем, — засмеялся Балдуино.

— У тонущих нет ангела-хранителя... Богиня Вод берет себе всех, кто только ей приглянется...

Толстяк все выдумал: и про девушку-невесту, и про ангела, но тут же стал уверять, что сам читал про это в газетах.

— Да тебя, парень, в то время еще на свете-то не было...

— Значит, это не про тот раз писали... Вы, верно, не знаете...

Но тут внимание Толстяка привлекает какая-то совсем новая звезда — такая огромная и яркая. И он кричит с восторгом первооткрывателя:

— Смотрите, новая звезда, и какая красивая... Это моя, моя... — Толстяк в страхе, как бы кто-нибудь не присвоил себе его находку.

Все смотрят на звезду. Мануэл смеется:

— Это вовсе и не звезда. Это плышет «Крылатый». Он стоял в Итапарике, когда мы шли мимо, брал пассажиров. А теперь он хочет нас обогнать. — Последние слова Мануэла относятся уже к «Скитальцу», и,

говоря их, Мануэл нежно поглаживает руль.

Он смотрит на Толстяка и Балдуино:

— «Крылатый» идет полным ходом, Гума рулевой что надо, но с нами им не тягаться, вот увидите...

Толстяк горюет: была звезда и нет звезды. Антонио Балдуино удивляется:

— А как вы, дядюшка Мануэл, угадали, что это «Крылатый?»

— А по свету фонаря...

Но ведь у всех баркасных фонарей свет одинаковый, и Антонио Балдуино, хоть и не мог спутать, как Толстяк, фонарь со звездой, поскольку свет фонаря все время движется, но все же откуда Мануэлу известно, что это именно «Крылатый»? А может, это один из портовых катеров? Антонио ждет. Толстяк высматривает на небе еще какую-нибудь новую звезду взамен утраченной. Но все звезды уже знакомые, и у всех есть хозяева. Баркас приближается. Мануэл замедляет ход.

И точно — «Крылатый». Гума кричит:

— Ну, что, Мануэл, потягаемся?

— А ты куда спешишь-то?

— В Марагожипе...

— Мне-то самому надо в Кашоэйру, да вот ребята тоже торопятся в Марагожипе... Ну что ж, потягаемся...

— Потягаемся...

Антонио Балдуино тут же бьется об заклад, что Мануэл обгонит. Гума берет за руль:

— Ну, давай...

Поначалу баркасы идут бок о бок, но неожиданно «Крылатый» вырывается вперед. Балдуино сокрушается:

— Ох, Мануэл, погорят мои десять тысяч...

Но Мануэл спокоен:

— Далеко не убежит... — И вдруг зовет: — Мария Клара!

Из каюты появляется разбуженная Мануэлем женщина. Он представляет ее своим пассажирам:

— Моя хозяйка...

Пассажиры от удивления лишаются языка. Женщина тоже молчит. Будь она даже уродливой, она все равно показалась бы им красавицей, стоя вот так, твердо и смело, на кренящейся палубе, в облепившем ее на ветру платье, с развевающимися волосами. Запах моря смешивается с ароматом ананасов. «Ее затылок, ее губы, — думает Антонио Балдуино, — должны пахнуть морем, соленой морской водой». И внезапно его охватывает

желание. А Толстяк думает, что перед ним ангел-хранитель, и уже готов на нее молиться. Но она не ангел, она жена Мануэла, и Мануэл говорит ей:

— Гума нас обгоняет... Давай-ка помоги нам, спой...

Песня помогает ветру и морю. Есть тайны, известные только старым морякам, они познаются в долгой, нераздельной с морем жизни.

— Я спою самбу — парень этот все ее пел.

Все так и впиваются в нее глазами. Никто не понимает даже, красивая она или уродливая, но все влюблены в нее в эту минуту. Она — сама музыка, и море покоряется ей, подкупленное ее голосом. Она стоит на палубе, и волосы ее развеваются на ветру. Она поет:

Куда держу я путь, Мария...

«Скиталец» убыстряет свой бег. Вода бурлит за кормой. Вот уже снова виден «Крылатый» — светящаяся в темноте точка.

По звездам глаз твоих на небе...

Вот уже белеет парус «Крылатого». «Скиталец» догоняет его.

По волнам смеха на воде...

Куда несутся они, словно обезумевшие? А что, если они разобьются о подводные камни и заснут вечным сном на морском дне? Мануэл крепко держит руль. Антонио Балдуино дрожит от голоса женщины. А Толстяк смотрит на нее, как на ангела, и губы его шепчут молитву.

Ищу я путь к тебе, Мария...

«Крылатый» отстает. Гума бросает с борта своего баркаса на палубу «Скитальца» пакет с выигрышем. Пятнадцать мильрейсов. Мануэл прячет пять мильрейсов в карман и кричит:

— Добрый путь, Гума! Добрый путь!

— Добрый путь, — отзывается уже издали голос Гумы.

Антонио Балдуино получает свою долю — десять мильрейсов и протягивает их Мануэлу обратно:

— Купи своей жене новое платье, Мануэл. Ведь это она их выиграла...

Но как он долог, этот путь...

Антонио Балдуино вспоминает того белого с лысиной, что приходил на макумбу к Жубиабе. Где-то он теперь, этот непохожий на других человек, которого Антонио Балдуино принял за Педро Малазарте, отважного искателя приключений? Нужно, чтобы он и это путешествие на баркасе описал, когда будет сочинять АВС о негре Антонио Балдуино, смельчаке и задире, влюбленном в свободу и море.

* * *

Мануэл оставил за рулем Антонио Балдуино: река в этом месте была широкой и безопасной. А сам ушел с женой подальше на корму. Они укрылись за каютой, но до Антонио Балдуино доносились оттуда любовные вздохи и стоны, звуки поцелуев. Неожиданная волна окатила любовников, и они залились веселым смехом. Вода освежила их, и теперь они предавались любви с удвоенной страстью.

Стоя у руля, Антонио Балдуино рисует себе страшную картину: баркас налетает на каменистую отмель и все погибают. Крики ужаса и звуки поцелуев замирают в пучине... Толстяк, за одну ночь потерявший и звезду и ангела, шепчет:

— Он не должен был это делать...

СЛАДКИЙ ЗАПАХ ТАБАКА

Сладкий запах табака! Сладкий запах табака! Он лез Толстяку в широкие ноздри и доводил его до головокружения. Баркас простоял в порту всего два дня, пока в близлежащих городках — Кашоэйре и Сан-Фелисе была ярмарка. А потом он отправился дальше — в другие небольшие порты: Марагожипе, Санто-Амаро, Назаре-дас-Фарильяс, Итапарику, увозя Мануэла и его жену, которая пела всю ночь и от которой пахло морем. Баркас распустил паруса и отплыл поутру. Это было печальное утро, ведь расставаться всегда невесело.

Антонио Балдуино и Толстяк остались в старом городке Кашоэйре и в поисках работы исходили его вдоль и поперек. Городок весь был пропитан сладковатым табачным ароматом, идущим из Сан-Фелиса, расположенного на другом берегу реки Парагуасу. В Сан-Фелисе — огромные табачные фабрики, они занимают целые кварталы и приносят неслыханные доходы своим белым владельцам. Запах табака опьянял, в голове все путалось, а Толстяк, возбуждаясь, выдумывал всякие небылицы или вспоминал выдуманные раньше. На табачных фабриках для них не было работы. Там работали одни женщины — бледные, худые, со слезящимися глазами, они вручную изготовляли дорогие сигары для министерских банкетов. Мужчины здесь не годились: их руки были слишком грубыми и неловкими для этой работы, работы изнурительной и отупляющей.

В тот дождливый день, когда баркас приплыл в Кашоэйру, они на лодке поехали в Сан-Фелис. Толстяк принялся рассказывать очередную историю: Толстяк несомненно был рожден поэтом, и, умея он читать и писать, он мог бы с легкостью зарабатывать себе на жизнь сочинением куплетов АВС и разных историй. Но Толстяк ни одного дня не ходил в школу, и потому он просто рассказывал своим низким и звучным голосом обо всем, что он где-нибудь услышал, или пересказывал старые легенды, запомнившиеся ему с детства, или сочинял разные истории, что выходило у него особенно хорошо, когда он был в подпитии. И если бы не его мания вечно приплетать ко всему ангелов, то и вовсе бы ему цены не было. Но Толстяк отличался непомерной набожностью.

Лодка маневрировала между обнажившимися отмелями. Река обмелела, и жители, закатав штаны и сняв рубахи, ловили рыбу прямо посреди реки. Толстяк продолжал рассказывать:

— И тогда Педро Малазарте, хитрая бестия, и говорит хозяину горшка:

«Видишь, какое стадо свиней... здесь их больше полтыщи, да что там полтыщи, больше тыщи, нет, больше двух, трех тыщ, — да их здесь столько — я уж и со счета сбился...» А хозяин горшка видит только, что из песка торчат свинячьи хвостики и нет им конца-краю. Ветер их шевелит, и похоже, что и вправду живые свинки ушли в песок, а оттуда выставили свои хвостики и помахивают ими. Тут Педро Малазарте еще больше его раззадоривает: «Все эти свиньи, говорит, заколдованные, вместо дерьма из них деньги сыплются... Каждый раз не меньше пяти мильрейсов. А подрастут — уже по десять мильрейсов, и так до тыщи потом накладывают, когда уж на возрасте сделаются. И все это я тебе отдам в обмен на горшок».

— И тот ему поверил? — прервал рассказчика лодочник.

— Да у него, дурака, глаза разгорелись от жадности. И отдал он горшок с фейжоадой^[37] Педро Малазарте, а в обмен получил стадо свиней. Педро Малазарте наказал ему: до утра свиней не откапывать. Утром они сами выйдут и начнут гадить деньгами. Хозяин горшка остался ждать, пока свиньи сами из песка выйдут. Прошел вечер, прошла ночь, и снова настало утро, и так вот по сей день сидит он и ждет... Не верите, можете сами пойти посмотреть...

Лодочник хохотал, Антонио Балдуино ждал продолжения истории с горшком. Он любил слушать про Педро Малазарте, ловкача и пройдоху, который любого мог надуть и жил-поживал в свое удовольствие. Антонио Балдуино видел его, как живого, как он странствует по свету, и в любой стране он как у себя дома, и даже в царство небесное проникает он, чтоб отнести деньги богатой вдовы ее покойному мужу, а то он, бедняга, хоть и попал в рай, но там ведь без денег тоже несладко. И Антонио Балдуино верит, что тот лысый человек, которого он видел на макумбе у Жубиабы, был не кто иной, как сам Педро Малазарте. Разве не объехал он весь свет и не повидал все на свете?

— Я вот думаю, что тот лысый тип, что приходил на макумбу к Жубиабе, был Педро Малазарте...

— Какой тип? — Толстяк не мог вспомнить.

— А в тот день, когда Ошала выбрал Марию...

— Ах, тот... Помню... Да нет, тот белый ездит курьером, и еще он сочиняет АВС. Я знаю его историю... У него отец был коннозаводчик, и однажды тот белый удрал с фазенды на лучшем гнедом скакуне и объехал на нем весь мир. Встречал он в своих странствиях отважных мужчин и коварных женщин и о всех сочинял куплеты...

— Он про меня тоже напишет...

— Про тебя?

— Да, про меня, негра Антонио Балдуино, про самого храброго из всех, кого он встречал... про самого храброго в драке и неутомимого в любви... Так он про меня напишет, он мне сам сказал...

Толстяк восхищенно воззрился на друга. А тот горделиво стоял, упершись в бока руками. Лодка пришвартовалась у грязного причала.

* * *

Одуряющий сладкий дух шел от табачных фабрик. Удильщики собирали свой скудный улов. Высокий протяжный гудок возвестил о конце рабочего дня на фабрике. Антонио Балдуино стоял на углу, смеялся своим звонким смехом, слушая рассказы Толстяка, и поджидал табачниц. Сейчас он захороводит какую-нибудь мулаточку, чтобы позабавиться с ней на пляже — не все же ей сидеть за своими сигарами.

Но вот они появились: такие бледные и усталые, отравленные этим сладким табачным запахом, ввевшимся в их руки, платья, тела. Они идут, подавленные, молча, огромной толпой, и все — словно больные. Многие курят дешевые сигары — после того как целый день делали сигары самых дорогих сортов. Сильно затягиваются. Какой-то белый парень разговаривает с мулаточкой, еще не успевшей побледнеть и исхудать, как ее товарки. Она смеется, а он шепчет ей:

— Я тебя поставлю на выгодную работу...

Антонио Балдуино говорит Толстяку:

— Вот эта одна еще годится, так к ней уже мастер подъезжает...

Женщины проходят мимо, опьяневшие от табачного запаха, и разбредаются по узким, уже сумеречным улочкам и неосвещенным переулкам города. Разговоров почти не слышно, а если говорят, то шепотом, приученные штрафами за разговоры на фабрике. Вот идет беременная, с огромным животом, останавливается и целует встречающего ее мужа. Он несет домой скудный улов. Теперь они идут рядом, он поддерживает жену под руку, и она жалуется ему, что нарвалась на штраф, а за что? За то, что на минуту бросила работу — такие были боли, думала, что схватки начались.

— А сколько дней потеряю из-за ребенка, — вдруг говорит женщина...
— Сколько дней...

Голос ее жалобно дрожит. Ее муж идет, опустив голову и сжав кулаки. Антонио Балдуино слушает все это и, не выдержав, яростно сплевывает.

Толстяк шепчет молитву. А мимо все идут и идут женщины с табачной фабрики. А вокруг рекламные плакаты и на них: «Лучшие в мире сигары... Украшение банкетов, званых обедов, деловых завтраков...» Идут женщины — их руками делаются эти сигары... Женщины так печальны: невозможно поверить, что они возвращаются домой, к мужьям, детям. Толстяк вздыхает:

— Господи, точно хоронят кого...

Хорошенькая мулаточка уходит с мастером-немцем. А беременная горько плачет, припав к мужнину плечу.

* * *

В ресторане отеля, оборудованном весьма пышно для такого небольшого городка, как Кашоэйра, юные немцы пьют виски и едят специально для них приготовленные блюда. Из Баии сюда приезжают женщины, чтобы спать с этими белокурами и красивыми парнями. Белокурые, красивые парни — сыновья и наследники нынешних хозяев и сами будущие хозяева табачных фабрик. Они пьют и разглагольствуют о Гитлере и о великой Германии, которая, несомненно, победит в ближайшей мировой войне. А когда виски ударяет им в головы, они начинают петь свои воинственные песни. Девочка-нищенка прерывает их пир словами:

— Подайте, Христа ради, мать у меня помирает...

* * *

Белокурые немцы, сидевшие за ужином в ресторане, не видели луну, которая вышла из-за холмов и повисла над рекой. На берегу реки собрались работницы с мужьями и детьми. Мужчины играли на гитаре, а женщины показывали луне своих отпрысков:

Взгляни на детей, крестная мать, нам помоги их воспитать...

Дождь все моросил. Лодочник, переправлявший Антонио Балдуино и Толстяка через Парагуасу, подошел к ним:

— Ну что, ребята, надо бы подзаправиться...

— Да сейчас идем...

— Может, пойдем ко мне... У нас, правда, кроме рыбы, ничего нет, но

зато от всей души...

Он повернулся к Толстяку:

— Ты уж расскажи что-нибудь, чтобы и моя старуха послушала. Она должна с фабрики вернуться. У нас семеро: пять дочек и два сына.

Улыбаясь, лодочник ждал, согласятся ли друзья. Втроем они сворачивают в переулок, затем оказываются на грязной улице, при виде которой Антонио Балдуино сразу же вспоминает свой родной холм. Перед тускло освещенными хибарами дети лепят из черной глины человечков и животных.

— Сюда, — говорит лодочник.

Черные от копоти стены. Изображение Иисуса Христа из Бонфина. Гитара. В кроватке, сколоченной из ящичков, спит младенец. Ему месяца три, не больше. Отец целует его, и малыш просыпается и тянет к нему ручонки, улыбаясь беззубым ртом. Другой еще только начал ходить и цепляется за материны юбки. Живот у него уже вздутый, как и у тех детей, что лепят на улице человечков из глины.

Лодочник знакомит Антонио Балдуино и Толстяка со своей женой:

— Вот тебе два друга. Этот, — он показывает на Толстяка, — такие истории рассказывает — заслушаешься...

Женщина продолжает молча жевать табак. У нее толстые губы и желтое нездоровое лицо. Она берет у мужа рыбу и уходит в кухню. Оттуда доносится ее голос, зовущий детей.

Антонио Балдуино снимает со стены гитару. Толстяк спрашивает лодочника:

— Здесь, видать, жизнь нелегкая...

— Работа тяжелая... да и работают только женщины, а мужчины рыбу ловят да подрабатывают перевозом.

— Ну, а женщинам-то хорошо платят?

— Какое там хорошо... А еще штрафы, да то ребенок родился, то приболела — за все высчитают. А потом чуть состарилась — вон... Жизнь здесь короткая...

— Да... невесело все это...

— Невесело? — Лодочник горько смеется. — А ведь подумать, что есть люди — нарочно себя голодом морят, ради красоты... А здесь, если уж с одной фабрики уволят, на другую — не возьмут. Сговорились хозяева между собой. И рыбу-то не каждый день едим.

В дверях молча остановился молодой негр и кивает головой в знак согласия с лодочником. Толстяк чувствует себя неловко, что завел такой тягостный разговор:

— Бог поможет...

— Как бы не так — разве еще какую болячку подцепишь... Хозяйка моя молится вот, — он кивнул в сторону висящего на стене Христа, — а я уж разуверился... Такую нужду терпим — мочи нет. Бывало, что даже меньшей, вот ей, — лодочник показал на девочку лет пяти, — тогда мальчишки еще не народились, — и ей в рот положить нечего... Бог забыл бедняков...

Его жена выходит из кухни и сплевывает черной слюной:

— Не кощунствуй... Бог тебя накажет...

Парень у дверей не выдерживает:

— А я в душе тоже в него не верю... Молюсь, а не верю... А как в него верить-то? Разложит ведь немец-мастер Мариинью, как пить дать. Он уж наобещал ей, что даст работу повыгодней...

Толстяк молится про себя. Он просит бога, чтобы тот не позволил немцу обмануть Мариинью и чтобы всегда было что поесть в доме лодочника. Антонио Балдуино понимает по виду Толстяка, что тот молится, и понимает, что все это зря.

— Я скажу вам, что думаю, а вы не пугайтесь. Правильней бы всего расправиться с этими белыми — и все тут...

Рыба уже на столе. Молодой негр исчезает, а пройдет несколько месяцев, и он получит тридцать лет тюрьмы за убийство мастера-немца, который оставил Мариинью с ребенком и без работы.

На всех еды мало, и голодные малыши просят еще. В тусклом свете тени сидящих за столом кажутся чудовищно-огромными.

* * *

Толстяк рассказал историю про горшок с фейжоадой, и дети уснули. Одна из девочек спала, зажав в черной ручонке глиняную куклку, и в ее снах помятая черная кукла превратилась в роскошную фарфоровую куклу с белокурыми волосами; кукла говорила «мама», и, когда ее укладывали спать, глаза у нее закрывались. После ужина мужчины снова пошли к реке. Там они снова играли на гитаре и пели, а луна смотрела на них во все глаза. Женщины в латаных-перелатаных платьях прохаживались по набережной. Река текла и исчезала под мостом.

Толстяк запекает «Песню о Вилэле», Антонио Балдуино аккомпанирует ему на гитаре. Все, раскрыв рот, слушают про то, как

сражался жагунсо Вилэла с капитаном невольничьего корабля... Песня героическая, капитан был не робкого десятка, а Вилэла — храбрец из храбрецов:

— Был капитан — отважный малый: не сдался в плен врагам своим, а наш Вилэла был храбрее и после смерти стал святым...

— Здорово, — восхищается кто-то из слушателей.

— Что-то я не слыхала о святых разбойниках, — грубо обрывает его восторги одна из женщин, низкорослая и тощая.

— А вот есть такие, и их бы при жизни не худо в святые зачислить. — Защитник Вилэлы, говоря, постукивает в такт песне по парапету. — Разве жагунсо грабят бедняков? Они сами такие же бедняки, как и все мы... Я бы тоже хотел быть жагунсо...

— А будь ты проклят со своими бандитами. Ты что, не видел, что они сделали с полковником Анастасио?.. Уши ему отрезали, нос отрезали, и даже...

Но слова женщины не вызывают у слушателей сострадания к полковнику. А защитник Вилэлы говорит:

— А ты вспомни-ка, как твой полковник надругался над дочками Симана Безрукого? Четыре дочки были у Симана, так тот хоть бы одну не тронул, нет, всех четырех слопал... Безрукий, бедняга, в уме тронулся... А полковнику что?.. Были бы у Симана еще дочки, он и их бы не пожалел... Так что по заслугам с ним расправились...

— Давай-ка другую, — просит он Толстяка.

Но теперь черед Антонио Балдуино, и он поет самбы и разные песенки, от которых слушающие их женщины делаются еще печальнее.

Церковный колокол отбивает девять часов.

— Пошли к Фабрисо, потанцуем, — приглашает крепыш негр.

Антонио Балдуино, Толстяк и кое-кто еще уходят вместе с негром. Остальные разбредаются кто куда: по домам, в кино или просто пройтись под луной по набережной, откуда видны река и мост...

* * *

Фабрисо встретил гостей, держа в руке большой стакан с кашасой:

— Ну, кому охота горло промочить?

Промочить горло захотели все, и стакан пошел по кругу, — хозяином он был предусмотрительно наполнен до краев.

Лодочник показал Фабрисио на своих новых знакомых:

— Вот привел к тебе хороших парней.

— Входите, входите, будьте как дома. — Хозяин поочередно обнялся с Толстяком и Балдуино.

Все вошли в большую комнату. Танцы уже были в разгаре: пары кружились под аккордеон, который ходуном ходил в руках мулата с усиками. Но даже здесь, в отдаленном от фабрик предместье, царил сладкий табачный дух: он забивал собой запах разгоряченных танцами тел. Пары кружились все неистовей, аккордеонист подбавлял жару, то вставая, то садясь вместе с летающим в его руках аккордеоном, и, все больше возбуждаясь, он притопывал и пританцовывал, задевая тех, кто оказывался возле него.

Когда наконец аккордеонист кончил танец, лодочник объявил:

— Друзья, я привел гитариста — играет он, как бог, а его приятель, вот этот толстячок, знает уйму забавных историй...

Антонио Балдуино шепнул Толстяку:

— Здесь, пожалуй, можно раздобыть девчонку...

Хозяин позвал Антонио Балдуино пропустить с ним еще стаканчик, а когда они вернулись, Антонио взял гитару и спел с Толстяком все самые лучшие свои самбы. Аккордеонист был обижен, что какие-то пришлые завладели вниманием собравшихся, но молчал. Когда все самбы были перепеты, Антонио предложил аккордеонисту:

— Пойдем выпьем, дружище, ты здорово играешь...

— Да уж как умею... Вот ты поешь, это да...

Он показал Антонио Балдуино на двух мулаток:

— Вон с той можно сговориться... Это — моя девчонка, а та ее подруга, хочешь, можешь с ней пойти...

Аккордеонист взял аккордеон, и все снова завертелось в танце. Ноги что есть силы шлепали об пол, тела жарко касались друг друга, все были пьяны: кто от кашасы, кто от музыки. Танцующие в такт музыке хлопали в ладоши, тела сплетались, расплетались, кружились в одиночку, затем вновь сходились грудь с грудью, живот к животу, бедра к бедрам...

— Ах ты, моя радость...

Ритм все учащался, аккордеонист танцевал вместе со всеми, комната кружилась, потолок вдруг оказывался полом, потом стеной, потом возвращался на место, а потом вдруг все исчезало и все словно висели вниз головой. Коптилки прогорели, и на стенах комнаты танцевали тени, исполинские, устрашающие. Пол уже уходил у танцоров из-под ног, а тела, касаясь друг друга, вспыхивали желанием. Взлетали юбки, неистово

раскачивались бедра, и ягодицы двигались так, словно существовали независимо от тела. В танце кружилось все: мужчины, женщины, тени, свет коптилок. Все растворилось в этом кружении — комната, люди, и в почти полной темноте безраздельно царили ритм, сладкий запах табака и горячие прикосновения. Но желание исчезло, исчезло все, осталась только чистая радость танца.

* * *

Антонио Балдуино написал на песке: Режина. Женщина рядом с ним, очнувшись от послелюбовного изнеможения, улыбнулась и поцеловала негра. Но волна, накатив, смыла имя женщины, которое негр начертил острием ножа. Антонио Балдуино разразился звонким неудержимым смехом. Женщине стало обидно, и она заплакала.

РУКА

Табачная плантация шла вверх по холму и казалась бесконечной. Начало ее лежало на равнине, а потом она взбиралась на холм и оттуда спускалась вниз — зеленая, нескончаемая; по ней рядами тянулись низкорослые растения с крупными широкими листьями.

Ветер трепал листья, и, если бы не защитные мешочки, он развеял бы семена табака по всей плантации.

На поле заканчивали работу две женщины: одна — старая, морщинистая, другая — молодая, здоровая баба, покуривавшая между делом пятидесятирейсовую сигару. Согнувшись в три погибели, они устало-заученными движениями обрывали табачные листья, потом выпрямились, обеспокоенные: на поле остались они одни. Мужчины уже уходили — впереди маячили их горбатые силуэты. Они несли на спинах горы табачных листьев, которые будут развешаны перед их жилищами под навесом, предохраняющим листья от слишком яркого солнца и ливней. Высушенные листья уступали место только что собранным, и занавес из табачных листьев был неотъемлемой частью рабочих барачков.

Четыре барака образовывали замкнутый четырехугольник с внутренним двором: там сборщики табака собирались после работы поболтать и послушать гитару. Старуха пошла в свой барак, где ее муж уже с нетерпением ждал ужина. Молодая остановилась поболтать на террейро — так именовали свой двор барачные жители.

Толстяк посмотрел вслед старухе сборщице и затосковал о своей бабке, оставленной им в Баие:

— Совсем одна осталась, спаси ее боже... — проговорил он. — Кто ее, бедную, накормит?

— Да брось ты, не останется она голодная...

— Да я не про эту говорю. — Толстяк засмутился. — Я говорю...

Молодая батрачка уперлась руками в бока, приготовившись слушать очередную историю.

— Про кого ты толкуешь-то?

— Да я про свою старуху... Старая она уже совсем. Ест только, что ей в рот положишь...

Женщина захохотала, а мужчины пошли отпускать малопрстойные шутки.

— Это ты так мулатку свою ублажаешь? Все в ротик ей кладешь? А

что, она — милашка?

— Да, ей-богу, это я о своей бабке, ей-богу... Ни одного зуба у нее нет, и ходит она еле-еле...

Двор постепенно заполнялся. Антонио Балдуино разлегся посреди террейро голым животом кверху.

— Ну и умаялся я, братцы...

Толстяк призвал Антонио в свидетели.

— Скажи им, ведь правда у меня есть бабка? И она сама не может есть...

Все снова захохотали. А молодая батрачка продолжала подшучивать:

— У тебя что, парень, жена такая старая, что ты ее бабкой зовешь?

Смех не прекращался, и Толстяк не знал, куда ему деваться.

— Клянусь вам, клянусь, — только и мог повторять он, целуя сложенные крестом пальцы.

— Давай ее сюда, Толстяк. Я на ней женюсь и сам буду ее кормить...

— Да клянусь вам, что это моя бабка...

— Ну так что же... Бывает, что старуха лучше молодухи...

Антонио Балдуино вскочил.

— Клянусь, братцы, — сказал он, — все вы грязные животные. У Толстяка вправду есть бабка. У него еще есть ангел-хранитель. И у него есть еще кое-что, о чем у вас и понятия-то нет... Толстяк — добрый, вы даже не знаете, какой он добрый...

Толстяк совсем смутился. Все замолчали, а женщины смотрели на Толстяка с каким-то испугом.

— Толстяк — добрый, а вы все — злые. Толстяк...

Антонио смолк и устремил взгляд на бескрайние табачные поля.

Рикардо пробормотал:

— Подумаешь, я тоже кормил свою бабку...

Но женщина, прежде чем уйти к себе в барак, подошла к Толстяку и попросила:

— Помолись за меня... И уговори Антонио собрать деньги, чтоб тем, кого здесь на работу не берут, добраться до каких-то плантаций. — Она посмотрела на табачные листья. — Огребут нынче хозяева деньжищ — страшно подумать...

Рикардо подхватывает:

— Работы нынче по горло. Табак уродился, а сеу Зекинья не хочет больше никого нанимать. Не знаю, как это он вас двоих еще взял...

— В Кашоэйре народ с голоду помирает... Вот и идут сюда...

— Гнуть спину за десять тостанов в день...

Где-то неподалеку заревел осел. Антонио Балдуино окликнул мужа старухи сборщицы, тот вышел во двор, дожевывая ужин:

— Слышишь, твой отец тебя требует...

— А может, это тебя зовет твой дедушка?

Все засмеялись. Антонио Балдуино понизил голос:

— Не обижайся. Я о другом: ведь правда, синья Тотонья — аппетитная штучка?

— А ты попробуй — тогда узнаешь... У ее мужа четверо покойников на совести. Он шутить не любит, бьет без промаха.

— На все пойдешь, коль два месяца без бабы...

Старик засмеялся. Рикардо вскинулся на него:

— Тебе, женатому, хорошо смеяться... Хоть и старая и рожа, а все-таки баба... А я здесь уже год торчу, хоть кобылу себе в постель тащи...

— Да я вовсе не над этим смеюсь... Я когда сюда попал, на табачные плантации, здесь уж так повелось. Хватил я лиха, пока не заполучил Селесту, — она жила здесь и была совсем еще девчонка. Теперь-то она рожа, а в то время искал бы еще такую красотку... До нее бы уж давно кто-нибудь из батраков добрался — сам знаешь, здесь на женщин все, как птица урубу на падаль, кидаются. Но все отца ее боялись: тот пригрозил, что убьет любого, кто сунется к его дочке. Но я тогда уж два года женского запаха не чуял и внушал себе, что никто со мной ничего не сделает: каждый умрет, как ему на роду написано. И однажды дождливой ночью позвал я Селесту погулять. Отец ее дома был, ружье свое чистил. Он даже о чем-то со мной говорил и смеялся... А я прямо весь трясся от страха... Но, когда Селеста ко мне вышла, я уж ничего не смог с собой поделаться... И тут же в кустах, неподалеку от ее дома, повалил ее, и все...

Все слушали старика, опустив глаза. Антонио Балдуино чертил что-то на земле ножом. Рикардо в нетерпении потирал руки...

Старик продолжал:

— Два года я жил без женщины... Все платье на Селесте было разорвано... В страхе я побежал, сам не зная куда, — все ждал, что старик меня убьет.

— А потом...

— Ну куда здесь убежишь? Наутро набрался я храбрости и пошел к Селестиному отцу. Он сидел дома и опять ружье чистил. Увидел меня и сразу ружье ко мне дулом... Ну, думаю, сейчас он меня прикончит, — а сам, дай мне волю, опять бы на Селесту накинулся... Собрался я с духом, и открыл я ему все, как было. И сказал, что хочу жениться на его дочке, а человек, мол, я верный и работающий. Старик лицо руками закрыл и молчит,

а я к смерти готовлюсь. Однако смотрю, вроде убивать он меня не собирается. Помолчал и говорит: «Этого надо было ждать. Мужчине нужна женщина, а здесь женщин наперечет. Забирай ее к себе, но женись, как обещал». Я прямо ушам своим не поверил, а старый Жоан добавил: «Прощаю тебя, потому как повинился ты мне во всем. Как мужчина поступил, не испугался».

Потом он позвал Селесту и велел ей идти со мной. А сам снова принялся чистить ружье. Но когда мы уходили, клянусь вам, старик плакал...

Все молчали. Ветер шевелил табачные листья. Рикардо тяжело вздохнул и сказал:

— Вот и обходись, как знаешь, когда здесь всего две бабы, да и те замужние...

— А дочка синьи Лауры?

— Захоти она, я бы на ней женился, — выпалил Рикардо.

Антонио Балдуино с размаху воткнул нож в землю. Высокий негр сказал:

— Когда-нибудь я до нее доберусь, хоть силком, хоть по доброй воле...

— Но ведь ей еще и двенадцати нет, — ужаснулся Толстяк.

* * *

На горизонте, в тумане, горы. Уходит вдаль железная дорога, по ней отправляются поезда, увозя мужчин и женщин, на ходу выкрикивающих слова прощания. По этой дороге везут на ярмарки мешки с фруктами, нагруженных ослов, быков на продажу. Одни тащат на потных спинах громадные мешки, другие погоняют ослов, ведут быков. Переправляются целые стада, и пастухи тоскливо тянут:

— Эйиййййй...

Руки опускаются к земле, большие натруженные руки — они рвут и рвут остро пахнущие табачные листья. Руки опускаются и поднимаются заученно-размеренным, однообразным движением, словно руки молящихся. Спины разламываются от боли, пронзительной и непреходящей, она не дает спать по ночам. Зекинья ходит, следя за работой, отдает распоряжения, покрикивает на нерадивых. Горы табачных листьев все растут, и к вечеру натруженные, все в мозолях руки зарабатывают десять тостанов, которых, однако, сборщики никогда не видят: ведь все они

уже задолжали хозяину больше, чем заработали.

Мозолистыми, изуродованными работой руками они машут проходящим мимо поездам.

* * *

Антонио Балдуино и Толстяк жили в одном бараке с неграми Рикардо и Филомено. Филомено большей частью молчал и слушал, а если говорил, то все про выстрелы и убитых. У Рикардо над его топчаном был наклеен на стенку портрет киноактрисы: раздетая догола, она кокетливо прикрывалась веером. Рикардо ревниво оберегал портрет, подаренный ему несколько лет назад хозяйским сыном. Коптилку он поставил так, что в ее желтом свете актриса выглядела как живая и нагота ее рождала вождеделение. Над постелью Толстяка висело изображение святого, купленное им в Бонфине за пятьдесят рейсов. Антонио Балдуино над своим топчаном повесил талисман, подаренный ему Жубиабой, и ножи, которые он обычно носил за поясом. Только у Филомено ничего на стенке не висело.

После ужина все собирались на террейро, и поскольку у них не было ни кино, ни театра, ни кабаре, они играли на гитаре и пели песни. Огрубевшие пальцы перебирали струны, и возникающие мелодии наполняли то радостью, то печалью сердца батраков с табачных плантаций. Звучали скорбные напевы и веселые самбы, а Рикардо был непревзойденный мастак по части куплетов. Его пальцы так и бегали по гитарным струнам: грубые, мозолистые батрацкие руки на глазах у всех становились руками артиста — быстрыми и ловкими, и они завораживали слушателей любовными и героическими историями. Руки, днем добывавшие насущный хлеб, вечером дарили мужчинам радость на этой земле, лишенной женщин. И ночь отступала, одна песня сменяла другую, и в них было все, что ищут люди в кино, театрах, кабаре... Быстрые пальцы летали по струнам, и музыка лилась над табачными плантациями, освещенными яркой луной.

* * *

Глубокой ночью, когда гитара умолкала и везде воцарялась тишина, а

батраки спали крепким сном на своих топчанах, погасив коптилки, Рикардо приковывался взглядом к портрету голой актрисы. Он смотрел и смотрел на нее не отрываясь, пока она не оживала. И вот он видит ее, уже одетую, и не здесь, в этом темном бараке, нет, она и Рикардо уже далеко отсюда, в большом городе, — городе, в котором Рикардо никогда не был, с яркими огнями, потоком автомобилей, городе, который больше, чем Кашоэйра и Сан-Фелис, вместе взятые. Может быть, в Баие, а то и в самом Рио-де-Жанейро. По улицам идут женщины, белые и мулатки, и все улыбаются Рикардо. На нем новый кашемировый костюм, на ногах — желтые ботинки, — он видел такие на ярмарке в Санта-Ана. Женщины призывно хохочут, привлекая Рикардо, но с ним она, актриса, он познакомился с ней в театре, и вот теперь она идет с ним под руку, и он чувствует, как ее грудь прижимается к его груди. Они будут ужинать в шикарном ресторане, где на женщинах вечерние туалеты и где подают самые дорогие вина. Он уже много раз целовал актрису, и она наверняка в него влюблена, раз позволяет тискать себе грудь и задирает ей под столом платье. Но тут актриса неожиданно снова возвращается на стенку, прикрываясь веером: Антонио Балдуино заворочался на своем топчане и что-то забормотал спросонья. Рикардо в бешенстве ждет, пока все стихнет снова. Он до подбородка натягивает на себя рваное одеяло. Он возвращается с актрисой в ресторан, чтобы потом на машине отправиться к ней домой, в благоухающую духами постель. Там он медленно раздевает ее, любуясь ее прелестями. Теперь уж ему наплевать, что Антонио Балдуино ворочается и что-то бормочет во сне. Он весь там, с актрисой, его мозолистая рука отбрасывает веер, и белокурая актриса, лишенная последнего прикрытия, отдается Рикардо, батраку с табачной плантации. И пусть проснется хоть весь барак, ему наплевать: у этой женщины округлый живот и твердые груди, и она отдается ему, батраку с табачной плантации...

Актриса возвращается на свое место, прикрываясь веером. Уже кое-где зажигаются огоньки коптилок. Рикардо роняет голову на топчан и засыпает.

* * *

Однажды в воскресенье Рикардо надумал отправиться на реку. Он купил динамитную шашку — глушить рыбу — и звал с собой соседей по барачу. Пошел один Толстяк. По дороге потолковали о том, о сем. На берегу Рикардо снял рубашку, а Толстяк растянулся на траве. Кругом лежали

табачные поля. Прошел поезд. Рикардо приготовил шашку и поджег запал. Улыбаясь, он взял шашку в руки, но она взорвалась раньше, чем он успел швырнуть ее в воду. Взрывом ему оторвало обе руки, и вода в реке сделалась красной от крови. Теряя сознание, Рикардо увидел свои кровавые культяпки: то, что с ним случилось, было хуже смерти.

БДЕНИЕ

Арминда, дочка синьи Лауры, раньше всегда, возвращаясь с работы, бежала вприпрыжку, как и положено двенадцатилетней девчонке. Но теперь она больше не резвится и лицо у нее печальное. Однажды она даже отпросилась у Зекиньи с работы домой. Вот уже больше недели синья Лаура лежит пластом, прикованная к постели непонятной болезнью. Раньше Арминда была веселой и часто ходила купаться на речку, — плавает она как рыба, там батраки не раз подглядывали за ней, возбуждаясь при виде ее еще полудетского тела. Теперь она работает с утра до ночи, — ведь если ее выгонят, ей останется только умереть с голоду.

Однако во вторник она на работу не вышла. Тотонья пошла проведать больную и вернулась с известием:

— Старуха протянула ноги...

На миг работа приостановилась. Кто-то сказал:

— Ну она уже старая была...

— Перед смертью раздуло ее, ну прямо как тушу, смотреть жутко...

— Болезнь такая чудная...

— А я так думаю, что это злой дух в нее вселился...

Подошел Зекинья, и все снова согнулись над табачными листьями. Тотонья сказала надсмотрщику о смерти Лауры и предупредила:

— Пойду побуду с девочкой. Ночью устроим бдение.

Филомено шепнул Антонио Балдуино:

— Хорошо бы меня отрядили. Остались бы мы с Арминдой вдвоем, тут уж я с божьей помощью с ней бы поладил...

Толстяк глотнул для храбрости кашасы — он ужасно боялся покойников. В обед только и разговоров было что о разных болезнях и смертях. Филомено молчал. Он думал, как он останется с Арминдой, теперь после смерти матери девчонке деваться некуда...

* * *

К дому покойницы со всех сторон стекались огоньки. Казалось, они двигались сами по себе. Людей не было видно, только эти красноватые огоньки мерцали и маячили, как души неприкаянных... У дверей Тотонья

встречала пришедших на бдение. Она обнималась со всеми и принимала их соблезнования, как если бы приходилась покойнице близкой родней. Глаза у нее то и дело наполнялись слезами, и она подробно описывала всем страдания покойной:

— Бедняжка на крик кричала... И что это за болезнь такая проклятущая...

— Не иначе как злой дух в нее вселился...

— Потому ее и раздуло так, живот что твоя гора...

— Отмучилась, слава богу...

Женщина перекрестилась. Филомено спросил:

— А где Арминда?

— Да вон она сидит, плачет... Осталась, бедная, одна-одинешенька на всем белом свете...

Всем предложили выпить кашасы, и все выпили.

В комнате у стены были поставлены две скамейки. Мужчины и женщины, босые, с непокрытыми головами, сидели возле покойницы. В другом углу на дырявом стуле сидела Арминда и горестно всхлипывала, закрыв глаза красным платком. Вновь пришедшие подходили к ней и брали ее за руку, но она не шевелилась. Все молчали.

Посреди комнаты, на столе, который в обычные дни служил одновременно и обеденным столом и постелью, лежала покойница, чудовищно огромная: казалось, она вот-вот лопнет. Она была покрыта узорчатым ситцем в желтых и зеленых цветах. Было видно только лицо с перекошенным ртом и опухшие разбитые ноги с растопыренными пальцами. Мужчины, проходя мимо, всматривались в лицо покойной, женщины крестились. В головах у покойницы горела свеча, отбрасывая свет на застывшее лицо, искаженное предсмертными муками. Неподвижный взгляд ее глаз, казалось, не отрывался от присутствующих, шептавшихся на скамейках. Бутылка кашасы переходила из рук в руки. Пили прямо из горлышка, большими глотками. Двое вышли во двор покурить. Зекинья, подойдя к плачущей Арминде, погладил ее по голове. Толстяк затаил заупокойную:

Упокой, господи, душу ее...

Все подхватили:

Господу богу помолимся...

Бутылка кашасы пошла по кругу. Все пили прямо из горлышка. Свеча освещала лицо покойницы — за это время его разнесло еще больше.

Господу богу помолимся...

Антонио Балдуино искал глазами Арминду. Она все так же всхлипывала, сидя на стуле в противоположном углу комнаты. Но раздувшееся лицо покойницы мешало Антонио разглядеть Арминду как следует.

Негр Филомено тоже уставился на сироту. Антонио Балдуино видит, что он не отрывает глаз от ее еще детских грудей, сотрясаемых плачем. Это бесит Антонио Балдуино, и он шепчет соседу:

— Подлый негр, хоть бы покойницы постыдился...

Но он и сам смотрит, как вздрагивают под платьем груди Арминды. Вдруг Филомено поспешно отводит глаза и диким взглядом окидывает собравшихся. На лице его написан ужас. «Чего это он так перепугался», — думает Антонио Балдуино. И, улыбаясь про себя, следит за тем, как свет коптилки падает на вырез Арминдиного платья, высвечивая ложбинку между грудями. Хочет туда забраться... Да, свет коптилки тоже хочет касаться грудей Арминды, как и его руки... Вот уже касается... Антонио Балдуино следит за движением света, глаза у него блестят... Свет забрался девчонке за вырез и теперь гладит ее сотрясаемые плачем груди. Антонио Балдуино бормочет, пряча улыбку:

— Добился-таки своего, нахал...

Но вдруг он тоже отводит взгляд и содрогается от ужаса: прямо на него с ненавистью устремлены глаза покойницы... Антонио Балдуино смотрит в пол, потом начинает разглядывать свои руки и неотступно чувствует на себе гневный взгляд покойницы. «Какого черта старуха уставилась на меня? Смотрела бы лучше за Филомено, пока он, зараза, не слопал ее девчонку...» — думает Антонио Балдуино, но тут же вспоминает, какими глазами он сам глядел на Арминду, и спешит отвернуться, чтобы не видеть покойницу. Теперь он смотрит на Толстяка, старательно выводящего заупокойную.

В открывающийся рот Толстяка старается залететь муха. Антонио Балдуино делает вид, что следит за ней, но краем глаза видит, что покойница все еще смотрит на него, а Филомено снова таращится на

Арминдины груди.

— Что за черт, старуха пялится как живая... И после смерти дочку бережет...

— Ты что там бормочешь, — окликает Антонио сосед.

— Да так, ничего...

Толстяк продолжает молитву, Антонио Балдуино подхватывает со всеми:

Господу богу помолимся...

А муха вот-вот влетит Толстяку в рот. Но рот закрывается. Тогда муха усаживается ему на нос и ждет, пока Толстяк запоет снова. Но когда его рот уже готов открыться, муха вдруг покидает свой пост и летит к Арминде. Филомено ерзает на стуле. Платье обтягивает Арминду, и видно, что груди у нее уже большие, округлые, с развитыми сосками. Муха садится Арминде на грудь, вернее, на одну из грудей — на левую. Лифчика Арминда явно не носит... И, должно быть, груди у нее крепкие и упругие... «Что это она все плачет?» — думает Антонио Балдуино. Глаза у Арминды огромные, с длинными ресницами. Рыдания не перестают сотрясать ее тело, и при каждом новом приступе в вырезе платья видны ее прыгающие груди. Муха, испугавшись, улетает и садится на лицо покойницы. Его раздуло до неузнаваемости. Кожа на лице позеленела, глаза вылезли из орбит. И почему она все смотрит на Антонио Балдуино? И вроде что-то говорит ему? Ведь он уже больше не глядит на Арминду, это Филомено не спускает с нее глаз... Чего же старуха к нему-то прицепилась, чего она не оставит его в покое и почему бы ему не глядеть туда, куда он хочет? Господи, какая она распухшая, уродливая. Муха села ей на нос. А что это у нее на лице? Никак, пот выступил? Она просит, чтоб за нее помолились. А он вместо молитвы глазееет на ее дочку. И Антонио Балдуино присоединяется к молящимся:

Господу богу помолимся...

Его голос звучит так громко, что Филомено, очнувшись, с запозданием повторяет:

Господу богу помолимся...

Было около часа ночи. Толстяк, окончив молитву, что-то рассказывал. Бутылка снова пошла по кругу. Антонио Балдуино глотнул побольше и попробовал взглянуть на Арминду. Но покойница опять помешала. Она раздулась так, что теперь из-за ее головы Антонио была видна только верхняя половина лица Арминды. А покойница ни на миг не спускала с него ненавидящих глаз. А что, если она догадалась, что Антонио хотел попросить у Арминды воды и выйти с ней во двор, а там схватить ее, повалить — и все тут?.. Но мертвым все известно. Старуха уже обо всем догадалась, вот теперь и не спускает с него глаз. Антонио смотрит на страшное лицо покойницы. Сроду он не видывал такого лица. У Арминды лицо веселое. Оно у нее веселое, даже когда она плачет. Почему такое случается с людьми? У покойницы лицо зеленое, все в каплях пота. Не иначе заразу какую подцепила. Антонио Балдуино закрыл глаза, сиюсь избавиться от наваждения. Потом стал смотреть в потолок. Но он по-прежнему чувствовал на себе взгляд мертвой старухи. Тогда Антонио принялся, не торопясь, обследовать черные потолочные балки и обследовал их долго, а потом, внезапно оторвавшись от потолка, его глаза приковались к груди Арминды. Он улыбнулся, довольный, — ему удалось обмануть старуху. Но вышло хуже, намного хуже: у покойницы рот еще больше перекосялся от ярости, а глаза совсем вылезли из орбит. По черным запекшимся губам ползает муха. Антонио Балдуино присоединяется к молящимся. Он думает, что старуха больше не следит за ним, и уже открывает рот, чтобы попросить у Арминды воды. Но тут же его взгляд сталкивается с ужасным взглядом покойницы. Он снова молится. Пьет кашасу. Который раз он уже прикладывает к бутылке? И которую уж это открывают? На бдениях всегда много выходит кашасы... И когда наконец старуха перестанет на него пялиться? Антонио Балдуино тихонько встает, обходит стол, на котором лежит покойница, и, подойдя к Арминде, трогает ее за плечо:

— Пойдем, дашь мне глотнуть водички.

Она поднимается со стула и идет с ним во двор, где стоит бочка с водой и кружка. Арминда наклоняется, чтобы зачерпнуть кружкой воды, и в отставшем вырезе платья Антонио Балдуино видит ее груди. Он хватает ее за плечи и рывком поворачивает к себе, перепуганную и дрожащую. Но Антонио не видит ее испуганных глаз, он видит только ее рот, ее груди — совсем близко от своих губ и рук. Он стискивает ее еще крепче и тянется ртом к губам ничего не понимающей Арминды, как вдруг между ними

встает покойница! Она пришла сюда, чтобы спасти свою дочку. Мертвым все известно, и старая Лаура знала, зачем Антонио Балдуино позвал Арминду. И она встала между ними, вперив застывший взгляд прямо в глаза негру. Он выпустил Арминду, опрокинул кружку с водой и, закрыв лицо руками, словно слепой, побрел обратно в комнату. Покойница лежала на столе, огромная, как гора.

Филомено улыбается: он понял, зачем Антонио Балдуино просил у Арминды напиток. Он сделает то же самое. «Вот скотина, — думает Антонио, — небось надеется, что ему повезет. Как бы не так — покойница не допустит. Она все знает, обо всем догадывается. Но почему-то она не следит за Филомено. А что, если она не вмешается и Филомено добьется-таки своего?» Филомено встает и просит у Арминды напиток, а старухе вроде все равно. Антонио Балдуино в ярости бормочет:

— Вставай же, вставай!.. Ты видишь, он ее увел, он увел ее, он ее не пожалеет...

Но старухе хоть бы хны. Похоже, что она даже злорадно улыбается. Во дворе слышится какая-то возня, а потом Арминда возвращается в комнату и снова плачет, но уже совсем по-другому. Платье у нее разорвано на груди. Филомено входит, улыбаясь. Антонио Балдуино в ярости ломает руки, потом не выдерживает и громко кричит Толстяку:

— Разве ты не говорил, что она еще девчонка, что ей еще нет и двенадцати? Чего ж ты смотришь? И чего смотрит покойница, почему она за нее не заступится?

Зекинья оборвал его:

— Ты пьян, иди проспись...

Кто-то закрыл покойнице глаза.

ПОБЕГ

У Антонио Балдуино под курткой, за поясом, два ножа.

Взмахнув серпом, Зекинья бросился на него. Враги сцепились, рухнули в засохшую дорожную грязь. Падая, Зекинья не удержал серп, тот отлетел далеко в сторону. Поднявшись, надсмотрщик снова бросился к Антонио Балдуино, но в руке у негра сверкнул нож. Зекинья помедлил в нерешительности, напрягся и прыгнул на соперника. Негр отступил на шаг, пальцы его разжались, нож выпал. У Зекиньи загорелись глаза. Проворно, по-кошачьи нагнувшись, он потянулся за ножом. Но Антонио Балдуино выхватил из-за пояса второй нож и всадил Зекинье в спину. У Антонио Балдуино всегда два ножа под курткой, за поясом... Смех Антонио Балдуино страшней, чем удар ножа, страшней, чем пролившаяся кровь.

Негру повезло — ночь стояла безлунная, и он укрылся в зарослях.

Он пробирается сквозь лианы, огибает деревья, которые встают на его пути. Добрых три часа он бежит, будто собака, за которой гонятся злые мальчишки.

В лесной тишине стрекочут цикады. Негр бежит сквозь лес куда глаза глядят, очертя голову. Ноги его разбиты в кровь, тело изранено. Он не замечает, что штаны на нем разодраны, не помнит, за что зацепился. А перед ним — все лес и лес. Темно, хоть глаз выколи. Вдруг затрещали сучья. Антонио Балдуино остановился. Что это? Погоня? Негр прислушался, сжимая нож, последнее свое оружие. Спрятался за ствол, слился с ним в темноте. Его рот кривится в улыбке, — первому из преследователей придется уснуть вечным сном. В руке у Антонио Балдуино открытый нож. Неуловимо, как призрак, проскальзывает мимо негра лесная тварь, не успел и разглядеть какая. Посмеялся негр над своим страхом, продолжает путь, руками раздвигая заросли. По лицу его течет кровь. Лес безжалостен к своим насильникам. Лицо Антонио Балдуино разодрано острым шипом, но он не замечает, не чувствует боли. Он помнит одно — на табачной плантации лежит убитый им человек. И в спине у человека нож, нож Антонио Балдуино. Негр не раскаивается. Зекинья сам виноват во всем, сам первый полез в драку. Он вечно придирался к Антонио Балдуино. Стычки было не миновать. И, не оказись в руке у Зекиньи серпа, негр не выхватил бы ножа.

Лес поредел. Сквозь листву видны мерцающие звезды. По ясному ночному небу плывут белые облака. Эх, мулатку бы сюда! Антонио

Балдуино сказал бы ей, что ее зубы белей облаков... Выйдя на лесную поляну, негр садится на землю, любуется звездным небом. О драке он больше не думает. Сюда бы мулатку Марию... Но тетка увезла ее в Мараньян, уплыла Мария на огромном черном пароходе, осыпанном сверкающими огнями. Будь она здесь, они любили бы друг друга в молчании ночного леса. Антонио Балдуино вглядывается в звезды. Кто знает? Может, и Мария смотрит сейчас на эти же звезды? Звезды есть всюду. Вот только такие же или нет, думает Антонио Балдуино. Мулатка Мария смотрит на эти же звезды, и Линдинадва... При мысли о Линдиналве тяжело становится на душе. К чему вспоминать о ней? Линдиналва веснушчатая, бледная... не придаст она мужества такому негру, как он. Лучше уж думать о Зекинье, лежащем в грязи с ножом в спине. Линдиналва ненавидит негра Антонио Балдуино. Знай она, что он бежал и скрывается в этих зарослях, — сама бы донесла в полицию. Мария — та спрятала бы его, Линдиналва — никогда. Толстые губы Антонио Балдуино раздвигаются в улыбке. Линдиналва не знает, где он, не донесет. Негр сердит на звезды, зачем они заставили его вспомнить о Линдиналве. Карлик Вириато, тот ненавидел звезды. Он говорил об этом... когда? Антонио Балдуино не помнит. Вириато не мог говорить ни о чем, кроме своего одиночества. И однажды он бросился в океан, ушел, как и старик, чье тело вытащили из воды темной ночью, когда грузили шведский корабль. Нашел ли Вириато успокоение? Толстяк говорит — самоубийцы отправляются прямехонько в ад. Но Толстяк, он немного тронутый, болтает невесело. О Толстяке Антонио Балдуино думает с нежностью. Толстяк тоже не знает, что его дружок убил Зекиню ударом ножа. Вот уже две недели как Толстяк вернулся в Баию — соскучился по бабке, которую без него некому кормить с ложки. Толстяк добрый, он просто не может ударить человека ножом. Никогда Толстяк не умел драться. Антонио Балдуино помнит, как мальчишками они с Толстяком побирались в Баие. Толстяк милостыню умел выпрашивать, как никто. Но в драке от него было мало толку. Филипе Красавчик посмеивался над Толстяком. Хорош был собой Филипе Красавчик! Как все плакали, когда Красавчика задавила машина в день его рождения... Похороны были шикарные, будто у богатого мальчика. Женщины с Нижней улицы несли цветы. Рыдала старая француженка, мать Филипе. Его одели в новый кашемировый костюм, повязали нарядный галстук. Красавчику бы понравилось. Франтом был, любил яркие галстуки... Как-то Антонио Балдуино подрался из-за Красавчика с одним парнем. Негр улыбается. Здорово он тогда отделал Беззубого, хотя Беззубый бросился на него с ножом, а у Антонио Балдуино

ножа не было. На Зекинью-то он вышел с двумя ножами, Зекинья всегда был ему противен, он сразу его невзлюбил, с первого взгляда. Все одно: не он, так другой прикончил бы надсмотрщика. У негра Филомено тоже был зуб на Зекинью. Все из-за этой девчонки, из-за Арминды. Зачем Зекинья связался с ней? Они ведь пришли первыми. В ночь бдения Антонио Балдуино не увел ее только потому, что покойница не спускала с него выпученных глаз. Филомено обнимал девчонку, тискал ей грудь. Нечего было Зекинье ввязываться, брать девчонку себе. Ей было двенадцать. Толстяк говорил. Двенадцатилетняя девочка. Дите. Толстяк говорил, что она еще маленькая, и поступать с ней так — свинство. А Зекинье плевать на это. Заслужил он, чтобы его ножом... Эх, да что там греха таить — не надсмотрщик, так негр Филомено, а то и сам Антонио Балдуино сделали бы то же самое. Двенадцатилетняя девочка... Нет, не из жалости к девчонке прикончил Антонио Балдуино надсмотрщика. Он потому убил, что Зекинья взял Арминду себе, а негр сам хотел любить ее на нарах в своем бараке. Ничего, что ей двенадцать, она уже настоящая женщина... А вдруг нет? Вдруг прав Толстяк? С ребенком так поступать свинство. Теперь-то уж Зекинья ее и пальцем не тронет. Валяется падаль в грязи с ножом в спине. А что толку? Негр Филомено, наверное, уже увел ее в свой барак. Таков закон табачных плантаций. Женщин там — раз-два и обчелся. Одинокую девчонку живо кто-нибудь сцапает. Разве что придет ей в недобрый час мысль податься на улицу гулящих женщин. В Кашоэйру, или Сан-Фелис, или в Фейра-де-Санта-Ана. Вот где свинство так свинство. Двенадцатилетняя девочка будет там нарасхват. А через пару лет станет она страшной старухой с дряблым телом и сальными волосами, пристрастится к кашасе, сгниет от дурной болезни. В пятнадцать лет будет выглядеть старой развалиной. Отравится, может быть. Некоторые в реке топятся, когда ночь потемней. Нет уж. Жила бы лучше с Зекиньей, собирала табак на плантациях. Но Зекинья лежит зарезанный.

Антонио Балдуино слышит в зарослях голоса. Подходит к тропе, вслушивается. Неясные какие-то звуки. Кто-то идет по дороге? Но дорога далеко, совсем в другой стороне. Тут — еле протоптанная тропинка. Теперь ясно слышатся голоса людей. Они совсем близко. Узкая полоска зарослей отделяет их от сбежавшего негра. Это — батраки с плантации. Они с винтовками, сели на тропе покурить. Ищут негра Антонио Балдуино, убийцу надсмотрщика. И не ведают они, что беглец тут, рядом, давится от беззвучного смеха. Но, услышав, что они говорят, негр испугался. Он окружен, и у него нет выхода. Или с голоду сдохнет, или его возьмут. Антонио Балдуино крадучись отступает от тропы, скрывается в чаще. По

другую сторону зарослей — дорога, там, наверное, тоже люди. Все оцеплено. Его окружили, загнали, словно бешеную собаку. Сдохнуть с голоду или сдаться. Стрекот цикад выводит его из себя. В доме Зекиньи бдят, верно, сейчас над покойником. А Филомено, негр Филомено или здесь с ружьем караулит, или сидит возле Зекиньи и ест глазами Арминду. Прикидывает, как увести ее в свой барак. Зарезать бы этого Филомено. Но Антонио Балдуино в лесу, окружен, загнан, словно бешеная собака. Полумертвый от жажды, от голода.

* * *

Болят сбитые в кровь ноги. Зекинью надо было отлупить хорошенько и все. Разве он не Балдо-боксер? Сколько силачей одолел в Баие, на Соборной площади... Мог бы нокаутировать и Зекинью. Но у того в руке был серп. В драку с серпом. Не по совести это. А поступил не по совести — так пеняй на себя... Антонио Балдуино нарочно уронил нож, чтобы всадить другой Зекинье в спину. А выиграл на этом негр Филомено. Сидит сейчас в доме убитого, пялится на Арминду. Эх, зарезать бы этого Филомено. Да не может Антонио Балдуино войти в дом Зекиньи. Покойник, верно, лежит на топчане. В спине у него рана... А кинжал Антонио Балдуино негр Филомено небось заткнул себе за пояс. И уведет он Арминду к себе в барак... Негра этого, Филомено, — вот кого надо было убить. А сам он, Антонио Балдуино, сидит в ловушке, загнанный, окруженный со всех сторон. И умирает от жажды. Горло пересохло. Ноги сбиты в кровь, лицо тоже в крови, штаны и рубаха в клочья разодраны — это бы ничего. А вот внутри все пылает от жажды. И в желудке пусто. Но в этих зарослях ничего съестного не сыщешь. На гуаявах плодов нет еще и в помине. Рядом, шипя, проползает змея. Нестерпимо стрекочут цикады. Звезд не видно, их скрывают глухие заросли. Пить хочется, мочи нет. Антонио Балдуино закуривает. К счастью, сигареты и спички у него с собой, в кармане штанов. Поздно уж, наверное... Антонио Балдуино потерял счет времени. Может, полночь сейчас, а может, и за полночь. Закурив, он ненадолго забывает про голод и жажду. Когда Антонио Балдуино начал курить? И не вспомнить. На холме Капа-Негро он уже курил. За это ему здорово влетало от тети Луизы. Была бы она жива — что бы она сейчас сказала? Тетя Луиза любила его, хоть и бивала за всякие там проделки. Тронулась, бедная, таская на голове тяжелые корзины с

африканскими сладостями. Тетя Луиза продавала на площади мунгунсу, мингау. У ее домика на холме собирались негры потолковать о том, о сем. Однажды пришел этот тип из Ильеуса, рассказал о храбрых бунтарях — жагунсо. Увидал бы его человек из Ильеуса — залюбовался бы, стал бы долгими вечерами рассказывать о его подвигах. Хочется Антонио Балдуино, чтобы сложили о нем АВС. Может быть, тот лысый, что появился как-то на макумбе Жубиабы, сочинит АВС про Антонио Балдуино. Лысый всю жизнь только и делал, что писал АВС о самых храбрых. Объехал весь свет на гнедом коне, разыскивая храбрецов. Так говорит Толстяк. А вдруг он, Антонио Балдуино, не достоин еще АВС? Достоин, достоин. Когда-нибудь человек из Ильеуса расскажет взрослым и детям о подвигах Антонио Балдуино, и все удивятся и захотят стать на него похожими. Вот вырвется он из ловушки, пробьется сквозь окружение — значит, заслужил АВС. Сколько их, преследователей? На плантации батраков человек тридцать, но ловят его, верно, не все. Негр Филомено, ясное дело, остался с Арминдой, наплел, наобещал ей с три короба. Знает он этого негра... Молчаливый негр — дрянной негр. Антонио Балдуино хватается за нож. С одним этим ножом он бросился бы на Филомено, пусть у того ружье. И об этом тоже расскажут в его АВС. С одним ножом вышел против жагунсо, вооруженного меткой винтовкой, и уложил его... Негр отбрасывает потухшую сигарету. Горит пересохшее горло. От голода становится тошно. Лицо сводит от боли. Он осторожно ощупывает порез. Кровь унялась, но рана ноет — мочи нет. Рана глубокая, большая, через всю щеку. Ноги и руки изодраны в кровь. Смертельная жажда. Выхода нет. Цикады стрекочут, задавил бы их всех. Лес поредел, Антонио Балдуино вновь видит звезды. Если бы воды... если бы пошел дождь... Но на небе невидны черных дождевых туч. Ветер гонит одни белые облака. Возшла луна, огромная, сияющая, — никогда в жизни не видал Антонио Балдуино такой луны. Перенестись бы сейчас в Баию, на набережную, к той женщине, у которой звучный, такой низкий голос. И пела бы она что-нибудь старинное, про любовь, какой-нибудь вальс. Потом их тела сплелись бы на прибрежном песке... Было бы здорово! Вон та звезда похожа на огонек «Фонаря утопленников». Эх, выпить бы теперь в «Фонаре утопленников», послушать слепца гитариста, поболтать с Толстяком, с Жоакином. Может, и сам Жубиаба пожаловал бы. Антонио Балдуино попросил бы у него благословения. Жубиаба не знает, что Антонио Балдуино в ловушке. Что он зарезал Зекинью. Но старый Жубиаба все бы понял, погладил бы негра по волосам, заговорил бы на языке наго. Нет, Жубиаба не, скажет, что у Антонио Балдуино закрылся глаз милосердия.

Что у него остался только злой глаз. Нет. Этого Жубиаба не скажет. У Антонио Балдуино глаз милосердия широко открыт. Да, он убил надсмотрщика, убил... но Зекинья хотел изнасиловать двенадцатилетнюю девочку... ребенка. Вот Толстяка спросите. Арминда маленькая еще, ее мать, пока была жива, за ной смотрела... Хватит. Старцу Жубиабе врать бесполезно. Он — всезнающий. Он — жрец макумбы, он всемогущ, как Ошала... Жубиаба все знает... Покойница, мать Арминды, тоже знала... Не к чему душой кривить. Антонио Балдуино убил, потому что хотел Арминду. Ей двенадцать, но она уже женщина. Толстяк в этом не разбирается, знает одни молитвы. А потом Толстяк добрый, у него злого глаза совсем нет. Пусть Жубиаба найдет порчу на Филомено. Филомено дрянной негр, вот у кого закрылся глаз милосердия. Пусть погубят его злые чары, пусть Жубиаба зашьет в ладанку волосы из женской подмышки и перья стервятника урубят... Почему качает головой старец Жубиаба? На языке наго жрец говорит, что у Антонио Балдуина закрылся глаз милосердия... Он сказал это? Антонио Балдуино хватается за нож, его горло пылает от жажды. А ну повтори... повтори! Скажет такое Жубиаба — он и его прикончит. А потом и себе перережет глотку. На синем небе сияет луна. Это не луна, нет. Это Жубиаба, верховный жрец. Он повторил! Повторил! Антонио Балдуино бросается вперед с ножом в руке... Он чуть не налетел на своих преследователей — сидят на дороге, беседуют. Жубиаба исчез. Негр умирает от жажды. Он повернулся и ринулся назад в чащу, туда, где не видно луны, где нет ни звезд, ни набережной Баии, ни «Фонаря утопленников». Негр падает на землю, протягивает к дороге сжатые кулаки.

— Завтра я вам покажу, что такое храбрец... что такое настоящий мужчина...

Лицо нестерпимо болит. Адски хочется пить. Но, едва закрыв глаза, Антонио Балдуино погружается в сон без сновидений.

* * *

Его разбудил птичий щебет. В первое мгновение Антонио Балдуино не понял, почему он здесь, а не на нарах, на табачной плантации. Но жажда, судорогой сводившая горло, и расплосованное лицо живо напомнили о вчерашнем. Он убил человека. Он в лесу. Его ищут. Пить... Хоть бы глоток воды... За ночь лицо его чудовищно распухло. Негр осторожно ощупывает

рану:

— Колючка-то была ядовитая, сволочь...

Антонио Балдуино садится на корточки, думает. Может, днем стеречь его не все остались. Он тихонько пробирается сквозь чащу, стараясь не напороться на шипы, стараясь не шуметь. Теперь светло, легче ориентироваться. Дорога от него по правую руку. Но он идет к тропе — там, наверное, врагов поменьше. Если бы не жажда... Голода он уже почти не чувствует. Живот подвело, но терпеть можно. Жажда — вот что страшно, горло будто веревкой стянуто. Надо выходить. Схватят так схватят. Будет драться, пока его не пристрелят. Смешно. Зекинью батраки ненавидели, а его, негра Антонио Балдуино, любили. Но хозяин приказал: не пойдешь ловить негра — убирайся с плантации. Если на тропе люди — быть беде... Он дорого продаст свою жизнь. По крайней мере, один умрет вместе с Антонио Балдуино.

— Одного прихвачу на тот свет...

Он смеется так громко, словно ему весело. Ему и вправду весело — разом со всем покончит. Славная будет драка, он дорого продаст свою жизнь. Больше всего негр Антонио Балдуино любит драться. Только сейчас он это по-настоящему понял. Ему на роду написано сражаться, убивать, быть убитым. Пуля в спину... Удар кинжалом в грудь... А живые расскажут, что он погиб, как настоящий мужчина, не выпуская ножа. Как знать? Долгими вечерами будут рассказывать негры друзьям и детям про Антонио Балдуино, боксера и нищего, забияку и сочинителя самб. Он убил человека, заступившись за девочку, и погиб, выйдя один против двадцати, дорого продав свою жизнь. Как знать...

Впереди блеснула какая-то лужа. Негр бросился на землю и, захлебываясь, пил, пил, пил... Потом промыл порез на лице.

* * *

Вода! Почему он никогда раньше не замечал, какой у нее поразительный вкус! Она лучше вина, лучше пива, лучше самой кашасы. Пусть его теперь преследуют, пусть ловят, будто бешеную собаку. Плевать! У него есть вода. Он может пить, может промывать рану. Лицо болит, распухло. Негр растягивается на земле у самой воды, отдыхает. Он снова верит в себя, он снова счастлив, он улыбается. Ночью, в темноте, он просто не замечал луж. Их много. Вода в них мутная, застоявшаяся, но

замечательно вкусная. Он долго лежит, думает. Вырвется на свободу — куда ему идти? Может, в сертан податься, поступить батраком на какую-нибудь фазенду, пасти быков. На этих фазендах столько убийц приютилось... А не оставят его в покое — бандитом станет, будет жить жизнью, о которой всегда мечтал. Хуже всего, что теперь захотелось есть. Не найдется ли здесь еды — вода же нашлась. Он снова идет по лесу, внимательно осматривая деревья. Пусто. Вдруг он нападет на какую-нибудь живность. Спички у него с собой, разведет огонь... Нет. Нельзя. Заметят враги, оцепившие лес. Посмотреть бы, много ли их осталось. Лицо болит все сильнее. Антонио Балдуино щупает рану. Верно, колючка была ядовитая, сволочь.

Жубибаба знает чудодейственные лекарства от таких ран — разные лесные растения, травы, листья. Здесь они тоже есть. Но не узнает их Антонио Балдуино. Жубибаба сразу бы их нашел. Жубибаба все знает... Антонио Балдуино подошел совсем близко к тропе, осторожно выглянул. Вот они, преследователи. Все, как один человек. Сегодня никто не пошел работать. Видать, хозяин всерьез решил покончить с негром Антонио Балдуино. Сегодня у батраков праздник. Сидят, закусывают вяленным мясом, беседуют. Антонио Балдуино медленно возвращается в лес. Нож он снова заткнул за пояс. Бредет, задумавшись, и вдруг начинает смеяться:

— Со мной шутки плохи...

Хуже всего, что голоден. А потом, придется одному просидеть в лесу всю ночь. Никогда раньше не боялся он одиночества. Но сегодня негру не по себе. Мысли путаются. Антонио Балдуино видит места, по которым прошел в жизни. Видит и Линдиналву. Лучше думать о девчонке Арминде, которая, верно, уже спит с Филомено. Нет, не виноват Филомено. Не он, так другой увел бы девчонку. Мало женщин на табачных плантациях. Мулат Рикардо метался по ночам, нары ходуном ходили. Что-то он теперь делает, калека безрукий? Живет где-нибудь в Кашоэйре, просит Христа ради. А женщина у него есть? Кто знает... Вдруг сжалилась какая-нибудь... Его стоит пожалеть, он добрый мулат, хороший товарищ... А вот будь он сейчас на плантации — тоже бы пошел ловить Антонио Балдуино? У негра темнеет в глазах. Говорят, это от голода. Он снова пускается в отчаянные поиски еды.

Когда пришла ночь, он докурил последнюю сигарету. Он почти ничего не видел. Боль в распухшей щеке сводила с ума.

* * *

Он идет к болоту, шатаясь, как пьяный. Вчера он ел только утром, пообедать не успел, пришлось бежать. Он идет, шатаясь, и призраки идут вместе с ним. Вот этот, тощий — откуда он? Тощий орет:

— Где Балдо, победитель белых?

Орет, да еще хохочет, издевается... Где же Антонио Балдуино с ним встречался? Вспомнил... В Баие, когда побил немецкого чемпиона. Негр улыбнулся. Тощий орал, а он, Антонио Балдуино, уложил-таки немца на ринге. И теперь тоже — вырвется, станет свободным. С ним шутки плохи. Чего это Толстяк читает отходную? Антонио Балдуино жив! А призраки тянут:

— Помолимся...

Не понимают они, что ли, как противно их слушать? Он подышает от голода, рана кровоточит, москиты ее облепили... А тут еще призраки отпевают его. Негр ложится у лужи. Пьет. Оглядывается — призраки. Он протягивает к ним руки, умоляет. Уйдите, дайте умереть спокойно.

— Прочь! Прочь!

Они не уходят. Вот старая Лаура, мать Арминды. Глаза у нее распухли, она вся распухла, язык вылез наружу. Смеется старая над Антонио Балдуино.

— Убирайся в ад! Проваливай!

Негр поднимается, хочет уйти от призраков. Но тени не отступают. Даже Толстяк с ними, лучший друг Антонио Балдуино. И старец Жубибаба! Он говорит, что у Антонио Балдуино закрылся глаз милосердия. Ладно! Закрылся. Но пусть его оставят в покое. Ведь он умирает. Хоть бы умереть дали по-человечески. Не может он так, не может...

Призраки читают отходную. Негр натывается на какой-то корень и падает.

* * *

Антонио Балдуино лежал недолго. А поднялся — в глазах светилась решимость.

Дорога от него по правую руку. Он идет твердым шагом. Будто и не голодал, и привидений не видел, и не просидел в лесу двое суток. В руке у

Антонио Балдуино нож.

— Одного прихватчу на тот свет...

Его внезапное появление ошарашило людей на дороге. Он сбивает с ног первого, кто стоит у него на пути. Он идет сквозь толпу, нож сверкает в его руке.

Он исчезает во мгле. Слышны случайные выстрелы.

В ВАГОНЕ

— Черви уж завелись.

Старик лечит язву на лице Антонио Балдуино. Лицо распухло, стало бесформенным, красным, как помидор. Старик прикладывает к ране какие-то травы, смешанные с землей. Жубиаба сделал бы то же самое.

— Спасибо, дед... Добрый ты человек...

— Теперь заживет. Травка эта святая, чудодейственная.

Негр, бежавший с плантаций, добрался сюда, еле живой, скитаясь по лесу, что раскинулся по сторонам шоссе. Старик жил в маленькой, удивительно грязной хижине, затерянной в чаще. Перед хижинной — кусты маниоки. Старик приютил негра, накормил, возился с его раной. Рассказал, что Зекинья выжил, но хозяин приказал схватить и высечь Антонио Балдуино, чтобы другим было неповадно.

Антонио Балдуино расхохотался.

— Со мной, дед, шутки плохи. Я заговоренный... — Он залпом выпил ковш воды. — Ну, я пошел... Смогу — отплачу когда-нибудь...

— Ты что? Рана так не закроется, парень... хуже станет... Оставайся. Здесь тебя искать не будут, я человек мирный...

Негр прожил у старика три дня, пока не закрылась рана. Ел старикову пищу, пил его воду, спал на его койке.

* * *

Антонио Балдуино простился со стариком:

— Хороший ты человек...

И отправился в путь по шпалам. Дойдет до городишка Фейра-де-Санта-Ана и махнет на попутном грузовике в Баию. Хорошо на душе у Антонио Балдуино, весело. В такой побывал переделке, из ловушки вырвался... Нельзя его победить. Он в этих краях первый храбрец. В небе горят звезды. Звезды видели, как он дрался. И не одурей от изумления его враги — прихватил бы он одного из них с собой в бездонное синее небо, к звездам. Сверкал бы Антонио Балдуино теперь на небе, сверкал бы нож в его руке... И смотрели бы на него мулатка Мария, и женщина с низким голосом, и Линдиналва. И вдруг Толстяк заметил бы новую звезду в небе...

Толстяк всю жизнь мечтал открыть свою собственную звезду. Мануэл принял бы новую звезду за фонарь парусника, бегущего наперегонки с его «Скитальцем»... Мария Клара пела бы самбы, сложенные Антонио Балдуино. Быть ему теперь звездой, если бы не очумели от его дерзости батраки, когда он вдруг возник на дороге, — на лице кровавая рана, открытый нож в руке. Не растеряйся они — кого-нибудь прихватил бы Антонио Балдуино на тот свет... Упал бы Антонио Балдуино, изрешеченный пулями... Тот, кто умирает, сражаясь, да еще прихватывает с собой одного из врагов, становится звездой на небе, а на земле слагают о нем АВС... Антонио Балдуино стал бы красной звездой, его нож сверкал бы красным светом. Это Жубиаба говорит, что храбрецы становятся звездами... Звонкий хохот Антонио Балдуино перекрывает пение цикад, испугивает лесных зверей, забившихся в норы. В ночной тишине потянуло свежим запахом листьев. Налетел ветерок — предвестник дождя. Листья зашевелились, воздух наполнился ароматом леса. Впереди на рельсах показалось что-то большое, черное, с огнями. Послышались спорящие голоса. Это остановился поезд. Везет, наверное, в Фейра-де-Санта-Ана пассажиров, прибывших сегодня в Кашоэйру из Баии.

Люди осматривают паровозное колесо. Антонио Балдуино обходит состав с другой стороны, останавливается перед багажным вагоном. Если дверь не заперта — он уедет на этом поезде. Негр изо всех сил наваливается на широкую дверь, и она поддается. Не заперта, значит. Негр по-звериному, бесшумно и ловко, прыгает в вагон, изнутри закрывает дверь и тут только видит, что напугал каких-то людей, притаившихся в глубине за мешками с табаком.

— Эй, друзья... Я человек мирный... Мне тоже за билет платить неохота...

Он смеется.

* * *

Негр сразу понял, что женщина ждет ребенка, хоть живот у нее не совсем еще вздулся. Мужчин было двое. Старик дремал, покуривая. В руках у него был посох. Когда в темноте вагона вспыхивал огонек самокрутки, посох казался змеей, готовой к прыжку. На молодом красовались брюки военного образца и поношенный кашемировый пиджак. Борода у него еще не росла, над верхней губой едва пробивались редкие

волосики, которыми он, видно, гордился. Разговаривая, парень то и дело поглаживал воображаемые усы. «Молокосос», — решил Антонио Балдуино.

Поезд стоял, и безбилетные пассажиры молчали. Случилась поломка, обычная на этой линии, и в ожидании, что поезд тронется, они уже полчаса сидели молча. Снаружи могли услышать их голоса, начальник поезда взялся бы за безбилетников. Поэтому старик приоткрыл один глаз и сказал Антонио Балдуино:

— Потише, негр, если хочешь ехать... не то выкинут нас отсюда... — И указал глазами на беременную.

Антонио Балдуино попробовал догадаться, кто ей старик — отец или муж? По возрасту — отец, но и мужем может быть. Да, с таким брюхом пешком до Фейра-де-Санта-Ана ей не дойти. Глядишь, родит по дороге. Негр беззвучно смеется. Парень в солдатских штанах смотрит на него, поглаживая усы. Ему, видно, не очень понравилось появление Антонио Балдуино. Вдруг послышались приближающиеся голоса. Начальник поезда объяснял пассажирам первого класса причину задержки.

— Пустяковая неисправность... Сейчас тронемся...

— Мы потеряли тут почти час...

— Такое бывает на любой железной дороге...

— Но у вас тут — сплошное безобразие...

Протяжный, тонкий, тоскливый свисток известил об отправлении поезда. Притаившись в темном вагоне, Антонио Балдуино пробормотал прощальный привет.

— Скучать по ком-нибудь будешь? — спросил старик.

— По змеям разве что. — Негр рассмеялся. Потом он опустил голову и сказал, ни на кого не глядя: — Девчонка одна... совсем ребенок...

— Красива? — спросил паренек, подкручивая усы.

— Красивая... на городскую похожа...

— И ты бросил?

— Жила с другим... Он так и не умер...

— Я знал одного, так тот украл женщину, — сказал старик.

— Я знаю такого, который человека пырнул ножом из-за такой вот девки... сидел потом два дня в лесу, подыхал от голода... — Антонио Балдуино рассказывал свою собственную историю.

— И не боялся?

— Молчи, парень... Ты еще ничего не знаешь. Его со всех сторон окружили... Тебе интересно, трус он или пет? Тогда бросай мне вызов...

— Значит... это вы? — Солдат с уважением поглядел на Антонио

Балдуино.

Женщина, сидевшая молча, вдруг застонала. Старик сказал:

— Правы те господа, пассажиры первого класса. Поезд этот — чистое безобразие... Если в первом классе трясет, что ж о нас говорить, едем в товарном вагоне, зайцами.

— Я два мильрейса дала носильщику, чтобы сюда забраться, — простонала женщина.

— Когда я солдатом был, в первом классе ездил, — похвастался парень. — На казенный счет...

— В первом? — не поверил Антонио Балдуино.

— В первом, сеньор. Вы что, не знаете, какие у солдат привилегии?.. Живете тут в этой дыре, у черта на куличках... темнота...

— А я не здешний... Я тут, приятель, проездом... Я-то сам из Баии... Ты слыхал про такого боксера — Балдо? Это я и есть...

— Вы! Я видел, как вы победили Шико Моэлу...

— Здорово я его отделал... верно? — Негр улыбнулся.

— Здорово. Я там был по даровому билету. Солдатская привилегия...

— Чего же ты службу бросил?

— Срок мне вышел... а тут еще...

Старик приоткрыл глаз:

— Что?

— Капрал один... Думает, раз у него погоны... Капрал и дерьмо — один черт... Он-то считал иначе...

— Он к тебе прицепился? — Старик оперся о посох.

— Точно... все равно, мулатка эта меня любила. Капрал ко мне придирался, я у него с «губы» не вылезал... чтобы в отпуск меня не пускать... у самого-то рожа...

— Ты, парень, мне нравишься. Сколько лет-то тебе?

— Девятнадцать...

— Ты жизни и не видал еще... А уж я-то от нее натерпелся — устал... — пожаловался старик.

— От чего устал, папаша? — поинтересовался Антонио Балдуино.

— Чего я только не испытал, парень, где только не побывал... Кто в наших краях не знает Аугусто Битого... Это из-за одной драки меня так называли... И что же осталось на старости лет?.. Одни болезни...

Бывший солдат угостил сигаретами. Антонио Балдуино закурил. При свете спички он разглядел лицо женщины: она не отрывала глаз от полоски неба, видимой в щель над дверью. У женщины лицо было усталое, видно, хлебнула горя.

Старик продолжал:

— В прежние времена скота у меня было не счесть... Гонял его на продажу в Фейра-де-Санта-Ана... Плантация табачная была, пока немцы сюда не сунулись... земля была... Много чего было...

Старик замолчал. Казалось, заснул, но вдруг он проговорил сдавленным голосом:

— Семья была... Не веришь?.. Две дочери были, я их даже в гимназию отдал... Наглядеться на них не мог... И все прахом пошло... скотина и прочее... одну девчонку белый какой-то околдовал, увез невесть куда... Другая тут живет, в Кашоэйре... волосы остригла, будто помешанная... продажной стала. Ладно, я хоть знаю, где она... А другая?

Женщина отвела взгляд от двери:

— Вы, видать, продажных не любите...

— Пропавшие они... лохматые, крашенные...

— Не знаете вы, каково им приходится... Ничего вы не знаете... ничего...

Старик растерянно замолчал. Заговорил бывший солдат:

— У меня любовница была такая... до полуночи клиентов принимала, а потом я к ней шел, до утра оставался... Хорошее было время...

— Чего же вы тогда говорите?

— Я ничего и не говорю...

— Ничего не знает, — гневно сказала женщина, — а туда же... Я вот от такой жизни с голоду чуть не подохла... господь избавил — сжалился...

Антонио Балдуино удивился. У таких детей не бывает. Но промолчал.

Старик приоткрыл один глаз:

— Я ничего такого не говорю, упаси господи... Если бы не дочь, на что бы я жил? Жив ее помощью... И уважает меня, ничего не скажешь... Как приду, сейчас всех мужчин вон выставит. Только вот стриженная.

Женщина рассмеялась. Антонио Балдуино изрек:

— Жизнь бедняка — мука мученическая... Бедняк все равно что раб...

Бывший солдат поддакнул:

— Знал я одного капрала — он то же самое говорил.

— Это тот, который красотку у тебя увел?

— Другой. Между прочим, Роман ее не увел... Она меня любила...

— А жила с ним, — захохотал Антонио Балдуино.

— Ты же ее не знаешь, такая красавица... С ней ни одна женщина не сравнится.

Поезд подошел к какой-то станции. Безбилетные пассажиры притихли. Очень близко по линии ходили люди. Чей-то голос сказал: «Прощай,

прощай...» Еще послышалось: «Привет Жозефине». Совсем рядом раздался шепот.

— Ты забудешь меня...

Голос был женский, грустный. Мужской голос ответил, что не забудет.

— Пиши...

Послышался поцелуй — и звук его слился со свистком, оборвавшим проводы. Колеса застучали по рельсам. Бывший солдат объяснил:

— Паровоз говорит: «Еду с богом, еду с чертом». Точно?

— Вроде.

— Это мне мать так сказала, когда я и ходить-то еще не умел. Другой паровоз, большой, который много вагонов тащит, тот говорит иначе: «Кофе с молоком, хлеб с маслом». Точно? — Солдат задумался.

— У тебя есть мать? — спросила женщина.

— Еду к ней... плакала, когда я в армию уходил... Женщины все такие... Думает, я все маленький. — Он покручивал несуществующий ус.

— Все мы одинаковые, — сказала женщина. — Слыхали, — она обращалась к Антонио Балдуино — ту, на станции? Просила, чтоб он ей писал...

— Слыхал...

— Никогда больше она его не увидит... Я тоже. — Она замолчала.

— Что? — Старик открыл оба глаза.

— Да так, ничего особенного... — Она стала что-то насвистывать.

— Этот мир гнусно устроен. — Старик зло сплюнул. — На мУку рождаемся...

— Нет, папаша, жизнь штука неплохая... вам просто не повезло. — Бывший солдат улыбается.

— Неплохая, коли есть деньги, — отрезала женщина.

— Значит, мать у тебя? — спросил Антонио Балдуино, обращившись к солдату. — Я своей матери никогда не видал. А тетка моя рехнулась... Вот у Толстяка есть бабушка...

— У какого еще Толстяка?

— Есть такой, ты не знаешь... добрый...

— Добрый? — едко переспрашивает старик. — Чушь... Добрых не бывает...

— А Толстяк вот — добрый...

Старик опять задремал. Негру ответила женщина:

— Есть добрые... бедняк рождается на горе горькое... Бедность делает человека злым.

Поезд идет быстро. Бывший солдат растянулся на мешках с табаком.

Негр разглядывает женщину. Лицо в морщинах, и до чего же страшный живот. И все-таки Антонио Балдуино замечает, что глаза ее улыбаются. Она смотрит в небо сквозь щель над дверью.

— Все от бедности, знаете? Вот я на него и не сержусь... Бросил меня с брюхом...

— Ваш муж? — вежливо спрашивает солдат.

— Я проститутка... замужем никогда не была...

— Я так и думал...

— Что ему было делать? Денег — ни гроша... Где уж тут сына вырастить... Ночью убежал, будто вор... Все свое барахло оставил... Я знаю — меня-то он любит...

— Убежал, как увидел, что будет маленький?

— Да... я клиентов бросила, ушла к нему... Стирала, жили, будто венчаные... Добрый он был, такой добрый, прямо святой... хоть на алтарь ставь...

— Сильно вы его любите...

— Чистая правда... прямо святой... Однажды я говорю ему радостно так — у нас будет маленький... У него такое лицо сделалось... смеялся он, целовал меня... так хорошо было...

— А меня дома невеста ждет, — сказал солдат. — Хорошенькая... Вернусь — поженимся.

Странное было лицо у парня, когда он говорил это. Ни дать ни взять — покойник. Глаза закрыты, на губах улыбка, круглое лицо безмятежно счастливо... У живых так не бывает.

Женщина покачала головой. Видать, много пережила — уж очень усталое выражение на ее нестаром еще лице. Жаль ей солдатика. Такой славный и жил-то еще совсем мало — и на тебе, собрался жениться... Но Антонио Балдуино спрашивает:

— А потом что?

И женщина продолжает:

— Все нужда проклятая... Жили в дыре, впроголодь... Он работал, я белье чужое стирала — денег все равно не было. Потому и ушел.

Жаль ей солдатика. Тот приподнялся на локте, жадно вслушивается.

— Ночью ушел. Я и не заметила... Все свое барахло оставил... Я потом догадалась — сбежал, чтоб не видать, как малыш голодает... Говорят, работает он теперь в Фейра-де-Санта-Ана... Я к нему еду...

Солдат помрачнел. Теперь он думает, как раздобыть денег, чтобы кормить жену, а потом и детей.

— Уж очень она хорошенькая... И потом, я ведь буду работать...

Работы я не боюсь...

Женщина подбадривает его:

— Конечно...

Но парня одолели сомнения — сразу видно. Антонио Балдуино говорит женщине:

— Буду вашему сынишке крестным...

— Я ему чепчик сшила... Одна старушка дала мне пару пеленок...

Больше у него ничего нет... нищим рождается...

Бывший солдат сказал:

— Нет, не женюсь... А хорошенькая...

Поезд прибыл на станцию Сан-Гонсало. Сошло несколько пассажиров. Городок спит, спрятавшись в густых садах. Шум поезда разбудил ребенка где-то поблизости. Послышался детский плач. Женщина счастливо улыбнулась.

— Туго вам придется, — говорит Антонио Балдуино. — Будет у вас малыш по ночам реветь...

— Хочу мальчика...

Свисток отходящего поезда разбудил старика.

— Солгал я... Есть хорошие люди... Вот — дочка моя, Мария... Зэф, та — дрянь... Будто в воду канула... померла, может? А Мария — добрая, деньги мне дает... ругается, как напьюсь... А я из-за Зэфы пью... Мария-то добрая...

Голова старика опустилась на грудь, он опять дремлет.

Бывший солдат говорит женщине:

— Вот какие дела... Мальчика, значит, хотите? У меня тоже сын будет, как женюсь... Говорят, некоторые мужья от боли корчатся, когда жена рожает...

Он снова счастлив. Он смотрит на женщину без тени желания. Его сердце чисто, он с бесконечной нежностью думает о Марии дас Дорес, которая ждет его в Лапе. Он улыбается: девчонка не знает, что он едет, то-то удивится... Жалко, усы мало выросли... Она его и не узнает поначалу-то...

— А вдруг она меня не узнает?

— Кто? — удивляется Антонио Балдуино.

— Никто. Так просто...

Старик проснулся. Он трясется от холода. Снова поднялся ветер, предвещающий непогоду. Под натиском ураганного ветра поезд вздрагивает на рельсах.

— Опрокинется еще, развалина, людей передавит, — говорит Антонио

Балдуино.

— Бедняку — страдание вечное... Одни на счастье рождаются — богатые это... Другие на муку — бедняки... Так заведено с сотворения мира.

Бывший солдат сладко спит, негромко похрапывая. Он не слышит свистящего воя ветра.

— Ливень будет, потоп... — Старик дотащился до двери, смотрит сквозь щель наружу.

— Я в таких местах побывал, папаша, где уж очень людям худо приходится... Десяти сентаво в день не заработают...

— На табачных плантациях?

— Там, старик...

— Ты и не ведаешь, негр... Я здесь состарился... Я такое видал — волосы дыбом встанут... Сказать? — Его глаза блестят странным блеском, он отбрасывает посох, встает. — Бедняку такое невезение на роду написано, что, если за дерьмо будут деньги платить, у бедняка запор сделается...

Негр хохочет. Старик теряет равновесие, опрокидывается на мешки с табаком. К нему бросается женщина:

— Ушиблись?

Солдат похрапывает. Женщина, оказавшись рядом с Антонио Балдуино, шепчет:

— Я не сказала, чтобы его не расстраивать. — Она кивает в сторону парня. — Если правду говорить, я не знаю, почему меня Ромуалдо бросил. Думаю, от нищеты сбежал... А соседка говорит, ушел он к Дулсе... была там такая... Кто знает? — Голос ее срывается. — Нет, не поверю... Он бы меня так не бросил...

Солдат спит, счастливый, будто он уже покончил счеты с жизнью.

— Так вот... с ребенком в брюхе... Ну почему, почему он ушел?

Антонио Балдуино чиркает спичкой и видит, что женщина плачет, плечи у нее вздрагивают. Негр смущен, не знает, что сказать, бормочет:

— Не горюйте... обязательно будет мальчик...

ЦИРК

С Луиджи он встретился совершенно случайно. Антонио Балдуино провел остаток ночи, шатаясь по городу. Бывший солдат сразу уехал в Лапу. Старику было где остановиться. Женщина пошла к подруге. Наутро Антонио Балдуино решил найти попутный грузовик и бесплатно вернуться в Баию. Он как бы невзначай подошел к одной машине — ее как раз грузили — и спросил у шофера, будто просто так:

— Ты, брат, не в Баию?

— В Баию, — ответил веселый ладный мулат, шофер. — А тебе что — посылку отправить?

— Посылку, да еще какую! Вот этого негра! — Антонио Балдуино, смеясь, ткнул себя в грудь.

— Ишь ты! В Баие теперь праздник... Весело там, парень...

Антонио Балдуино присел на корточки рядом с шофером, тот угостил его сигаретой.

— Зверски, брат, домой хочется... Вот уж год почти, как ушел...

Шофер пропел:

Баия, мой прекрасный город, зачем покинул я тебя?

— И не говори... верно, хороша Баия... До смерти туда хочется...

— Поедешь со мной на грузовике? Я после обеда отваливаю...

— У меня, приятель, ни гроша...

— Истратился на красоток, — захохотал шофер.

Антонио Балдуино подмигнул:

— Может, и так...

— Ладно. У меня помощника нет. Ты за него поедешь...

— Спасибо...

— Придется эту развалину где подтолкнуть — пособишь...

— Ты когда снимаешься?

— После обеда... час, полвторого...

— Ну, я пошел...

— Куда?

— Прощусь с друзьями.

— Так ровно в час...

— Ладно...

Антонио Балдуино пошел бродить по городу. Никаких друзей у него не было, но не хотелось, чтобы шофер знал, что он не евши, голодный поедет.

Ничего, поужинает в Баие с Толстяком или Жоакином. А то с самим Жубиабой. Об этом думал Антонио Балдуино, и еще — где бы добыть сигарету. Вдруг за его спиной крикнули:

— Святая мадонна! Балдо!

Он обернулся. Перед ним стоял Лунджи, сам Луиджи, собственной персоной. Негру бросились в глаза его поредевшие волосы, потертый костюм.

— Луиджи...

Итальянец схватил его за плечи, оглядел, повертел во все стороны и весело произнес:

— Великолепно...

— Как тебя сюда занесло, Луиджи?

— Враждебный ветер, мой мальчик, враждебный ветер...

— При чем тут ветер, черт возьми!

— С тех пор как ты ушел с ринга, Балдо, удача повернулась ко мне задом...

Луиджи грустно посмотрел на негра:

— Тебя ждала головокружительная карьера... Какая обида... взял и сбежал, ничего не сказав...

— Очень уж меня эта потасовка расстроила...

— Пустяки... пустяки... Что это за боксер, которого хоть раз в жизни не нокаутировали? Да и пьян ты был, как свинья.

— А какого дьявола ты сейчас здесь, Луиджи? Ты что, нового боксера завел?

— Какого боксера... такого, как ты, мне больше не встретилось.

Антонио Балдуино захохотал, довольный. Ткнул итальянца в грудь.

— Да, такого больше не встретилось... Теперь я тут с одним цирком.

— Цирком?

— Гнусное предприятие... И не спрашивай...

Они зашли в ресторанчик. Луиджи заказал кофе. Антонио Балдуино признался:

— Возьми мне сигарет, Луиджи... Я на мели...

Он знал — с Луиджи можно говорить откровенно. Вдруг он о чем-то вспомнил, пробормотал:

— Тебя одного там не было... когда я в ловушке сидел, в лесу, помирал с голоду...

— Я не знал, мой мальчик... как же это случилось?

— Да нет, ничего... Я голодный был, думал — конец... И, знаешь, привиделось мне, будто все, кого я знал в жизни, бегут за мной, отпевают

меня, как покойника... Тебя одного там не было...

Луиджи все еще не понимал толком. Пришлось рассказать ему о драке с Зекиньей и бегстве в лес, о призраках. Говорил Антонио Балдуино нехотя, хмуро и наспех — не терпелось узнать, что это у Луиджи за цирк.

— Так что же ты теперь делаешь?

Луиджи невесело покачал головой.

— Паршивое предприятие... Когда ты сбежал, я не у дел остался...

— До ручки, как говорят, дошел?

— Вот именно... Тут-то и подкатил этот цирк... Большой международный цирк, видишь ли... Хозяин тоже итальянец, некий Джузеппе. В Баие они неплохо зарабатывали, да у Джузеппе дела были запутаны, вся выручка пошла кредиторам, еще долги остались. Я своих денег внес, сколько не доставало, стал пайщиком... Пайщиком-неудачником... По каким только захолюстьям нас не носило, святая мадонна! Доходов никаких, расходы бешеные. Считай, что мы банкроты. На краю гибели.

Луиджи махнул рукой и пустился в подробности. Антонио Балдуино бросил:

— Черт знает что...

Вдруг Луиджи посмотрел на него и сказал:

— Знаешь? Пришла мне в голову одна мысль... Все еще можно поправить. Мне нужен ты.

— Я? Я еще циркачом не бывал...

— Ты и боксером не был, а я тебя сделал...

Они, улыбаясь, принялись вспоминать прошлое, а когда поднялись из-за столика — Антонио Балдуино состоял в труппе Большого международного цирка как борец. Негр нашел шофера, предупредил его:

— Раздумал в Баию ехать, приятель...

— Бабы не пускают, — расхохотался шофер.

— Может, и так. — Негр подмигнул.

Устный контракт, заключенный с Луиджи, гласил, что у Антонио Балдуино будет жилье, еда и деньги, если в цирке появятся деньги. Но за деньгами негр Антонио Балдуино не гнался.

Афиша все еще лежала на земле. На ней было написано синими буквами: «Большой международный цирк». Около афиши растянулся спящий Джузеппе. Луиджи объяснил:

— Нализался... вечно он так...

И пнул соотечественника ногой. Тот бессвязно забормотал:

— Прошу внимания... сейчас он сделает сальто-мортале... одно слово

— и великий гимнаст убьется...

Люди копали ямы, сооружали скамьи. Работали все, артисты, служители, администрация. Луиджи провел Антонио Балдуино в свой барак. И первое, что бросилось в глаза негру, был собственный его портрет, фотография Антонио Балдуино в позе борца — так его сняли когда-то для одной баиянской газеты.

Луиджи растянулся на кровати (точнее, кушетке, которую выносили на арену для номера Человека-Змеи) и продолжал свои объяснения:

— Кто победит, получит пять тысяч... Вот увидишь, никто не захочет с тобой бороться...

— Но бороться-то надо, иначе зрители взбесятся...

— А кто сказал, что не надо? Найдем кого-нибудь за двадцать мильрейсов. Желаящие найдутся. Ты красиво положишь его на обе лопатки.

— А если объявится мерзавец, которому охота подраться по-настоящему?

— Не объявится...

— А вдруг?

Луиджи указал на портрет:

— Ты же боксер, мальчик.

Антонио Балдуино кивнул и, насвистывая, погладил портрет.

Луиджи заметил:

— О былом жалеешь? Состарился?

— Тогда у меня на роже шрама не было.

— Со шрамом лучше, это усиливает впечатление.

В дверь постучали. Луиджи открыл. Вошла маленькая женщина и стала требовать, чтобы ей заплатили жалованье — задерживают уже полтора месяца.

— Я так работать не буду... завтра на меня не рассчитывайте.

— Моя дорогая, завтра вы все получите...

— Завтра получите... всегда у вас так... Вот уж два месяца завтраками кормите. Хватит. Завтра я не работаю.

— Но завтра у нас обязательно будут деньги... Вы еще не знаете... — Луиджи обернулся к Антонио Балдуино. — Это Фифи, воздушная гимнастка... Она немного нервничает...

Маленькая женщина посмотрела на негра. Луиджи представил:

— Знаменитый Балдо... Вы о нем, конечно, слышали...

Женщина кивнула, хотя никогда не слышала этого имени. Луиджи говорил быстро, чтобы не дать ей опомниться:

— Так вот... первый борец Бразилии... В Рио не нашлось силача, способного с ним справиться... Балдо только что из Баии — я посылая за ним подписать контракт... Он сел в автомобиль и примчался к нам...

Женщина сомневалась:

— На какие же деньги вы наняли эту знаменитость, Луиджи? Тут что-то не так... Я, кажется, видела этого негра в кабине грузовика... Слушайте, молодой человек... если вы бросили шоферское место и думаете у нас заработать — вы жестоко разочаруетесь... Денег здесь не водится...

Она круто повернулась и пошла к двери. Но Антонио Балдуино преградил ей путь, сердито схватил за руку:

— Тише, дона... Я вправду борец... Был абсолютным чемпионом Баии. Видите портрет на стене? Это я...

Женщина взгляделась, поверила:

— Хорошо... Но как вы тут очутились? Денег у нас нет...

— Приехал выручить друга... — Негр потрепал Луиджи по плечу. — Верного друга...

— Ах! Разве что так...

— Завтра у нас будет куча денег...

Женщина смутилась, стала оправдываться:

— Тут есть такой шофер — вы с ним как две капли воды похожи... — В дверях она обернулась с любезной улыбкой. Антонио Балдуино переглянулся с Луиджи.

— История с Рио не прошла, дружище...

Луиджи сел сочинять афишу, которую должны были вывесить на следующий день. Негр читал через его плечо.

— Пусть мое имя будет написано самыми большими буквами. Вот такими... — Он широко развел руки.

* * *

Проспавшись, Джузеппе становился решительным и активным. Казалось, будто он способен спасти положение, вывести цирк из тупика, заплатить жалованье артистам и служащим. Но его активность ограничивалась жестами и словами, на которые он был очень щедр.

— Эй, ребята! Работа совсем не идет! Этот курятник давно уже должен стоять! Я один надрываюсь! Без меня ничего не делается!

Если кто-нибудь из артистов возражал ему, Джузеппе взрывался:

— Вы только деньги просить умеете! А на искусство вам что — плевать? В мое время мы ради искусства работали, ради аплодисментов, цветов. Ради цветов, слышали? Цветы... девушки бросали на арену цветы... вышитые платочки... если бы я захотел, собрал бы коллекцию... Но я к этому равнодушен. Я жил тогда только искусством. В мое время воздушный гимнаст был прежде всего воздушным гимнастом... — В этом месте Джузеппе оборачивался к Фифи: — А воздушная гимнастка — прежде всего воздушной гимнасткой!

Фифи возмущалась, Джузеппе продолжал:

— А теперь? Вот вы, Фифи, неплохая артистка, думаете только о деньгах. Аплодисменты для вас — ничто.

— Аплодисментами сыт не будешь...

— А слава? Не хлебом единым... Иисус Христос сказал.

— Христос не был воздушным гимнастом...

— Да... В мое время было иначе... Овации, цветы, платочки — все это мы ценили... Теперешним подавай деньги... Ладно, завтра вы получите свои деньги... Все, до последнего гроша, заплачу... все...

Но в конце Джузеппе всегда просил:

— Вы же знаете, Фифи, дела идут плохо... Что я могу поделать... Я старый циркач, я всю Европу объездил... У меня альбом, могу показать... А теперь я здесь, и я с этим смирился... Вы думаете, у меня есть деньги? Одни долги... Потерпите, Фифи, вы — добрая девочка...

— Но, Джузеппе, мне нужен костюм. Мое зеленое трико чиненое-перечиненое, в нем выступать-то неудобно...

— Фифи, поверьте: получим деньги — вам первой заплачу...

И он уходил, отдавая пустые приказания, браня за медленную работу, охаивая все, что с таким трудом сделал Луиджи. В конце концов он попадал в кабаки и рассказывал незнакомым людям, угощавшим его кашасой, о своей былой славе воздушного гимнаста.

В этот вечер Джузеппе, возвращаясь домой, пометил углем лбы нескольких мальчишек, чтобы их пропустили на представление без билетов. У входа в свой барак он столкнулся с Антонио Балдуино. Негр притворился, будто любит звезды. На самом деле он подглядывал в щель барака, где помещалась Розенда Розеда, черная танцовщица, главная приманка Большого международного цирка. Розенда переодевалась при свете свечи, и негру удалось разглядеть ее бархатную спину. Антонио Балдуино напевал одну из своих самых удачных самб:

У негритянки — кожа бархат...

Как тронешь — так и кинет в дрожь.

Заметив Джузеппе, он сделал вид, будто смотрит на звезды. Интересно, какая из них — Лукас-да-Фейра? Когда-то ему показывали звезду, в которую превратился Зумби из Палмареса. Но здесь этой звезды нет. Она сверкает только в Баие, ночами, когда гремит макумба, когда негры славят великого Ошосси, бога охоты. Звезда Зумби из Палмареса оберегает негров, горит, когда им весело, гаснет, когда у них горе. Кто сказал ему это? Толстяк? Нет, сам Жубиаба, однажды ночью, на берегу океана. Толстяк непременно приплел бы ангела к истории о Зумби. Старец Жубиаба хорошо знал подвиги Зумби из Палмареса и других знаменитых и храбрых негров. Впрочем, можно снова заглянуть в щель — Джузеппе идет медленно, пошатываясь, здесь он будет не скоро. Но Розенды больше не видно — она погасила свечку. Если бы не Джузеппе — несчастный пьяница! — он бы увидел Розенду обнаженной.

Вот это женщина... Пусть в цирке вовсе не будет денег, — пока в нем Розенда Розеда, Антонио Балдуино никуда не уйдет. Африканская красавица... В «Фонаре утопленников» все бы рты пооткрывали, с ума от нее походили бы.

Подошел Джузеппе. Хотел пожать Антонио Балдуино руку, но, потеряв равновесие, чуть не грохнулся.

— Устал, как собака... Тржусь, будто проклятый...

— Оно и видно...

Джузеппе понадобилось полчаса, чтобы добраться до своей двери.

«Чего доброго, пожар устроит, как будет чиркать спички», — подумал Антонио Балдуино и на всякий случай подошел поближе. Но Джузеппе уже зажег свечу, сел за колченогий столик. На столике лежат какие-то большие, нарядные, потертые от времени книги. Негра мучает любопытство, он, словно вор, подглядывает за Джузеппе. Почему Джузеппе с такой нежностью гладит корешки больших книг? Осторожно, медленно, сладострастно — так негр Антонио Балдуино ласкает своих любовниц. Но вот Джузеппе обернулся — негр видит его глаза.

Бывают такие типы — напьются, и заберет их тоска. Другие радуются, поют, хохочут... А эти мрачнеют, а то и плачут. Джузеппе из тех, кого тоска берет. Антонио Балдуино не выдержал — вошел в барак. Джузеппе выпил сверх меры, затосковал.

Это было весной, в Италии. В альбоме фотография господина с пышными усами — это отец Джузеппе. В роду Джузеппе все циркачи, у всех у них был свой цирк. На пожелтевшей от времени карточке — дедушка Джузеппе в шикарной форме. Нет, не генерал — хозяин цирка. Большого международного цирка... Но в те времена это был настоящий цирк... Одних только львов держали более тридцати. Двадцать два слона было... тигры... и еще всякие звери...

— Я немного выпил, но я не вру...

Антонио Балдуино верит.

Отцовские усищи внушали почтение. Джузеппе был совсем маленьким, но он хорошо все помнит. Когда отец поднимался на трапецию, цирк готов был рухнуть от грома аплодисментов. Зрители безумствовали! А когда он прыгал с трапеции на трапецию и выполнял в воздухе тройное сальто-мортале, — у публики замирало сердце. Мать Джузеппе ходила по проволоке. Вся в голубом, она казалась прекрасной феей... Она ловила равновесие японским зонтиком... Да, Джузеппе — из семьи потомственных циркачей. После смерти отца он сам стал хозяином цирка. Все досталось ему в наследство. Одних львов было... И ученые лошади. Артисты получали огромные деньги. Лучшие циркачи Европы...

— И по субботам все получали жалованье... Без всякой задержки...

Однажды король — сам король! — пожаловал в его цирк. Господи, что это был за день... Антонио Балдуино, может, не верит Джузеппе — теперь он пьян, бедно одет... Но ему аплодировал сам король... и не только король. Вся королевская семья, сидевшая в самой роскошной ложе. Это было весной, в Риме. Джузеппе вышел на арену, зрители обезумели. Буря аплодисментов!

— Я думал, этому не будет конца...

Вот в альбоме портрет Джузеппе тех времен. Да, в смокинге. На арену он всегда выходил в смокинге. Потом он снимал одежду — смокинг, брюки, накрахмаленную манишку. Оставался в трико, как на другом снимке. Был он тогда красавец — не то что сейчас... Теперь он — скелет. А в молодости женщины теряли голову. Даже одна графиня... блондинка. Вся в драгоценностях. Графиня назначила ему свидание.

— И вы?

— Настоящий кавальеро не рассказывает о таких вещах.

Король сидел в своей роскошной ложе, и с ним вся королевская семья.

Джузеппе сделал двойное сальто-мортале, и — хотите верьте, хотите не верьте — король не удержался, встал. Король аплодировал ему стоя! Что это была за ночь... Ризолетта, прелестная, как никогда, перелетела к нему на трапецию, цирк ахнул... Потом Ризолетта продавала зрителям их общий портрет — вот он, в самой середине альбома. Женщина была снята в позе, в которой обычно благодарят за аплодисменты. Ее держал за руку мужчина, одетый во что-то вроде купального костюма. Приглядевшись, в мужчине можно было узнать Джузеппе.

— Хороша... — сказал Антонио Балдуино.

— Она была моей женой...

Ризолетта продавала портрет зрителям — и не было человека, который бы отказался его купить. Ведь стояла весна, а Ризолетта была прелестна, словно весенний цветок. Она была весенним цветком, и каждому римлянину хотелось сохранить что-нибудь на память об уходящей весне. И римляне покупали портрет Ризолетты. А вот еще фотография. Ризолетта стоит на лошади, на одной ножке, в балетной позе. Коня звали Юпитер, он стоил хороших денег. Потом его забрал за долги один датский кредитор во время гастролей в Дании. Эта фотография — Ризолетта на коне — была сделана за несколько дней до гибели воздушной гимнастки. Той далекой весной Ризолетта казалась такой обворожительной, такой юной, что никому, в том числе и Джузеппе, и в голову не могло прийти, что все так страшно кончится. Что Ризолетта погибнет. Но она погибла. В тот вечер цирк был переполнен — море людей. Джузеппе и Ризолетта были героями сезона, гвоздем программы. Все говорили о «Дьяволах», «I. Diavoli» — так назывался их номер. Когда Ризолетта появлялась на улице, женщины останавливались, смотрели ей вслед. Ей подражали в одежде, в манере держаться — Ризолетта умела быть элегантной, была красива не только в цирке, летая с трапеции на трапецию. Мужчины сходили по ней с ума. Джузеппе и Ризолетта завоевали сердца римской публики этой цветущей весной.

В тот вечер цирк был переполнен. Вот портрет Ризолетты в костюме воздушной гимнастки. Джузеппе долго смотрит на фотографию, потом подходит к постели, вытаскивает бутылку кашасы.

— Питье святого Амаро, — смеется Антонио Балдуино.

Вот почему Джузеппе пьет. Старый циркач смотрит не отрываясь на портрет Ризолетты. Теперь Антонио Балдуино видит — у нее было горестное лицо пленницы. Джузеппе знал, что его жене не нравился цирк. Ей хотелось вести светскую жизнь, изысканно одеваться, покорять сердца. Но кто бы мог подумать, что она сорвется именно тем вечером? В тот день

они зеркала не разбили... Они вышли на арену, их встретила буря аплодисментов. Ризолетта, улыбаясь, поблагодарила публику, и они поднялись на трапеции. Вначале все шло хорошо. Но в момент сальто-мортале... Такого никогда еще не случилось... Дуга, описанная раскачавшейся трапецией, оказалась короче, чем надо. Ризолетта не смогла ухватиться за ноги Джузеппе. И вот на арене окровавленный кусок мяса. Когда лев Рез растерзал укротителя, труп все-таки не был таким страшным. Ризолетта превратилась в кусок кровавого мяса — ни лица, ни рук, ничего. Джузеппе не понимает, как он сам не бросился вслед за ней на арену, как у него хватило сил спуститься. Была весна, по улицам гуляли влюбленные. Потом один клоун выдумал, будто Джузеппе убил ее нарочно, узнав, что у нее есть любовник. Начали судебное дело, но следствие прекратили за отсутствием доказательств... Со дня гибели Ризолетты начался упадок Большого международного цирка.

— Настоящий роман, — сказал Антонио Балдуино, — прямо садись и пиши... Расскажу Толстяку.

— Как вы думаете — мог у нее быть любовник?

Ему даже показывали любовника Ризолетты, показывали его письма, найденные в ее вещах...

— Но ведь это была ложь, правда? Циркачи — такие мерзавцы... Не верьте никогда циркачам. Завистники... Да разве у нее мог быть любовник! Все эти люди завидовали их успеху. А вдруг был? Это сводит меня с ума. Из-за этого и напиваюсь. Письма-то ведь нашли. Нет! Ризолетта, такая добрая... Цирк ей не нравился, верно. Но не такая она была женщина, чтоб завести любовника. А письма... И потом, она говорила о каких-то встречах... Боже, хоть бы она ожила на мгновение, сказала бы мне, что все это ложь, зависть. Потому что это ложь, правда? — Джузеппе схватился за голову, закрыл глаза.

Неужели он сейчас заплачет? Антонио Балдуино берет бутылку с кашасой, отпивает большой глоток. Сейчас тоже — весенняя ночь.

* * *

— А клоун у нас кто?

— Кто бабам проходу не дает.

— Ну и негритянка у окна.

— Рожа, будто сковорода.

Клоун Пузырь едет задом наперед на осле. Над городишком висится купол цирка. Над куполом развевается флаг, по бокам у входа — две огромные афиши. Вечером тут будет играть музыка, придут негритянки продавать сладости из кокосовых орехов.

В городе говорят только о цирке, об артистах, о негритянке, которая танцует почти обнаженной, но больше всего о Черном Гиганте Балдо, бросившем вызов жителям Фейра-де-Санта-Ана. Об этом толкуют мужчины, собравшиеся на Большую ярмарку. Луиджи отложил премьеру до понедельника. Это день продажи скота, приходят крестьяне со всей округи. Клоун пересекает ярмарочную площадь.

— Будет сегодня представление?

— Будет, сеньор...

Деревенские мальчишки, пришедшие с близлежащих фазенд продавать творог и неочищенный тростниковый сахар, с завистью смотрят на городских озорников, которые бегут за клоуном и даром попадут в цирк. Один из них говорит другому:

— Я смерть как хочу в цирк.

— Я, парень, был уже как-то в цирке. Назывался он «Европейский». Здорово...

— Этот, говорят, хорош...

— Что большой, это верно... Клоун был бы стоящий.

— Я здесь заночую. Охота посмотреть представление.

— Говорят, свободных мест нету. Все продано.

Мальчишки сговариваются пролезть в цирк, незаметно приподняв парусину стен. Клоун продолжает триумфальное шествие по базарной площади. Из лавок выглядывают приказчики. На середине площади клоун останавливает осла, чтобы произнести речь.

— Достопочтенная публика! Прославленный Балдо, всемирный чемпион свободной борьбы, бокса и капоэйры, прибыл из Рио исключительно для того (он сделал ударение на слове «исключительно»), чтобы выступить в Большом международном цирке! Балдо получает в месяц три тысячи деньгами, стол, квартиру, белье...

— Ого, — пробурчал какой-то крестьянин.

— Сегодня вечером и на всех остальных представлениях нашего цирка Балдо вызывает на бой любого желающего! Любого жителя героической Фейры-де-Санта-Ана! Герой, победивший Балдо, получит от администрации цирка пять тысяч! Пять тысяч! — выкрикнул Пузырь еще раз. — Лично от себя Балдо ставит тысячу в знак того, что он непобедим. Пользуйтесь случаем! Имею честь объявить достопочтенной публике, что

вызов принят! Двое смельчаков уже записались в конторе цирка. Жаждут сразиться с чемпионом Балдо! Желающие бороться могут прийти в Большой международный цирк сегодня вечером! Борьба закончится только смертью одного из противников. Только смертью!

Длинная речь нисколько не утомила клоуна, он продолжал свое шествие по городу, сидя задом наперед на осле. Время от времени осел спотыкался, Пузырь делал вид, что падает, хватался за ослиный хвост. Город помирал от хохота. В людных местах клоун повторял свою речь.

Все говорили о предстоящей борьбе, которая кончится только смертью. Стало известно, что вызов Черного Гиганта Балдо приняли уже трое — шофер, торговый служащий и огромный крестьянин. Трое желают драться за приз в пять тысяч. Город с нетерпением ждал вечера.

* * *

Когда огромный крестьянин вошел в цирк, какой-то остряк крикнул с галерки:

— Эй, Жозе! Ты пару горилл заказывал? Самец уже тут.

Цирк взорвался от хохота. Крестьянин хотел было обидеться, но и его разобрал смех. Дитина в самодельных сандалиях, с дубиной в руке казался настоящим великаном. Ему было весело — он думал о пяти тысячах, которые он получит, победив какого-то там Балдо. У себя в деревне он валил вековое дерево несколькими ударами топора, на себе таскал из лесу гигантские бревна. Парень сел, на его губах играла победная улыбка, хотя по натуре он был робким и недоверчивым.

Слуги-негры вносили стулья для семейств, заказавших ложи. В цирке стульев не было, зрители приходили со своими.

— Поэтому я хожу на галерку. Дешевле, и тащить ничего не надо. Только себя.

— Вон слуга судьи...

Негр вошел, поставил в ложе несколько стульев и вышел, чтобы принести еще. Сам примостился на краю скамьи.

Какому-то типу, вошедшему в ложу, кричали:

— Эй! Шико Пейшейро! Как ты попал в ложу? Дело нечисто...

У входа в цирк было очень красиво — огни, яркие афиши. Вывеска Большого международного цирка переливалась голубым, зеленым, желтым, мигали разноцветные лампочки, негритянки в пышных цветастых юбках, в

сверкающих ожерельях продавали африканские сласти — жареную кукурузу, акараже, мингау, мунгунсу. Цирковые огни освещали всю площадь. Уличные мальчишки шмыгали вокруг, высматривая, как бы бесплатно пролезть в цирк. Мужчина торговал соком сахарного тростника. Негр-мороженщик из кожи лез вон, чтобы поскорее распродать мороженое и забраться на галерку. Он заразительно хохотал, предвкушая выходки клоуна — ну и шутник! Люди теснились у билетной кассы. Луиджи потирал руки от удовольствия. Городские старухи возмущались — такой шум в их тихом городе, где в девять часов вечера обычно все уже спят. Цирк все перевернул вверх дном. Цирк... Это что-то необыкновенное, новое, манящее. Это далекие путешествия, приключения, заморские звери. Негры сочиняют разные истории про артистов.

Идет оркестр. Он уже свернул на Главную улицу — слышны звуки карнавального марша. Зрители встали. Люди с самых высоких скамеек амфитеатра пытаются заглянуть поверх занавеса. Мальчишки, торчавшие у входа в цирк, бегут встречать «Эвтерпу имени 7 сентября»^[38]. Шикарные музыканты в сине-зеленой форме вышагивают по-военному. Сеу Родриго, аптекарь, играет на трубе, как бог. Захватывающие вибрирующие звуки ударяют в голову Антонио Балдуино, он выскакивает из барака посмотреть на оркестр. Вот это да... нарядные, дьяволы! Дирижер шагает спиной вперед. С каким бы наслаждением променял Антонио Балдуино свою роль борца на место щуплого человечка, который, пятясь, управляет «Эвтерпой»! Он и собой хорош, думает Антонио Балдуино. На него глядят все мулатки! И вообще все. Вот кто настоящий герой, слава города Фейра-де-Санта-Ана. Дирижер, а еще трубач. Их все знают, их все приветствуют. Перед ними снимает шляпу сам судья. А банковские служащие приглашают трубача на свои вечеринки, угощают его, обращаются с ним как с равным, лишь бы он согласился играть. Но Джузеппе отрывает Антонио Балдуино от созерцания оркестра. Негр уходит в барак. Как ему хочется дирижировать «Эвтерпой имени 7 сентября». Музыканты выходят на цирковую площадь, окруженные важными надменными господами. У входа в Большой международный цирк дирижер отдает команду, оркестр останавливается. Галерка, партер, ложи, артисты в своих бараках слушают знаменитый военный марш, гвоздь программы «Эвтерпы имени 7 сентября». Божественно! Фейра-де-Санта-Ана. разумеется, обладает лучшим любительским оркестром Бразилии. Закончив марш, музыканты входят в помещение цирка и устраиваются над входом, на помосте, воздвигнутом специально для них. Теперь, когда прибыла музыка, зрители требуют, чтоб начинали. Почему представление задерживается?

— Клоуна! Клоуна!

Кричат все — дети, взрослые. Даже судья посмотрел на часы и сказал супруге:

— Опаздывают на пять минут. Точность — весьма похвальная добродетель!

Супруга молчит, она давно устала от поучений мужа. В соседней ложе приказчики, сообща заключившие пари против Балдо, обсуждают условия предстоящей борьбы.

— Драться и вправду нужно до смерти?

— Полиция не позволит.

— Агрипино говорит, этот негр — прямо зверь. Он видел его в Баие, на встрече с немцем. Сила, как у быка...

Галерка топает. Дикари. Вести себя не умеют — думают приказчики. Где это видано, чтобы спектакль начинали вовремя? Зрители на галерке вести себя не умеют, нет слов. Но топают они не поэтому. Приказчикам не понять. Галерка топает, орет и требует начинать, потому что так веселее. На что нужен цирк, в котором не летят с галерки острые шутки, выкрики, не слышно шума и топота. В этом самый смак цирка. Охрипнуть от крика, отбить ноги, топая. Какая-то негритянка огрызается:

— Эй, ты свою мамашу щипли за задницу...

Назревает скандал. Когда пристают к замужней, всегда этим кончается. Незадачливого ухажера выбрасывают прямо в партер. Он поднимается и бежит на свое место под вой и улюлюканье всего цирка. На арену выходит Луиджи, облаченный в блестящую парадную форму Джузеппе. Цирк замер.

— Достопочтенная публика! Большой международный цирк благодарит всех, почтивших своим присутствием нашу премьеру! Надеемся, что наши прославленные артисты удостоятся ваших благосклонных аплодисментов!

Луиджи нарочно усиливает свой итальянский акцент. Так выходит эффектнее. Появились служители, растянули по всей арене видавший виды дырявый ковер, и началось феерическое зрелище — парад труппы. Первым вышел Луиджи, ведя под уздцы коня Урагана в сверкающей сбруе. За ними выбежала воздушная гимнастка Фифи — аплодисменты удвоились. Фифи в короткой зеленой юбочке выставляла обнаженные ноги, на них жадно глядели негры, приказчики, сеньор судья. Гимнастка сделала реверанс, приподняв юбочку еще на вершок. Галерка чуть не рухнула от грома аплодисментов. На арену, кривляясь, выскочил клоун Пузырь.

— Уважаемая публика! Приятного развлечения!

Цирк громыхает хохотом. На клоуне голубые шаровары с желтыми

звездами, огненная луна на заду.

— На мне костюм небесный со всеми звездами вместе. Волшебница подарила...

Клоун хоть куда! Человек-Змея кажется настоящей змеей в узком трико, усыпанном блестками. Трико плотно обтягивает его тело, и не понять, кто он — подросток или женщина? Мужчины двусмысленно шутят. Но вокруг на них шикают, и они умолкают. У пожирателя огня огненно-рыжие волосы. Великий эксцентрик Роберт покоряет зрителей своим фраком, хоть фрак изрядно поношен. По фамилии он француз, и волосы у него французские — гладкие, разделенные безукоризненным пробором. С ума сойти. Роберт посылает воздушные поцелуи, разящие мечтательных девиц прямо в сердце. Какая-то старая дева вздыхает. С галерки слышится: «Видный парень». Жужу проходит почти незамеченной. Все глаза на медведя и обезьяну. Лев сидит в клетке в глубине цирка и не переставая рычит, надрывно и яростно. Какая-то зрительница жалуется соседке, что ей страшно ходить в цирк — вдруг лев вырвется... Жужу, можно сказать, старуха, краска не в силах замазать морщины на ее лице, но у нее пышная соблазнительная фигура. Розенда Розеда одета в костюм баиянки:

— Добрый вечер, дорогие друзья...

Розенда пробегает по краю арены, подпрыгивает, кружится, ее широкая юбка взлетает, надуваясь, словно цирковой купол. Зрители забыли Жужу, Фифи, великого эксцентрика Роберта, медведя, льва, даже клоуна. Все взгляды прикованы к черной танцовщице, почти обнаженной в костюме баиянки. Розенда бешено крутит бедрами. Глаза мужчин загораются сладострастным блеском. Приказчики свесились из своей ложи — того и гляди, свалятся в партер. Судья надевает очки. Супруга судьи негодует. Это безнравственно. Негры на галерке охрипли от восторженных криков. Розенда Розеда покорила всех.

Балдо — Черный Гигант, не участвует в параде труппы. Он за кулисами держит пьяного Джузеппе, который рвется на арену лично приветствовать публику. Зрители требуют, чтобы негр вышел.

— Борца! Борца!

— Чего прячется!

Луиджи объясняет, что Балдо — Черный Гигант, великий борец, всемирный чемпион бокса, свободной борьбы и капоэйры, еще не закончил тренировку и появится только в момент встречи с чемпионом героического города Фейра-де-Санта-Ана. Парад окончен, представление начинается наездница Жужу. Ураган галопом несется по арене. В руках у Жужу хлыст, она в облегающем жокейском костюме. Ее огромная грудь плотно обтянута

курткой. Жужу прыгает на коня и скачет на нем стоя. Ей это все равно, что ехать в автомобиле. Жужу взвивается над Ураганом в головокружительном прыжке. Зрители хлопают. Наездница делает несколько пируэтов и удаляется под аплодисменты.

— Я видал работу получше, — говорит свысока тип, на которого смотрят с уважением, потому что он много ездил. По его словам, бывал и в Баие и в Рио.

— Халтура.

Собравшиеся аплодировать замешкались было, но не удержались — дружно захлопали. Оркестр заиграл самбу, и на арену, кувыркаясь, выкатился клоун Пузырь. Пузырь повздорил с Луиджи, потом схватил плохо закрытый чемодан (из которого свисали кальсоны) и сделал вид, что уходит. Потом показывал фокусы. Луиджи спросил:

— Ты, Пузырь, в школу-то ходил?

— А то как же... потом десять лет на ослофакультете учился... Я осел дипломированный... понятно? — Цирк помирал от хохота.

— Тогда скажи: во сколько дней господь сотворил мир?

— Думаешь, я не знаю?

— Ты скажи.

— Знаю, да не скажу...

— Не знаешь ты...

— Еще чего... Кто это на меня наговорил? Вот я ему задам...

Изощряясь в подобных шутках, клоун Пузырь сделал счастливыми всех, собравшихся этим вечером на цирковую премьеру. Хохотали приказчики, смеялся судья, редела от восторга галерка. Только один зритель — тот, что повидал мир, — считал зрелище скучным и жалел о копейках, истраченных на билет. Он избаловался, пока жил в больших городах. Был он тогда студентом. После смерти отца пришлось ему поступить приказчиком в отдел тканей в магазин сеньора Абдуллы.

Обезьяна плясала. Медведь пил пиво. Человек-Змея выкручивался так, что страшно было смотреть. Он просовывал голову между ногами, изворачивался и прижимал пятки ко рту, он выгибался, опираясь женственным животом о маленький ящик, закинув за спину ноги и голову. Человек-Змея знал свое дело, но мужчин раздражала его бесполость. Они не могли взять в толк, любоваться ли им, как женщиной, или хлопать ему, как хлопают мужчине за хорошую работу. Только в глазах повидавшего мир светился странный, подозрительный огонек. Человек-Змея с ангельским видом благодарил публику. Он посылал воздушные поцелуи, как великий эксцентрик Роберт. Оп приседал в реверансе, как Фифи, прославленная

воздушная гимнастка. Зрительницы приняли на свой счет воздушные поцелуи, зрители — реверанс. Повидавший мир встал со своего места — спектакль для него кончился. Он ушел, в его взгляде и сердце таились порочные мысли. Эту ночь он проведет без сна.

Великий эксцентрик Роберт сегодня не выступает. Дамы разочарованы. Зато неповторимая Розенда Розеда здесь.

Неповторимая Розенда Розеда победно является публике в вихре чувственной бури, вступая в золотые ворота своей театральной славы.

Чувственная буря — это пламенный танец машише^[39]. Неужели под широкой баианской юбкой на Розенде ничего нет? Видимо, ничего. Юбка взлетает, на белье нет и намека. Обнаженная грудь негритянки полускрыта разноцветными ожерельями. Танцовщица высоко задирает ноги. Супруга судьи находит это безнравственным. Запретить! Куда смотрит полиция! Судья возражает, цитирует бразильскую конституцию и уголовный кодекс. Отсталая женщина его жена. Впрочем, ему не до разговоров. Пусть ему не мешают любоваться ногами неповторимой Розенды. Сейчас она особенно пикантна. Розенда кружится, ее сверкающие черные бедра заполняют цирк от купола до арены. Все остальное исчезло. Розенда Розеда танцует макумбу, исступленную, как всякий ритуальный танец, жуткую, как пляска африканских лесов. Теперь обнажено все ее тело, но его тайны продолжают быть недоступными для мужских взглядов. Юбка молниеносно взлетает и падает. Мужчины возбуждены, они смотрят не отрываясь. Напрасно. Танец слишком стремителен, фанатически опьяняющ. Негры захвачены, околдованы. Белые, те продолжают разглядывать обнаженные бедра, живот, ягодицы Розенды. Негры — нет. Негры одурманены головокружительным ритмом священной макумбы, неистового машише. Негры верят — в Розенду вселился дух. Танец кончился. Розенда вступает в золотые ворота своей театральной славы. Грохочет овация, все вскакивают. Не слышно военного марша, гвоздя программы «Эвтерпы имени 7 сентября». И Розенда снова танцует «Чувственную трагедию», страстный машише, священный танец негров, огненную макумбу. Розенда пляской закликает богов, помогающих охотникам, и богов, насылающих мор. Широкая юбка взлетает и падает, грудь вздрагивает под яркими ожерельями на радость жадным глазам сеньора судьи. Ноги негров пляшут в такт — галерка вот-вот обвалится. Розенда вступает в золотые ворота своей театральной славы. Судья встает и аплодирует стоя — точно король из рассказов Джузеппе. Розенда достает из-под юбки цветы, розы, осыпает красными лепестками судейскую лысину (идея Луиджи). Все в восторге. Розенда вступает в золотые ворота своей театральной славы. Когда представление кончится, на

арену придет негр в грубых сандалиях и подберет лепесток, хранящий острый запах тела Розенды. Негр спрячет его на груди, у самого сердца, и увезет на далекие табачные плантации.

Появляется клоун, зрители хохочут и успокаиваются. Потом выходит Луиджи. Он объявляет:

— Дistinguished публика! Балдо — Черный Гигант вызывает любого жителя вашего героического города на борьбу, которая закончится только смертью одного из соперников. Администрация цирка выплатит победителю премию — шесть тысяч. Балдо от себя ставит еще тысячу.

Шум прошел по рядам зрителей. Луиджи вышел и тотчас вернулся с негром Антонио Балдуино. На мускулистом черном теле не было ничего, кроме шкуры ягуара. Короткая, узкая шкура стесняла движения. Негр скрестил на груди руки, вызывающе посмотрел в публику. Он знает, Розенда Розеда следит за ним сейчас из-за кулис, и ему хочется, чтобы кто-нибудь вызвался драться по-настоящему. Розенда продавала свои портреты, потом в бараке считала никели. Потом сказала ему, что хочет посмотреть на борьбу. И вот никто не решается принять его вызов. Луиджи объясняет distinguished публике, что двое, записавшиеся в конторе цирка, не явились. Если никто не примет вызова, Балдо будет бороться с медведем. Но не успел Луиджи кончить, как встал огромный гориллоподобный крестьянин и неуклюже двинулся к арене.

— Про пять тысяч — правда?

— Истинная правда, — сказал струхнувший Луиджи.

Крестьянин сбросил самодельные сандалии, стянул рубаху, остался в одних штанах. Луиджи посмотрел на Антонио Балдуино, тот улыбнулся — все в порядке. На середине арены разложили мат, Антонио Балдуино снял шкуру ягуара и остался в одной набедренной повязке. Шрам на его лице блестел в свете ламп. Зрители аплодировали крестьянину. Луиджи снова обратился к distinguished публике, прося кого-нибудь, кто понимает в борьбе, быть вторым судьей. Вышел один из приказчиков, договорился с Луиджи об условиях. Итальянец уточнил:

— Борьба закончится только в том случае, если один из противников будет убит или попросит пощады.

Он представил борцов:

— Балдо — Черный Гигант, всемирный чемпион бокса, свободной борьбы и капоэйры.

Потом спросил что-то у крестьянина.

— Вызов принимает Тотоньо Розинья.

Антонио Балдуино хотел пожать сопернику руку, но тот не понял,

подумал, что это уже начало, набросился с кулаками на негра. Ему растолковали, что к чему, и порядок был восстановлен.

Противники стояли друг против друга по обе стороны мата. Розенда Розеда смотрит из-за кулис. В цирке нет никаких пяти тысяч, нет даже жалованья. Но есть горячее тело неповторимой Розенды. И Антонио Балдуино чувствует, что он счастлив. Вот бы еще стать дирижером «Эвтерпы...», счастье было бы полным. Приказчик считает:

— Раз... два... три...

Парень бросился на Антонио Балдуино. Негр побежал вокруг мата. Зрители взвыли. Розенда сморщилась. Негр неожиданно обернулся, дал парню кулаком в лицо. Но тот как будто ничего и не почувствовал и снова бросился на Антонио Балдуино. Негр подставил подножку, мелькнула мысль: «Без капоэйры не обойтись». Антонио Балдуино повалился на упавшего парня, стал молотить его по лицу. Но Тотоньо ногами обхватил туловище негра, перевернулся. Теперь он был сверху. И тут Антонио Балдуино понял, что противник его — простак, и ударить-то не умеет по-настоящему. Одна медвежья сила. Встав на ноги, негр нанес парню пару таких ударов, от которых Тотоньо не сумел защититься. Противники опять побежали вокруг мата, парень обхватил негра поперек туловища, поднял и с размаху швырнул на землю. Балдо ушибся и рассвирепел. До сих пор он шутил, теперь стал драться по-настоящему. Убийственным приемом капоэйры он сбил крестьянина с ног, прижал к земле, стал выворачивать ему руку. Парень заорал страшным голосом, попросил пощады, отказался от пяти тысяч. С арены он ушел под улюлюканье зрителей, осторожно неся руку, будто она сломана. Антонио Балдуино поклонился и под аплодисменты покинул арену.

— Негр вправду стоящий...

За кулисами Антонио Балдуино спросил Розенду:

— Понравилось?

Глаза танцовщицы были влажными от счастья. На арену вышел служитель. Он нес плакат с надписью:

АНТРАКТ

Зрители вышли на площадь выпить тростникового сока. Оркестр играл военные марши.

* * *

Первого сержанта играл Роберт, второго Антонио Балдуино. Великий эксцентрик великолепно выглядел в форме французского сержанта. Антонио Балдуино был явно тесен костюм, сшитый для глотателя шпаг, ушедшего из цирка в позапрошлом году. Форма врезалась в тело со всех сторон, сабля выглядела до смешного маленькой. Но это еще полбеды. Настоящая беда была в том, что Фифи во что бы то ни стало хотела получить свое жалованье именно сейчас, до начала второго действия, до начала знаменитой пантомимы «Три сержанта». Луиджи не подсчитал еще самых неотложных расходов, он собирался платить артистам только завтра. Фифи стояла на своем.

— Платите, или не буду играть.

Фифи изображала третьего сержанта и была очень эффектна в военной форме. Раскрасневшись от гнева, она кричала, грозила, наступала на несчастного Луиджи. Тот не удержался — захохотал:

— Форма-то на тебя подействовала... Сержант, да и только...

— Не хамите!

Явился пьяный Джузеппе, стал говорить об искусстве, овациях и заплакал. Луиджи умолял Фифи подождать — он все подсчитает и заплатит этой же ночью. Не надо задерживать второе действие. Публика уже нервничает, вызывает актеров, топает. Луиджи в отчаянии схватился за свои жидкие волосы. Розенда Розеда приходит ему на помощь:

— Не будь ведьмой, деточка. Все шло так хорошо...

Фифи и сама это знает. Ей тоже не хочется быть ведьмой. Да, спектакль начался хорошо, публика не скупилась на аплодисменты, цирк был переполнен. Все довольны, она сама первая. Но у нее на груди спрятано письмо от начальницы гимназии-интерната. И Фифи должна быть сильной, должна бороться. Вот уже два месяца она не вносит плату. Через десять дней начальница вернет ей девочку. А ее дочери нечего делать в

цирке. Только не это. Нужно бороться, нужно бороться. А глаза Луиджи умоляют ее. Луиджи всегда был к ней так добр, помогал. Но если сейчас она не настоит на своем, Луиджи отложит расчет на завтра, а там навалятся неотложные платежи. И девочку пришлют в цирк. А тогда — прощай все ее надежды, прощай мечты, которые она лелеет вот уже четыре года, с таким трудом платя за учение Эльвиры. Когда у Фифи родилась дочь, она читала роман «Эльвира, умершая девственницей». Теперь у Фифи нет денег на романы. Она отдает начальнице все, и этого едва хватает. Ждать больше нельзя. Если сейчас Фифи уступит, если не настоит на своем, рухнет воздушный замок, возведенный ценою огромных жертв.

* * *

Маленький провинциальный город — еще гораздо меньше, чем Фейра-де-Санта-Ана. Место учительницы младших классов получить нелегко, но в таких городишках домик стоит недорого. Перед домишком будет маленький сад, Фифи разведет в нем цветы, гвоздику, которую она так любит. Поставит скамейку, чтобы читать старые романы в пожелтевших обложках. Школу откроют тут же, в доме. Эльвира будет учить детей, Фифи — вести хозяйство, готовить обед, убирать, украшать цветами, огненными гвоздиками стол учительницы. Самым маленьким ученикам Фифи будет как бабушка. Перезнакомится со всеми в городе. И никто никогда не узнает, что была она когда-то циркачкой, певичкой в бродячей труппе, уличной девкой, если дела шли плохо. Седые волосы придадут ей благородный вид доброй и бедной дамы. Наступит счастливая старость. Фифи будет плести кружева, если она не забыла еще, как это делается, на платья самым маленьким девочкам. Когда придет глубокая старость, Эльвира станет за ней ухаживать. Будет гладить ей волосы, как ребенку. Домик, а перед домиком — сад с огненными гвоздиками. Поэтому нужно бороться, нужно быть сильной, быть ведьмой, выстоять. Красная от стыда, Фифи открыла им свою тайну, показала письмо начальницы. Луиджи растрогался, обнял ее, поклялся:

— Я заплачу вам сразу после спектакля, Фифи. Даже если не хватит денег на корм для льва.

Зрители свистели, орали, смотрели на часы, ругали служителей. Началась пантомима. Там было такое место, где Антонио Балдуино целует Розенду. Негр плохо знал, что ему делать, он терпеть не мог заучивать, но

про поцелуй помнил крепко. Он то и дело улыбался, подмигивал Розенде — та делала вид, будто не понимает его намеков. В нужный момент негр крепко поцеловал танцовщицу в щеку и сказал ей на ухо:

— В губы — слаще...

Пантомима имела невероятный успех.

* * *

Джузеппе сидит, наверное, в своем бараке, смотрит альбом с фотографиями. Роберт пошел в местное кабаре — надеется соблазнить какую-нибудь женщину своей гладкой прической. Фифи пишет начальнице, извиняется за опоздание, шлет плату за два месяца. В далеком бараке горит свеча. Антонио Балдуино представляет себе, как Луиджи сидит, считает. Жаль его, совсем запутался с этим цирком. Никакой успех уже не поможет.

Что это Розенда так долго переодевается? Негр ждет ее, прислонившись к дверям цирка под потухшей вывеской. Рычит лев. Голодный, наверное. Исхудал бедняга, кожа да кости. Медведю лучше, на каждом представлении выпивает бутылку пива. Как-то Луиджи додумался налить воды вместо пива. Не тут-то было. Публику он обманул, медведя — нет. Не стал медведь воду пить. Вышел конфуз. Ну, и смеялся Антонио Балдуино, когда Розенда рассказала ему этот случай. Долго она одевается. Розенда Розеда — какое необыкновенное имя... Ее по-настоящему зовут Розенда. А Розеда — изобретение Луиджи.

Ну и красотка, с такой держи ухо остро. Говорит — не все поймешь. Рассказывает про столичную жизнь, про окраины Рио — трущобы, Салгейро, расписывает праздники тамошних клубов, названия одни чего стоят... «Жасминный Сад», «Лилия Любви», «Капризы Красавиц». У Розенды танцующая, вызывающая походка. Наверное, вправду жила в Рио. Околдовала Антонио Балдуино черная красавица. Хоть и воображает она и голова у нее черт знает чем забита. Хоть и ускользает в тот самый миг, как негр думает: теперь-то она у меня в руках... Околдовала — и все тут. Да кончит ли она одеваться? Почему погасила свечу и задернула занавеску, которая служит дверью? Наконец Розенда выходит на лунный свет.

— Я тебя жду...

— Меня? Вот уж никак не думала...

Они идут гулять. Негр рассказывает о своих приключениях, Розенда внимательно слушает. Антонио Балдуино возбуждается, вспоминая, как

убежал в лес, как вырвался из ловушки, как поразились преследователи, когда он выскочил на них с ножом в руке. Розенда Розеда прижимается к негру. Ее грудь касается его локтя.

— Хороша ночка!.. — говорит он.

— Звезд сколько...

— Храбрый негр, как умрет — станет звездой небесной...

— Мечтаю танцевать в настоящем театре, в Рио...

— Зачем?

— Обожаю театр. Когда была маленькой, собирала портреты артистов.

Мой папа — португалец, у нас своя лавка была, вот.

У Розенды прямые волосы — верно, тщательно распрямляет их раскаленными щипцами. Волосы, как у белой, даже еще прямее. «Дуреха», — думает Антонио Балдуино. Но он ощущает прикосновение ее груди и вслух говорит, что танцует она здорово.

— Все прямо взбесились... как хлопали...

Розенда теснее прижимается к негру. Антонио Балдуино заговаривает ей зубы:

— Когда хорошо танцуют, это по мне...

— Я чуть не поступила в настоящий театр. У одного нашего соседа был знакомый, швейцар из «Рекрейю». Папа не разрешил. Папа хотел, чтобы я вышла замуж за приказчика... такого неинтересного...

— Не выгорело дело?

— Нашли дурочку! Он мне нисколько, не нравился... противный португалец...

Она еще что-то хотела сказать, но Антонио Балдуино спросил:

— А дальше что?

— Потом я познакомилась с Эмануэлом. Папа говорил, бродяга он, денег ни гроша нет. И верно. Ему и жить-то было не на что. Как и тебе, разбойник... Сначала он за мной так ухаживал. Ходили мы с ним на танцы в «Жасминный»... дальше известно что... папа ужасно рассердился, все попрекал меня тем приказчиком, португальцем... Проклял меня, выгнал на улицу.

— Куда же ты делась?

— К Эмануэлу пошла. В трущобу. Но он как напьется, так бить меня. Собрала я мои вещички, ушла. Трудно мне было. И кухаркой работала, и официанткой, и нянькой. Клоун один из Рио привел меня в цирк. Мы друг другу понравились, стали жить вместе. Как-то сбегала испанка, танцовщица с кастаньетами, меня приняли на ее место. Я имела потрясающий успех, ты бы видел! Клоун мне надоел, мы поругались, я

перешла в другой цирк. Потом попала сюда. Вот и все.

Антонио Балдуино только и придумал что сказать:

— Да уж...

— Когда-нибудь поступлю в настоящий театр. Ничего, что черная. Подумаешь... В Европе есть негритянка, за ней белые еще как бегают... мне одна моя хозяйка рассказывала...

— Слышал...

— Поступлю обязательно. Буду знаменитой артисткой, не думай...

Негр ухмыльнулся:

— Странная ты! Как луна!

— Придумал!

— Кажется — совсем близко. А не достанешь... далеко...

— К тебе-то я близко...

Негр крепко обнял ее за талию, но Розенда Розеда вырвалась, убежала в барак.

* * *

Он пошел в городской бар. Бар унылый, хотя сегодня здесь немного оживленнее из-за цирка. Не будь представления, все отправились бы по домам спать, едва соборные часы пробьют девять. За столиком сидит тщательно одетый Роберт и ест глазами одну из танцующих. Негр подсаживается к нему. Роберт спрашивает:

— Тоже женщину ищешь?

— Нет. Выпить пришел.

Женщин мало, все они — старые. Та, на которую смотрит Роберт, — просто раскрашенная старуха. Женщины сидят за столиками, улыбками завлекают мужчин.

— Почему ты не пригласишь ее?

— Сию минуту.

В углу сидит девушка. Почему Антонио Балдуино думает, что она — девушка? Он выпил, правда, но от двух рюмок кашасы ему не опьянеть. Почему же он так уверен, что женщина с бледным лицом и гладкой прической — девушка? Она сидит в углу и ничего не видит, ни на кого не смотрит, она так далеко от этого бара, от окружающих, от стакана с выпивкой, что стоит перед ней на столе. Был бы здесь Толстяк — Антонио Балдуино попросил бы его сочинить историю о бедной брошенной девочке,

у которой нет ангела хранителя, у которой никого нет на этом свете. А был бы здесь Жубиаба — Антонио Балдуино попросил бы его наслать порчу на подлеца хозяина этой девушки, который заставляет ее ходить в бар и пить водку. Антонио Балдуино смотрит на Роберта — тот перемигивается с раскрашенной старухой. Может быть, она и не девушка... Нет, сразу видно — девушка, и подлец хозяин хочет продать ее. Она сидит в углу, в баре, за столиком, но глаза у нее — отсутствующие, невидящие. Она невидящим взглядом смотрит в окно. Думает, наверное, о своих маленьких голодных братишках, о больной матери. Отец у них умер. Поэтому она здесь.

Сегодня ночью она продаст свое тело и купит лекарства. Ведь мама ее больна, ей совсем плохо, а позвать доктора, пойти в аптеку — денег нет. Антонио Балдуино хочет подойти к ней, предложить помощь. У него, правда, нет ни гроша, да ничего, стащит у Луиджи. Какой-то приказчик пригласил ее танцевать танго. Она продаст себя тому, кто больше заплатит. Но что она понимает в деньгах? Она, может, ничего и не получит, и ее мать умрет.

Все напрасно. Ее мать погибнет, братишки тоже — у них огромные вздутые животы и землистые личики. Найдется какой-нибудь мужчина — тот же эквилибрист Роберт — и станет торговать ее девственным юным телом. Будет продавать ее всем — батракам, шоферам... А она полюбит флейтиста, и Роберт будет избивать ее, и она умрет от туберкулеза, как ее мать. У нее даже не будет дочери, которая могла бы стать проституткой, купить лекарств. Она, кажется, уходит с приказчиком? Нет, Антонио Балдуино этого не допустит. Он ограбит Луиджи, он похитит деньги, отложенные на корм для льва, но он не позволит этой девушке потерять невинность. Антонио Балдуино быстро проходит вперед, кладет руку на плечо молодого человека:

— Пусти ее.

— Не лезь.

Женщина смотрит на них отсутствующим взглядом.

— Она девушка, ты что, не видишь? Она хочет спасти свою мать... но напрасно...

Приказчик отталкивает Антонио Балдуино. Вдребезги пьяный негр валится на ближайший столик. Он плачет, как маленький. Приказчик уводит женщину. На улице она говорит:

— До чего упился — вообразил, что я девушка...

Почему ее спутник расхохотался? Она тоже хочет смеяться, до упаду смеяться над пьяным негром, и не может, у нее вдруг сжимается горло. Ее охватывает тоска. Такая тоска, что она, не говоря ни слова, бросает

мужчину, который все еще хохочет, ничего не поняв, и одна идет в свою комнату. Она засыпает сном девственницы, который будет длиться вечно, потому что она приняла цианистый калий.

В баре, невероятно пьяный, поет Антонио Балдуино. Ему аплодируют. Он отбил у Роберта-эквилибриста его старуху. Они повздорили с хозяином бара, потому что им нечем заплатить за выпивку. Вернувшись в цирк, негр идет прямо в барак Розенды. Для этого он и напился.

* * *

Луиджи не расстается с карандашом, считает, считает.

Лев дико рычит в своей клетке, но совсем не потому, что он кровожаден. Он такой же смирный, как конь Ураган. Лев рычит от голода. Кормить его не на что.

Расчеты не помогают Луиджи. Вот уже двое суток Джузеппе не пьет — нет денег и на каплю спиртного. В кредит больше никто не дает. Жизнь Джузеппе невыносима без выпивки. Выпивка возвращает его в прошлое, к тем, кого он любил, кого уже нет в живых. Когда Джузеппе трезв, он должен думать о делах цирка, о том, что нечем платить артистам и они становятся грубыми и ленивыми. Ни разу больше представление не дало такого сбора, как в день премьеры. Две недели в Фейра-де-Сан-та-Ана прошли неудачно. За два спектакля цирк показал все свои номера, за два спектакля в нем побывало все население города. Только в прошлый понедельник пришли еще какие-то зрители, крестьяне, заночевавшие с воскресенья. Но их было мало. Публику привлекла бы только борьба, а борьбы не было. Никто больше не рисковал драться с Антонио Балдуино. Напрасно администрация увеличила награду до десяти тысяч, напрасно боксер Балдо ставил две тысячи за свою победу. Слава Черного Гиганта гремела по всей округе, и никто не хотел опозориться, быть публично избитым. На малолюдных спектаклях Антонио Балдуино делал что придется, боролся с медведем, победа над которым давалась слишком легко, играл на гитаре, когда танцевала Розенда. Негра мало беспокоило отсутствие денег. У него была Розенда Розеда, ни о чем другом он не думал. Ночи, проведенные с черной танцовщицей, с лихвой вознаграждали за все. Негр равнодушно переносил и пьянство Джузеппе, и молчание Роберта, и бесконечные жалобы Пузыря.

Пузырь был вынужден уйти из университета со второго курса, хотя у

него были отличные оценки по всем предметам, кроме гражданского права, потому что к нему придирался преподаватель. Папаша слыл богачом, швырял деньги направо и налево. Жили в шикарном доме, сестренку учили музыке, французскому, английскому. Мечтали съездить в Европу. У старика было больное сердце, но об этом никто не знал. Скончался он скоропостижно, переходя улицу. И что бы вы думали? Оставил одни долги. Пришлось Пузырю взять прозвище, полученное еще в школе, и надеть голубой костюм, расшитый желтыми звездами, да еще с луной на заду. Клоун рассказывал эту историю и всегда кончал ее так:

— Я бы мог стать бакалавром прав. Я бы занялся политикой, у меня большие способности к политике. Сейчас я был бы депутатом парламента.

Фифи мрачно изрекала, что все в руках божьих. Антонио Балдуино незаметно проскальзывал в барак Розенды и моментально забывал и Пузыря, и Фифи, мечтавшую о счастливой старости, и Джузеппе, ждавшего смерти, и вечно погруженного в расчеты Луиджи, и Роберта, который молчал и даже не требовал жалованья.

* * *

Чтобы перебраться в Санто-Амаро, продали коня Урагана и часть скамеек. Луиджи непрерывно считал. Никто не покупал льва, а лев съедал так много. Однажды ночью бесследно исчез Роберт. Луиджи испугался, что Роберт украл деньги, отложенные на самое необходимое, но все было цело. Наверное, эксцентрик зайцем сел на корабль, отходивший ночью в Баию. Нашелся человек, пожелавший сразиться с Антонио Балдуино, но не выдержал и первого раунда. Благодаря этой победе цирк смог переехать в городок Кашоэйру. Путь лежал через Фейра-де-Санта-Ана. Ехали на двух грузовиках. В свое время прибыли на семи, да и то лишь из-за скаредности Луиджи. Машины были страшно перегружены. Теперь вся труппа и все имущество цирка свободно поместилось на двух. Джузеппе рассказывал, что, когда Большой международный цирк переправлялся из Италии во Францию, фраговали два парохода, да еще сухопутным путем шел обоз из тридцати четырех огромных фургонов. Джузеппе был выпивши и всю дорогу разглагольствовал о великом прошлом своего цирка. Луиджи мечтал поправить дела в Кашоэйре и Сан-Фелисе. Оба городка совсем рядом, в Сан-Фелисе две табачных фабрики. Может быть, лучше поставить цирк именно там. Фифи прерывает размышления Луиджи. Она спрашивает, как

ей в этом месяце послать плату в гимназию-интернат. Луиджи пожимает плечами:

— Хватило бы на еду...

Пузырь снова рассказывает Человеку-Змее свою жизнь. Тот слушает с безразличным видом. На другом грузовике до упаду хохочут Розенда Розеда и Антонио Балдуино. Негр берет гитару и запекает только что сочиненную самбу:

Жизнь хороша, моя мулатка...

Фифи думает иначе, Пузырь — тоже. Джузеппе плачет. Луиджи выходит из себя. Человек-Змея слушает с безразличным видом.

* * *

Цирк обосновался в Сан-Фелисе. Цирк — радость бедняков, а Сан-Фелис — город рабочих. Нашелся охотник бороться с Антонио Балдуино — негр, бывший моряк. Борьбу широко разрекламировали. Луиджи, довольный, потирал руки, его уже не раздражали самбы Антонио Балдуино. Клоун проехал по городу, мужчины острили, женщины смеялись. В вечер премьеры площадь перед цирком сверкала огнями, пришел оркестр, прибежали мальчишки, у входа негритянки продавали африканские сладости. Для важных господ слуги принесли кресла. Было много народу из Кашоэйры. Программу открывала Фифи. Без Роберта и Урагана труппа стала совсем маленькой, и Луиджи не представлял артистов. Фифи ходила по проволоке. Потом публику развлекал клоун. Танцевала Розенда Розеда. Но Антонио Балдуино не аккомпанировал ей на гитаре. Сегодня он — Балдо, Черный Гигант. Жужу выступила с медведем и обезьяной. Под куполом висели трапеции. Фифи должна была работать еще раз, чтобы заполнить программу. Служители готовили трапеции, те раскачивались из стороны в сторону. Все смотрели вверх. Вышла Фифи в зеленой юбочке, поклонилась публике, поднялась по трапеции. Вдруг на арену выскочил человек в потертом будничном костюме. Он шатался, как пьяный. Это был Джузеппе. Луиджи бросился было за ним, но зрители заплодировали — подумали, это второй клоун. Джузеппе бежал по арене, крича:

— Она упадет! Она сейчас упадет!

Зрители хохотали. Они захохотали еще громче, когда Джузеппе сказал:

— Полезу, спасу бедняжку...

Его не удалось удержать. Он взобрался под самый купол с ловкостью, которой от него никто не ожидал, и принялся раскачивать вторую трапецию. Зрители ничего не понимали. Фифи застыла, пораженная, не зная, что делать. Луиджи и двое служителей полезли вверх. Джузеппе подпустил их совсем близко, потом качнулся вперед, отпустил трапецию и сделал лучшее в своей жизни сальто-мортале. Но до второй трапеции он не достал, грохнулся на арену. Его руки, судорожно протянутые к трапеции, казалось, застыли в прощальном взмахе. Женщины попадали в обморок. Часть зрителей бросилась к выходу, другие столпились у тела. Его руки застыли в прощальном взмахе.

АВС АНТОНИО БАЛДУИНО

ЗИМА

Зимние дожди смыли все. Смыли и кровь на том месте, где была арена Большого международного цирка. Луиджи продал скамьи, обезьяну и парусиновый купол фабриканту-немцу, разделил деньги между актерами и объявил, что цирк распущен. Жужу подалась в Бонфин, там гастролировал другой цирк... Уезжая, она сказала:

— Никогда не видела такого нищего цирка... И все-таки хорошо было с вами.

Луиджи забрал Фифи и льва, отправился странствовать по захолустным городишкам. Они показывали представление за гроши, в наскоро сооруженном балагане. Человек-Змея устроил себе бенефис в местном театре и исчез неизвестно куда. Антонио Балдуино подумал, что на табачных плантациях его приняли бы за женщину. Станным он был, Человек-Змея. Не то подросток, не то девушка. Негр не заметил, что мужчина, ушедший с первого представления в Фейра-де-Санта-Ана, был теперь тут, в Кашоэйре. Тип этот немало поездил, бывал в Баие и в Рио. Он ушел сразу после номера Человека-Змеи. Скрылся. Укатил на автомобиле. Потом выяснилось, что путешественника разыскивает полиция, — он украл все деньги из магазина, в котором работал.

При дележке циркового имущества Антонио Балдуино и Розенда Розеда получили медведя. Не знала Розенда, что негр заранее договорился об этом с Луиджи. Антонио Балдуино сказал танцовщице:

— Медведя надвое не разрежешь... А продать, так за него гроша ломаного не дадут.

— А нам-то он на что?

— Возьмем с собой в Баию. Будем показывать на ярмарке Агуа-дос-Менинос.

— Или в театре... — неуверенно добавила Розенда Розеда.

— Можно. — Негру не хотелось спорить.

На пристани им сказали, что баркас Мануэла должен прийти через два дня.

И они стали ждать «Скитальца».

Зимой река вздулась. Нескончаемые дожди смывали в нее всякую всячину. Мутный поток нес с корнями вырванные деревья, трупы животных. Плыла даже дверь, похищенная рекой у какого-то дома. Рифы исчезли под водой, никто не отваживался выходить на рыбную ловлю. Река

стала коварной, опасной, редела, как дикий зверь. Зеваки собирались на мосту и смотрели вниз, туда, где змеями ползли, извиваясь, мутные струи. В воздухе стоял сладковатый табачный запах. Этой зимой река поглотила уже два баркаса. На табачной фабрике появились работницы в трауре.

Вечер. Потоки воды низвергаются с неба на землю. Ох, уж эта Розенда... Совсем ей было незачем уходить из пансиона доны Раймунды... выдумала, будто идет гулять... Она, конечно, побежала в Кашоэйру. Оставила его, как дурака, сидеть с медведем. Медведь беспокоится, вздрагивает. Раздражает его стук дождя по крыше, и шум реки, и табачный запах. Медведя одного в меблированных комнатах не оставишь. Куда это ушла Розенда на ночь глядя? Негр Антонио Балдуино ударяет кулаком по столу. Ошибается Розенда. Он не осел, он прекрасно понял, что это за прогулка... Она думает, он не видел, как за ними увязался немец в ту ночь, когда разбился Джузеппе. С тех пор не отстаёт, ходит, как привязанный. Не раз уж хотел Антонио Балдуино поговорить с немцем, как мужчина с женщиной, выяснить, чего тому надо. Вот и сегодня сказал Розенде:

— Спрошу-ка я у этого гринго, за кого он меня принимает...

Да отговорила Розенда. Глупо, видите ли, ни с того ни с сего ссориться с человеком. Гринго на нее и не смотрит... Эх, женщина... легко же она обвела вокруг пальца Антонио Балдуино. Поверил, как дурак. Теперь-то он наконец прозрел. Ясное дело, побежала к немцу. В эту самую минуту наставляет с ним рога Антонио Балдуино! Бесстыжая тварь! Ничего не скажешь, любить ее сладко. Но с ним, с Антонио Балдуино, шутки плохи. Он сам бросает своих любовниц. Розенда играет с огнем. Где она сейчас? В гостинице, с немцем? У немца, видимо, есть деньги. Ничего, Антонио Балдуино их проучит... уж он их проучит. Дождь барабанит по крыше. Пойти, накрыть их? Или самому запереться изнутри в комнате? Пусть черная торчит всю ночь на улице, под дождем. Нет. Как ему не хватает горячего гибкого тела Розенды! Розенда Розеда отдается, будто танцует. Никто с ней не сравнится в любви! Негр улыбается. Ночь холодная, дождь льет как из ведра. В ногах у Антонио Балдуино примостился кот, греется. Кровать старинная, удобная. Тюфяк мягкий. Такая постель редко бывает в меблированных комнатах. Любопытно, в какой постели лежит Розенда со своим гринго? Пусть будет у них дрянная, жесткая койка. Отлупить надо черную дуру, и все тут. Не стоит убивать человека из-за такой потаскухи. Ладно, пырнул ножом Зекиню, но Арминде двенадцать лет было. И жизни-то еще не видала. Дите. Тот негр, которому восемнадцать лет тюрьмы дали, убил гринго. Но Мариинья была девушкой и невестой негра. Надо задать немцу хорошую трепку, а Розенду бросить. Холодно, черт

побери. Антонио Балдуино гладит кота. Тот доволен, трется головой о его ноги. Нет, не пойдет он разыскивать Розенду и гринго. Медведь вздрагивает. Дождя, что ли, боится или вспомнил кого-нибудь? Может ли медведь тосковать? Бедняга... сколько уж лет живет без медведицы. Сам Антонио Балдуино без женщины и недели не выдержит. Негр самодовольно ухмыляется. А может, медведь холощенный? Антонио Балдуино решил проверить. Зверь недовольно съежился. Вот те на. Да это медведица. Что же он будет делать с ней в Баие? Разве выпустить ее на холме Капа-Негро. То-то все перетрусят, подумают — оборотень. Дождь перестал. Антонио Балдуино встает с постели, спихивает кота. Пойдет все-таки искать Розенду. Но дверь отворяется, и Розенда Розеда входит в комнату, ослепительно улыбаясь. Заметив мрачное лицо негра, смеется, подходит к нему:

— Ты сердисься, любовь моя? Устал сидеть с мишкой?

— Думаешь, я дурак? Думаешь, не знаю, что ты ходила к этому гринго?

— Какой еще гринго, господи?

Ишь как удивилась — будто вправду не понимает, какой гринго... Но его, Антонио Балдуино, не проведешь. Он знает — женщина тварь лживая, вероломная. Всякий раз, как негр думает о женской подлости, он вспоминает Амелию, служанку португальца-командора. Вот уж врал без зазрения совести, а лицо при этом делала невинное, ангельское. Может, и Розенда лжет ему сейчас с невинным лицом.

— Где ты была?

— Уж и к соседке нельзя пойти?

— К соседке...

— Можешь спросить супругу сеньора Зуки... Я у них была... Она знает моих родственников, которые здесь жили...

Медведь беспокоится, бродит по комнате. Антонио Балдуино не очень-то хочется спорить. Он готов принять все ее оправдания. Ему хочется одного: улечься в мягкую постель, обнять горячее тело Розенды. Дождь усилился, потоки воды стекают по черепице. Крыша протекла, посреди комнаты вода размывает глинобитный пол. Медведь тревожится, ходит вокруг лужи. Розенда ласкает его, гладит медвежьей шерстью. Напрасно: медведь не успокаивается. Негр растянулся на кровати, думает, как бы заключить мир. Он хочет, чтобы Розенда Розеда была рядом, хочет обнять ее гибкое танцующее тело. Завтра, может быть, он изобьет ее, бросит. Но не сейчас. Сейчас ему нужно тело Розенды, тепло Розенды. Но он ее обидел, теперь с ней так просто не помиришься. Розенда надулась, возится

с мишкой. Не знает негр, как к ней подступиться. Он закрывает глаза, но Розенда не подходит к кровати. На улице льет дождь, воет ветер, врываясь в щели. Неужели Розенда не чувствует его призыва? Сердится на него. А вдруг она не лжет? Вдруг и вправду болтала с вездесущей соседкой, женой Зуки? Розенда снимает платье. Оно сухое. Бегала бы под дождем к немцу — насквозь бы промокла. Просто он остался один, вот всякая чушь и полезла в голову. Кот прижался к ногам Антонио Балдуино, тепло от него. Но только ногам тепло. А самому холодно. Дождь барабанит по крыше. Антонио Балдуино пытается вспомнить стихи, слышанные от Толстяка. Стихи о дожде, стучащем по крыше, и о женщине, которая пришла на рассвете. Антонио Балдуино не помнит, она пешком пришла или прискакала на коне. Розенда Розеда сбросила сорочку. Ее обнаженная грудь заполнила комнату, затмила свет перед глазами Антонио Балдуино. Мало у какой девушки такая красивая грудь, тугая, высокая. Антонио Балдуино кидает сигарету на пол, делает нечеловеческое усилие, говорит:

— Медведь-то наш — баба...

— Что?

— Медведица это...

Розенда Розеда склоняется к Антонио Балдуино. Под шум дождя, под вой холодного ветра Розенда Розеда танцует для Антонио Балдуино. Он поддает кота ногой, тот с мяуканьем удирает.

* * *

«Скиталец» подошел к пристани под дождем. Мария Клара сварила кофе для Антонио Балдуино и Розенды. В обратный рейс хотели идти той же ночью, сразу после погрузки. Медведя привязали в трюме. Моряк Мануэл рассказывал про Толстяка — похоронил бабушку, опять продает газеты. Жубиаба жив, колдует, по-прежнему устраивает макумбы. Жоакин целыми днями просиживает в «Фонаре утопленников», с ним — Зе Кальмар. Антонио Балдуино хочет знать все обо всех знакомых, о нижнем городе, о судах, которые прибывают и отправляются. Антонио Балдуино вновь приобщается к тайнам моря. Когда он сбежал, побитый перуанцем Мигезом, он разучился смеяться. Он был потрясен, подавлен позором поражения, провалом своей боксерской карьеры, вестью о близкой свадьбе Линдиналвы. Голова шла кругом от притч Жубиабы. Теперь он снова умеет смеяться, он снова с удовольствием будет слушать страшные рассказы

Жубиабы. Потому что за два года скитаний он повидал много людского горя. В его хохоте появилось что-то безжалостное. На лице у него шрам — память о ядовитом шипе, об охоте за ним, Антонио Балдуино, в ночь облавы. Мануэл просит рассказать, откуда у Антонио Балдуино шрам.

Мария Клара смотрит из глубины каюты. Негр рассказывает и думает об океане, о подъемных кранах на набережной, о черных кораблях, ночью покидающих порт.

* * *

Вириато ушел дорогой моря в такую же штормовую ночь. Крабы-сири, щелкая клешнями, впилась в его тело. Старик Салустиано тоже искал в океане путь домой. И женщина, бросившаяся в волны с камнем на шее... Парусник пляшет над затопленными верхушками рифов. Рифов не видно, вода скрыла все. Сегодня Мануэл никому не уступит руль. Все произойдет очень быстро. Парусник налетит на риф. Оборвется разговор Розенды с Марией Кларой. (Ветер треплет волосы Марии Клары, пропитанные запахом моря. Может быть, она никогда не жила в настоящем доме, может быть, она сама — порождение океана.) Погаснет трубка Мануэла. Все исчезнет в пучине — река вздулась и волнуется, словно море. Мануэл никому не уступит руль. Ветер низко нагибает деревья на берегу. Далеко-далеко светит фонарь другого парусника. Кое-где во мраке прибрежных зарослей мерцают огоньки светляков. Подхваченный свежим ветром, парусник мчится, словно моторная лодка. Смерть совсем рядом с ними в эту штормовую ночь. Малейшее отклонение руля — и они врежутся в риф, не видимый под водой. Антонио Балдуино лежит на спине и думает. На небе ни звездочки, черные рваные тучи проносятся, гонимые ветром. От Марии Клары исходит неповторимый аромат моря. Оно уже совсем близко. Мол появляется и уходит назад. Речные берега раздвигаются, исчезают спящие поселки, погруженные в темноту. Антонио Балдуино думает — жизнь нелепа, жить не стоит. Карлик Вириато знал это. Путь моря необозрим. Сегодня оно необозримо, мрачно. Зеленый хребет моря вздыбился волнами. Может быть, море призывает его? Антонио Балдуино, негр, не знающий страха, с детства мечтает, чтобы сложили о нем АВС. АВС поведает черным людям о жизни Антонио Балдуино, полной подвигов. Но если сейчас его поглотит пучина, сказать о нем будет нечего. Негр, не знающий страха, убивает себя, только чтобы не сдать полиции.

В двадцать шесть лет нужно еще жить и бороться, чтобы о тебе сложили АВС. А море призывает его. Море — это путь домой. От Марии Клары веет морским ветром. Она говорит о море, о моряках, о парусниках, о кораблекрушениях, о погибших. Говорит об отце, который был рыбаком и исчез вместе со своей жангадой^[40] во время шторма. От Марии Клары пахнет морским ветром. Она и море неразделимы, оно ей и друг и враг. Море вошло в ее плоть и кровь. А в плоть Антонио Балдуино ничто еще не вошло. В его жизни было все и ничего не было. Он знает только, что он борется и будет еще бороться. Но у него нет ясной цели. Его борьба — зря. Это мучительно, все равно как бить кулаком в пустоту. Сейчас море зовет его к смерти, а голос Марии Клары — к жизни. Мануэл указывает рукой вперед — на горизонте появились огни Баии. Ветер проносится над их головами. В ветре — аромат моря, которым пропитано тело Марии Клары. Огни Баии обещают спасение.

* * *

Розенда устроилась у Толстяка. Вечером пришел старец Жубибаба, все поцеловали ему руку. Старый негр опустился в углу на корточки. Отсвет керосиновой лампы падает на его морщинистое лицо. В лачуге Толстяка нет электричества. Толстяк улыбается, рад возвращению друга. Все слушают рассказ Антонио Балдуино. Медведь спит в углу. Завтра они пойдут на ярмарку Агуа-дос-Менинос, будут показывать медведя за деньги. А пока что отправляются в «Фонарь утопленников», выпивают. Потом Антонио Балдуино ведет Розенду на берег и любит ее у самого моря. Розенда Розеда ворчит: жестко, и песчинки набились ей в волосы, тщательно расправленные раскаленными щипцами. Негр добродушно хохочет. В порту — черные силуэты подъемных кранов.

Ярмарка Агуа-дос-Менинос начинается в субботу вечером и кончается в воскресенье, в обед. Лучше всего здесь в субботу вечером. Лодочники привязывают лодки в Дровяном порту, хозяева парусников ставят их у причала, мужчины несут на продажу разную живность, негритянки торгуют мингау и сладким рисом. Подходят набитые битком трамваи. Все спешат на ярмарку Агуа-дос-Менинос. Кто закупить продуктов на неделю, кто погулять, повеселиться, полакомиться сарапателем, поиграть на гитаре, соблазнить женщину. Ярмарка Агуа-дос-Менинос — праздник. Негритянский праздник с гитарой, смехом, драками. Палатки

выстраиваются рядами. Но большая часть товаров — тут же, на улице, в огромных овальных корзинах, в ящиках. Крестьяне в широкополых соломенных шляпах сидят на корточках, бойко пререкаются с покупателями. Горы батата и сладкого маниока, арбузов, ананасов, бананов. Каких только бананов не найдешь на ярмарке Агуа-дос-Менинос! И чего только вообще здесь нет! Вот предсказатель судьбы. Попугай вытаскивает билетики. Судьба стоит всего два рейса. Розенда покупает билетик. В нем написано:

СУДЬБА

Не верь лстящим тебе, ибо они лгут. Ты простодушна и по себе судишь о людях. У тебя доброе сердце, и ты думаешь, что все добрые. Но это не страшно, потому что ты родилась под счастливой звездой. Твои юные годы пройдут среди увлечений, которые принесут тебе много горя. Ты выйдешь замуж за молодого человека, на которого сначала не обратишь внимания, а потом он станет хозяином твоего сердца и будет единственным, кого ты полюбишь по-настоящему, на всю жизнь. Ты произведешь на свет трех прелестных малюток и вырастишь их с нежной заботой, и они принесут великий мир твоей душе. Ты будешь жить 80 лет. Тебя ждет лотерейный выигрыш по билету Э 04554.

Розенда рассмеялась, Антонио Балдуино сказал:

— Три раза рожать будешь.

— Одна цыганка нагадала мне восьмерых. И дальнюю дорогу. Дорога сбылась — приехала из Рио в Баию. Не соврала цыганка.

Антонио Балдуино думает о том месте «Судьбы», где говорится: «Твои юные годы...» Черт побери, неужели он серьезно влюбился. Уж не выпросила ли она приворотное зелье у старца Жубиабы. Жубиаба еще не пришел на ярмарку. Ему еще рано. Сегодня суббота, сегодня у него много народа. К нему идут все, кому нужна помощь. Тем, кто жаждет излечения от недугов телесных — чахотки, язв, проказы, дурной болезни, — Жубиаба раздает молитвы и травы. Тем, кто страдает от ран сердечных, кого бросила женщина, кто влюблен и робеет, Жубиаба раздает страшные приворотные зелья, мандинги^[41], колдовские приманки. Воскресным утром на улицах Баии полно свертков с мандингами. Жубиаба вызывает любовь, отводит любовь, убивает в мужчине страсть к женщине, заставляет женщину мечтать о мужчине. Жубиабе известны тайны богатых, знакома жизнь бедняков. Он знает все, сидя в своей лачуге на холме Капа-Негро. Жубиаба придет на ярмарку позже, опираясь о посох. Придет, многим уже облегчив страдания, многих вылечив. Жубиаба придет сюда, к ним. Толстяк уже привел медведя. Сколько Толстяку хлопот из-за Антонио Балдуино! Жил себе тихо, продавал газеты — и на тебе, появился Антонио Балдуино, и прощай спокойная жизнь. Толстяк оставляет газеты, идет за другом. Но Антонио Балдуино исчезнет, и Толстяк снова будет выкрикивать названия газет своим звучным печальным голосом. Теперь Антонио Балдуино притащил медведя... Вначале Толстяк его побаивался. Потом ничего,

привык. Медведь заменил ему покойную бабку. Толстяк сам не поест, а мишка будет сыт до отвала. Медведя ведут на цепи, прикрепленной к кольцу, продетому в нос. Представление начинается. Крестьяне сгрудились вокруг. Толстяк пытается сочинить трогательную историю, да только не знает, бывает ли у медведей ангел-хранитель. Что-то не слышал. А без ангела-хранителя неинтересно. Толстяк окончательно решил подарить медведю ангела, но тут подоспел Антонио Балдуино и стал повторять то, что в цирке Луиджи говорил про льва:

— Достопочтенная публика! Чудовище, которое находится у вас перед глазами, поймано в джунглях Африки. Перед вами трижды человекоубийца. Растерзал уже троих укротителей. (Негр напрягает память, хочет слово в слово повторить то, что каждый вечер говорил Луиджи.) Человекоубийца... сейчас мы начнем представление, но умоляю вас: будьте осторожны. Не забывайте: трое уже погибли.

Толстяк всматривается в медвежью морду. Глаза нежные, совсем детские. Страшная несправедливость — называть такого убийцей. Медведь ходит вниз головой. Толпа растет. Розенда Розеда гадает по линиям руки. Мужчины довольны — Розенда щекочет их, приятная дрожь пробегает по телу. Умеет Розенда зарабатывать деньги. Простоватому мулату она говорит:

— Сохнет по тебе одна девчонка...

Мулат ухмыляется. Может, она сама и есть эта девчонка. Розенда прячет никелевые крузачо. Толстяк собирает в соломенную шляпу монетки — плату за медвежье представление. Антонио Балдуино, невероятно нарядный, в красных туфлях и красной рубашке, на все лады расхваливает медведя. Вокруг бушует ярмарка.

* * *

Посреди улицы остановился автомобиль. Мотор заглох. Шофер лезет под машину узнать, в чем дело. Какой-то дядька принимается разглагольствовать:

— Машина — тьфу. Верно я говорю? А вот вы видали, чтобы у лошади мотор заглох? У коня Огня небось мотор не портился.

Он только что рассказывал про коня, который был у его шурина. Дядька — ярый противник лошадиных сил, заключенных в моторе. Он до неба перевозносит всяческую скотину — лошадей, волов. Цитирует

Писание. Жубиаба сидит молча, слушает. Остальные поддакивают. Когда пришел Жубиаба, друзья подсчитали выручку — оказалось пятьдесят девять мильрейсов, целое богатство. Решили покутить на разгулявшейся ярмарке. Медведя взяли с собой. Остановились у палатки, в которой пил Жоакин, да и заслушались историей про коня Огня.

— Во времена, когда напасти этой не было, — рассказчик указывает на осрамившийся автомобиль, — люди жили многие годы. Мафусаил девятьсот лет прожил... В Писании сказано...

— Верно, — кивает старик мулат.

— По двести, по триста лет жили. Сто лет — раз плюнуть. В Писании...

— Говорят, и попугай больше ста лет живет...

Дядька разгневанно оборачивается, но, увидев Розенду, расплывается в любезной улыбке.

— Подолгу жили. Ной прожил, и не помню, сколько. Тогда люди на волах ездили.

Дядька глотнул вина. Старый мулат поддакнул:

— Жили люди.

Хотел показать, что и он кое в чем разбирается. Какой-то негр кивнул, с уважением глядя на человека, читавшего Священное писание.

— Выезжали из дому на арбе, на волах, приезжали куда надо. Теперь поедут на такой вот уродине, — он ткнул в сторону злосчастного автомобиля, — и застрянут посередине дороги... Бензин, видишь ли, кончился. У волов небось бензин не кончался. Потому сейчас столько людей в младенчестве помирает. Машина не божье дело. Дьявольское измышление...

Старый мулат поддакнул. Знаток Библии продолжал:

— В те времена жены и в сто лет рожали...

— Ну нет. Чтоб столетняя старуха родила — не верю... — заявил Антонио Балдуино.

Все засмеялись, кроме мулата.

— В Писании сказано, — возразил защитник езды на лошадях и волах.

Нет, в такое Антонио Балдуино никогда не поверит: «Чтоб столетняя родила? Чушь. Дядька принимает нас за болванов». Негр открыл рот, чтобы сказать это вслух, но заговорил Жубиаба:

— Во времена, когда ездили на арбах, запряженных волами, негры голодали, как и сейчас... Неграм во все времена мучение.

— Правильно! — подхватил старый мулат. — Беднякам во все времена мучение...

Ярмарка вокруг живет своей жизнью. Пока Жубиаба беседует с врагом автомобилей (теперь он говорит о недуге, гложущем его уже много лет), друзья прохаживаются между бараками, останавливаются, переговариваются с крестьянами, лакомятся сладостями. Какой-то пьяница, увидев Розенду, ахнул:

— Хороша стерва...

Антонио Балдуино полез в ссору, но Розенда удержала его:

— Ты что, не видишь — он пьян...

— А он не видит, что ты с мужчиной?

Но тот ничего не видит. Он пил подряд во всех бараках, где торгуют кашасой. Но он сумел разглядеть Розенду, оценить ее красоту. Антонио Балдуино хочет вернуться, прочувствовать нахала.

Вдруг на ярмарке поднялся какой-то шум. Жубиаба уходит домой. С ним автомобиленавистник. Он лелеет надежду излечиться благодаря заклинаниям старца. Шум растет, скандал разгорается. Антонио Балдуино замечает, что с ними нет Толстяка:

— Куда он запропастился?

— С медведем ушел, наверное...

Жоакин не отрывает глаз от Розенды. Не будь она подружкой Антонио Балдуино, уж он бы ее не упустил. На Толстяка ему наплевать.

— С Толстяком что-то стряслось, — говорит Антонио Балдуино и идет в ту сторону, откуда доносится шум.

— С Толстяком... — пугается Розенда Розеда.

Антонио Балдуино и Жоакин бегут на помощь. Розенда ускоряет шаг. Толстяк отбивается от мужчины, который пытается вырвать у него цепь медведя.

Вокруг кричат:

— Пусти! Дай посмотреть!

Антонио Балдуино расталкивает толпу, обнимает Толстяка за плечи.

— Чего ему надо?

— Хочет воткнуть сигару медведю в нос.

— Интересно, что мишка сделает, — смеется мужчина, показывая горящую сигару. На подбородке у незнакомца — шрам, над верхней губой — редкие усики. — Такая морда у него забавная. А ну, дай попробую...

Вокруг хохочут. Антонио Балдуино кусает руку. Жоакин стал за спиной мужчины, того уговаривают двое мулатов. Человек с сигарой отмахивается:

— Пустяки... подумаешь... а ну, дай попробую...

— Валяй, — говорит Антонио Балдуино.

Мужчина подходит к медведю. Поднимает сигару. Медведь пятится. Сигара у самого медвежьего носа. Толстяк вскрикивает. Мужчина летит кувырком, сбитый ударом боксера Балдо. Мулаты, пришедшие с незнакомцем, набрасываются на негра. Но первого перехватывает Жоакин, второго Антонио Балдуино пинает ногой в живот. Толстяк хотел вклеить оплеуху обидчику мишки, но промахнулся и угодил в физиономию какого-то негра, который глазел на драку. Тот звереет. Брат негра бросается на подмогу. Подбегает Мануэл, бросив ананасы, которые привез на продажу. С моряком еще трое. Бой разгорается. Несколько человек бросились разнимать, но сами начали драться. Свалка стала всеобщей. Отовсюду подбегают люди. Солдат выхватывает саблю. Что сабля, когда сверкает столько ножей? На улице напрасно свистит полицейский. Антонио Балдуино по всем правилам нокаутирует типа, не имевшего ни малейшего отношения к ссоре. Тот просто хотел разнять. Человек с сигарой тузит своего дружка. Толстяк отошел в сторону вместе с медведем и издали наблюдает за дракой. Розенда Розеда кусает врагов Антонио Балдуино, размахивает ножом, выхваченным из чулка. Платье на ней разорвано. Ярмарка Агуа-лос-Менинос ходит ходуном. Люди дерутся в свое удовольствие, не важно с кем, не важно за что. Схватываются, валятся, катаются по песку, молотя кулаками друг друга в веселом азарте боя. Негры забыли все. Забыли батат, горы золотых мандаринов, ананасов, бейжу. Они хотят одного — драться. Драться — это здорово, это все равно что петь, слушать захватывающую историю, врать, любоваться ночным морем.

Толстяк стащил для медведя бутылку пива.

Кто-то орет:

— Полиция! конная!

Все прекратилось мгновенно, как началось. Негры вернулись к своим баракам, горам фруктов, бейжу. Ножи исчезли. Конная полиция обнаружила только немного крови на месте схватки. Кто-то закрывает платком порез на лице. Негры довольны, смеются. Не зря прошел вечер, вволю повеселились.

Человек с сигарой говорит Антонио Балдуино:

— Власть подрались.

Он угощает всех пивом, гладит мишку по голове. Начавшийся дождь поливает негров.

НЕГРИТЯНСКИЙ КЛУБ

Клуб «Свобода Баии» приютился в старом доме на улице Кабеса, в третьем этаже. Узкая лестница ведет в большой зал. В зале — эстрада для джаза, по стенкам — стулья для дам. Выпивать в танцзале строго запрещено, столики стоят в зацементированном дворе. Неподалеку — уборная. При зале есть еще комнатуха с зеркалом во всю стену — перед ним дамы поправляют прически. На табуретке перед зеркалом — банка брильянтина, гребень. В дни особо торжественных балов, перед карнавалом, на празднике Бонфина^[42] зал украшают пестрыми бумажными цветами, лентами. Сейчас, в иванов вечер, к потолку подвешено бесчисленное множество ярких воздушных шариков. Бал будет на славу. У «Свободы Баии» солидные традиции. На июньский бал сюда приходят все слуги из богатых домов, все мулатки — продавщицы сладостей на улицах, все солдаты девятнадцатого полка, вообще все негры, сколько их есть в городе. В Баие не так уж много негритянских клубов. Негры предпочитают ритуальные пляски, макумбу. В танцзал ходят только по большим праздникам. Но «Свобода Баии» — особый клуб. Сам старец Жубиаба покровительствует «Свободе Баии». Жубиаба — почетный председатель клуба. Вот почему процветает «Свобода Баии». А еще — в ней играет знаменитый шумовой джаз «Семь канареек». Джаз возник в «Свободе Баии», но теперь без него не обходится ни один праздник в городе. Даже в богатых домах без «Семи канареек» веселье не веселье. Джазисты обзавелись смокингами. Но нигде «Канарейки» не играют с таким огнем, с таким подъемом, как в родной «Свободе Баии». Если в негритянском клубе бал, джаз ни за какие деньги не пойдет в другое место. В «Свободе Баии» джазисты — дома, здесь они одеваются во что хотят, танцуют, болтают с приятелями. «Свобода Баии» — в зените славы, и традиции у нее почтенные. Готовится большой июньский бал.

Всякий раз, как Антонио Балдуино слышит джаз «Семи канареек», ему безумно хочется дирижировать. Даже лучше не джазом, а духовым оркестром — там музыканты в красивой форме, а дирижер идет перед ними спиной вперед, взмахивая палочкой. Антонио Балдуино любит все яркое, блестящее, по душе ему нарядная дирижерская форма. Джазисты одеваются кто во что горазд, а если идут играть в богатый дом, облачаются в смокинг. Негру это не улыбается. Но на худой конец можно в джаз, солистом, тем, кто поет и отплясывает чечетку.

Уже целую вечность Антонио Балдуино не сочинял самб. На табачных плантациях на это просто времени не было. А тут, вернувшись в Баию, сочинил сразу две, их даже по радио передавали. А еще сочинил Антонио Балдуино поэму — АВС о Зумби из Палмареса, до неба превознес негр подвиги любимого своего героя. В поэме Зумби из Палмареса родился в Африке, охотился на львов, тигров, но однажды, обманутый белыми, ступил на палубу невольничьего корабля... И попал Зумби на табачные плантации. Но не мог он примириться с побоями, убежал, собрал войско негров, перебил множество белых солдат, а как попал в ловушку, предпочел смерть плену. Бросился со скалы:

О Африка, где я родился!

Я в сердце тебя сохранил, там ел я кускуз^[43] и бананы, отважным охотником слыл.

...

Палмарес, где на смерть я бился, чтоб вольными стать мы могли.
Нагнали туда полицейских, но все они там полегли

...

С обрыва, врагам чтоб не сдаться, он бросился вниз головой и крикнул: умру я свободным!
Так умер наш Зумби-герой.

Толстяк наизусть выучил АВС, поет его на праздниках под гитару.

Антонио Балдуино снес АВС поэту, который покупал у него самбы. Но поэт купил обе самбы, а про АВС сказал — оно яйца выеденного не стоит. И размер там не соблюден, и много еще чего, Антонио Балдуино не понял. Рассердился негр — он-то считал ЛВС очень удачным — и, получив за самбы тридцать мильрейсов, сказал поэту пару ласковых слов. Облегчив душу, ушел Антонио Балдуино, дома спел свой АВС Жубиабе и Розенде. Они пришли в восторг. Жубиаба договорился с сеньором Жеронимо, чтобы АВС напечатали в «Народной библиотеке», в которой издавали куплеты, песни, заговоры, сказки, анекдоты, молитвы, рецепты по двести рейсов за

книжку. АВС Антонио Балдуино попал в одну книжку с «Историей заколдованного быка» и «Метисом и младенцем». Вскоре его распевали докеры и моряки, от моряков он перешел к слепым музыкантам в маленьких портовых городишках по всей бухте Баии. Все бродяги, все негры пели АВС о Зумби из Палмареса. Теперь у Антонио Балдуино одна мечта — вступить в джаз «Семи канареек».

* * *

Антонио Балдуино был членом «Свободы Баии», но ходил туда редко. Веселья вокруг — хоть отбавляй, а в клубе надо платить за выпивку. А денег у Антонио Балдуино не водилось. Лишь изредка заглядывал он в клуб поухаживать за одной мулаткой. Распорядитель, тучный негр сеу Жувенсио, всегда встречал Антонио Балдуино словами:

— В кои веки почтили наш клуб, сеу Балдуино. Брезгуете нами...

Антонио Балдуино не брезговал. Но в «Свободе Баии» строго запрещено прижиматься к даме, когда танцуешь. Строго запрещено разговаривать с дамой посреди зала. Строго запрещено приходить в нетрезвом виде. Не нравилось это негру, не любил он себя сдерживать. Он крепко обнимал партнерш, частенько бывал пьян. Антонио Балдуино хорошо помнит, как он впервые пришел в «Свободу Баии». Не успел войти, как на него налетел сеу Жувенсио. Джаз гремел в безумном экстазе. Да это — собственная его самба, одна из первых, проданных поэту. Антонио Балдуино пригласил мулатку Изолину, за которой тогда ухаживал. Пошли танцевать, негр облапил мулатку. Тут и подскочил Жувенсио:

— Так не положено... — Сеу Жувенсио был строгим распорядителем.

— Что не положено?

— Лишнее себе позволяете...

— Кто?

— Вы со своей дамой.

Антонио Балдуино дал распорядителю по морде. Сцепились было, да вмешался Жубиаба, и их разняли. Сеу Жувенсио объяснил, что это его обязанность — следить за нравственностью в танцзале. Если на такие вещи смотреть сквозь пальцы, сюда перестанут пускать порядочных девушек. Потеряет доверие «Свобода Баии». Что тогда делать? Пожалуйста, обнимайтесь, сколько угодно. Сеу Жувенсио в чужую жизнь не лезет. Но не здесь. Здесь чтоб был порядок. У нас не веселый дом. У нас — танцзал,

клуб. Высокая нравственность. Антонио Балдуино внял, и они помирились. Негр продолжал развлекаться, танцевать, пить. Пришел Толстяк, совершенно случайно. Все шло прекрасно. Но около часу ночи какой-то сержант принялся развязно танцевать с белой дамой. Сеу Жувенсио предупредил, сержант и ухом не повел. Сеу Жувенсио предупредил во второй раз, а в третий потребовал, чтобы прекратили танец. Сержант грубо отпихнул распорядителя. Антонио Балдуино вступился за Жувенсио, сбил сержанта с ног. Тот ушел, опозоренный. Антонио Балдуино с распорядителем пошли выпить, но сержант вернулся с целым взводом солдат. Что тут только было! Солдаты стреляли. Кто-то со страху в уборной заперся. Кончилось дело пробитыми головами, арестами. Негру удалось скрыться. С того вечера он — видная фигура в «Свободе Баии». Сеу Жувенсио встречает его с распростертыми объятиями, угощает пивом. Но больше всего любит Антонио Балдуино праздники на холме Капа-Негро, в Итапажипе, в Рио-Вермельо. Только во время карнавала хорошо в клубе. Антонио Балдуино приходит, наряженный индейцем, в зеленых и красных перьях. Поет обрядовые песни. В дни карнавала тут здорово. Но сейчас, в Иванову ночь, куда веселее на вечеринке у Жоана Франсиско, в Рио-Вермельо. Там зажгут перед домом огромный костер, будут пускать огненные шары, ракеты. Там вдоволь будет и канжики, сладкой каши из маисовой муки, и вина из плодов женипапо. Но ничего не поделаешь. Придется идти в «Свободу Баии». Розенда сшила себе бальное платье, хочет покрасоваться в клубе. Тщеславная негритянка! Сам-то он пошел бы к Жоану Франсиско.

* * *

Эта Розенда стала просто невыносимой, думает Антонио Балдуино. Командовать им вздумала. Взять, да и вышвырнуть ее на улицу пинком в зад. Требует то одно, то другое, заставила медведя продать, чтобы сделать настоящее бальное платье. Могла бы купить в долг у разносчика-турка. Теперь вот — подавай ей бусы за двенадцать мильрейсов, увидала в витрине на улице Чили. Пошел Антонио Балдуино покупать бусы, но встретил по дороге Висенте, докера, и отдал ему десять мильрейсов для вдовы Кларимундо. Подъемным краном его задавило. Похороны-то профсоюз взял на себя, но докеры хотели собрать что-нибудь для вдовы и заказать венок. Подъемный кран разможил ему голову стальным шаром.

Кларимундо тащил на спине тюк, не мог посмотреть вверх. Вдова осталась и четверо малышей. Антонио Балдуино отдал десять мильрейсов и взялся поговорить с Жубиабой — может, удастся сделать что-нибудь для вдовы. Этого Кларимундо Антонио Балдуино хорошо знал — весельчак был негр, певун, женился на светлой мулатке. Жоакин говорил про нее — «доска!». Хороший был товарищ негр Кларимундо, никогда не отказывал, если нужно помочь. Теперь нет его. Вдова будет жить на подачки. Работает человек, таскает тяжести, корабли грузит, а потом что? Погибнет, оставит жену и детей нищими. Старый Салустиано бросился в море. И Вириато, Карлик, от этих мыслей покончил с собой в штормовую ночь. А он, Антонио Балдуино, о таких вещах думать не любит. Ему другое нравится. Хохотать, играть на гитаре, слушать душеспасительные истории Толстяка, героические истории Зе Кальмара. Сегодня он в плохом настроении, потому что не может пойти на праздник к Жоану Франсиско, должен тащиться с Розендой в клуб. По дороге зайдет в дом Кларимундо. Навестит покойника — бывшего друга. Лучше бы и не ходить ни на какой праздник, а провести ночь над телом покойного. Надо поговорить с Жубиабой, попросить его проводить усопшего. Может, Жубиаба сейчас у них, с Толстяком разговаривает. Лачуга Толстяка недалеко от холма Капа-Негро, иногда Жубиаба заходит к ним поболтать. Не старится Жубиаба. Сколько ему теперь лет? Больше ста, верно. Сколько он всего знает. Это Жубиаба виноват, что вдруг охватывает Антонио Балдуино горькая тоска. Такие вещи говорит Жубиаба, которые камнем падают на душу. Из-за Жубиабы думает Антонио Балдуино о море, в которое бросился Вириато, в котором Салустиано забыл о голодных детях. Да, не тот теперь Антонио Балдуино, что прежде. Смутно у него на душе. На улице-то он хохочет во весь голос — прохожие оборачиваются. Он и сейчас хохочет. Но не оттого, что ему весело. А на зло людям. Негр ускоряет пружинящий шаг. Он почти бежит. Но домой приходит, почти успокоившись, думая о белом костюме, в котором пойдет на бал.

— Где бусы, любовь моя?

Антонио Балдуино обалдело смотрит на женщину. Он совершенно забыл о бусах. Да и десять мильрейсов отдал для вдовы Кларимундо. В кармане одна монетка в два мильрейса. Розенда подозрительно смотрит:

— Где мои бусы?

— Ты знаешь, кто умер?

Но Розенда не знала грузчика Кларимундо.

— Мне так хотелось, а ты не купил. Назло, нарочно! Говоришь еще, что любишь меня... Ну, погоди.

Сегодня, накануне Иванова дня, на улице все люди веселые. Антонио Балдуино тоже хотелось бы быть веселым. Люди идут с такими счастливыми лицами. Все предвкушают необыкновенную ночь. Будут пускать шутихи, жечь фейерверк, бенгальский огонь. Негры говорят только о празднике у Жоана Франсиско, о бале в «Свободе Баии». Один Антонио Балдуино не весел сегодняшней ночью. Кларимундо. Антонио Балдуино мог думать только о погибшем докере.

Розенда капризничает, лезет в ссору. Антонио Балдуино не отвечает, негритянка принимается плакать. Антонио Балдуино подходит к двери, смотрит на улицу. Перед домом Освалдо раскладывают огромный костер. В особняке напротив нарядные девушки пытаются увидеть суженого в чашке с водой. Всем весело. Ему одному тоскливо, хоть в петлю лезь... Вдова Кларимундо плачет, наверное. Но у нее на то причина есть. Мужа потеряла. А у него, у Антонио Балдуино, что? Розенда не в духе? Плевать. Вышвырнуть и пойти к Жоану Франсиско. Розенда стала невыносимой. Антонио Балдуино открывает дверь. Розенда плачет, говорит, что никуда не пойдет. Негр берет шляпу, уходит. Надо известить Жубиабу о гибели Кларимундо.

* * *

Поговорив с Жубиабой и Толстяком (Толстяк сразу пошел к покойнику), Антонио Балдуино вернулся домой. У Розенды лицо злое, но она готова идти на бал.

— Знаешь, Розенда, придется все-таки зайти к Кларимундо.

— Какой еще Кларимундо? — спрашивает Розенда сквозь зубы.

— Докер. Убило его сегодня. Я деньги на похороны отдал, десять мильрейсов. Поэтому и бус не купил.

— Для чего мы туда пойдем?

— Вдову попробуем утешить...

— Я же в бальном платье...

— Ну и что...

Розенда простить ему не может бус, ворчит, что в бальном платье к покойнику никто не ходит. Но собирается идти. Антонио Балдуино на кухне пьет кофе. Из комнаты слышится раздраженный голос:

— В гости к покойнику... виданное ли дело...

Эх, отлупить бы ее как следует! Обнаглела. Желает идти на бал в

голубых бусах за двенадцать мильрейсов... Десять пошли вдове Кларимундо. Два — вот они, в кармане. Хватит на кружку нива. А Розенде бусы бы пошли... только не голубые, а красные. Любит Антонио Балдуино красный цвет. Женщина-то она что надо. В постели с ней ни одна не сравнится. А так — дура набитая. Капризная. Избалованная. Подай ей то, подай это. А воображает-то! В театре, видите ли, выступать хочет. Официанткой работать — не по ней. «Я не для этого родилась». Кофе остыло. Да жидкое оно. Кофе сварить и то не умеет. Вот у жены Кларимундо здорово получается. Что она теперь делать станет... Не найдет второго мужа — голодать будет с детишками. Времена тяжелые, стиркой много ли зарабатываешь. Да и не вынести ей. Вон какая худая — кожа да кости... Розенда сердито спрашивает:

— Ты идешь или нет?

— А что?

— Ты даже не переоделся. Когда же мы на бал попадем? Еще и к покойнику хочешь зайти. Боже, какая глупость. Идти к покойнику в бальном платье. В жизни про такое не слышала...

Антонио облачается в белый костюм, но красный галстук не надевает — ведь он идет к Кларимундо. Негр выходит из дому в отвратительном настроении. Розенда тоже. Идут порознь, будто и незнакомы. Вокруг взлетают огненные шары. Перед домом Освалдо пылает костер. С треском вспыхивают шутихи, лопаются ракеты.

* * *

Не видать Кларимундо праздничных огней в Иванову ночь! Раньше и перед его домом горел костер, шумно взлетали цветные ракеты. Друзья собирались, пили кашасу, вино из женипапо. Сколько раз бывал тут Антонио Балдуино. Веселились они. Пускали шутих, те путались в ногах у неосторожных прохожих. Как-то друзья соорудили шестиметровый цеппелин с тремя огнедышащими отверстиями. Красота. На другой день в газетах фотография появилась. Дом бывал гостями битком набит.

Сегодня здесь тоже тесно. Только нет костра у входа. А Кларимундо — в гробу, и глаза у него закрыты. По небу летают огненные шары. Не видит их Кларимундо. И костра, что перед домом Освалдо, не видит. Прежде они всегда спорили, чей костер больше. На этот раз Освалдо выиграл. Не сравниться с его костром свече, что горит у покойника. Неузнаваем

Кларимундо. Стальной шар снес ему череп, разможил кости, расплющил лицо. Сегодня тоже кто-то запустил огромный огненный цеппелин. Все бросаются к окнам. Пылающий цеппелин летит по ночному небу. Кларимундо не видит. Убил его подъемный кран в порту, во время погрузки. Остальные докеры — здесь. Похороны взял на себя профсоюз. От Кларимундо многие пойдут на бал в клуб «Свобода Баии». Жубиаба не пойдет — останется бдеть над усопшим, благословит его. В руке у жреца покачиваются зеленые ветви. Толстяк тоже останется. Будет всю ночь бодрствовать над телом, помогать старцу Жубиабе. Огненные шары летят по небу. Кларимундо, негр Кларимундо, не зажег ты этой ночью костра у дверей своего дома. Мертвецки напьется сегодня негр Антонио Балдуино, поминая тебя. Теперь подъемные краны — заклятые враги Антонио Балдуино.

Голос вдовы звучит покорно — сбылось страшное предчувствие, мучившее ее.

— Я знала... Каждый день думала — мертвым его принесут... раздавленным...

Старшая девочка, лет десяти, положила голову на стол, плачет. Младший, трехлетний карапуз, смотрит на огненные шары, бороздящие черное небо. Жрец Жубиаба совершает погребальный обряд. Этой ночью Антонио Балдуино будет мертвецки пьян. От соседей доносится музыка. Прощальная самба заполняет дом Кларимундо.

* * *

Танцзал переполнен. «Свобода Баии» дрожит от веселого смеха. Остро пахнет потом, нечем дышать — но этого никто не замечает. Безумствует джаз «Семь канареек». Тесно. Пары почти стоят на месте. Сеу Жувенсио оставил на минутку свои распорядительские обязанности, встречает Антонио Балдуино:

— В кои веки почтили наш клуб...

Сеу Жувенсио одет в строгий синий костюм. Антонио Балдуино знакомит его с Розендой. На ней — светло-зеленое бальное платье. Они стоят в дверях, ждут, пока кончится танец. Наконец музыка стихла. Антонио Балдуино и Розенда Розеда входят в зал. Мулатки оглядывают Розенду, потрясенные ее платьем. Негры не отрывают от нее глаз. Розенда говорит:

— Уставились, будто людей не видали...

На самом-то деле она страшно довольна. Улыбается. В бусах она была бы еще лучше, думает Антонио Балдуино. Он горд успехом своей любовницы. Все смотрят на Розенду, шушукаются. Розенда Розеда проходит по залу, качая бедрами, будто танцует самбу. Антонио Балдуино и Розенда Розеда остановились на самой середине зала, под люстрой. Розенда уходит в дамскую комнату поправить свою прическу из распрямленных волос. Антонио Балдуино разговаривает с друзьями. Жоакин уже сильно пьян.

— Весело тут, приятель... Я уж выпил...

— Я думал, ты у Жоана Франсиско...

— Успею... Я сюда так зашел, на огонек... Хорошо... Девка-то у тебя что надо, а?..

— Розенда? Отбить хочешь?

— Чужими обедами не пользуюсь...

Негры смеются. Кто-то спрашивает, откуда у Антонио Балдуино шрам на лице. Негр врет, будто один подрался с шестерыми. Зэфа тут, исподтишка наблюдает за Антонио Балдуино. Негр подходит к ней, Зэфа жалуется: «Не узнаешь нас, бедных». Розенда выходит из дамской комнаты, ослепительно улыбаясь. Зэфа говорит с завистью:

— Вот твоя госпожа...

Розенда садится рядом с Зэфой на стул Антонио Балдуино — он пошел выпить с Жоакином и сеньором Жувенсио. Джазисты угощаются пивом, танцев пока нет. Но вот снова ударил карнавальным марш. Антонио Балдуино смотрит на танцы, сидя за столиком. Пар слишком много, не стоит сейчас танцевать. Негр с удовольствием разглядывает обновку, рыжие туфли. Шикарные. Жоакин тоже ими любит. Антонио Балдуино решил сходить за Розендой, пусть пока пива выпьет. Встал из-за столика и глазам своим не поверил. Розенда Розеда танцует с каким-то белым. Негр оборачивается к Жоакину:

— Кто этот тип?

— Который?

— Вон — с Розендой танцует.

— Карлос, шофер. Головорез отчаянный...

Где это видано, чтобы дама, пришедшая на бал с кавалером, пошла танцевать с незнакомым мужчиной, не попросив разрешения у своего спутника? Так не делают. Много себе позволяет Розенда. Разозлилась из-за бус, видно, отомстить захотела. Зэфа не танцует. Подходит к их столику, соглашается выпить пива.

— Погляди-ка на свою красавицу, Балдо. Улыбается белому во весь рот. С этим Карлосом лучше не связываться.

Зэффа пошла танцевать с Жоакином. Смеется... Это она над ним, над Антонио Балдуино, смеется. Вообразила, будто он от Розенды без ума, словно его зельем приворотным опоили. Антонио Балдуино велит официанту принести кашасы. Официант хромой, одна нога — деревянная. За соседним столиком сидит подвыпивший негр, у него руки чешутся, подраться бы с кем-нибудь.

Негритянки танцуют. Джазисты в экстазе превосходят себя, из кожи вон лезут. Розенда Розеда танцует с шофером Карлосом. Он шепчет ей что-то на ухо. Это запрещено! Куда сеу Жувенсио смотрит? Что она — рога хочет наставить Антонио Балдуино?

Миленькая мулаточка — вон там, в углу, рядом с толстой старухой. Личико симпатичное, грудь, как у подростка. Розенда подошла к окну, смеется. Почему Антонио Балдуино не может заставить себя думать о миловидной мулатке? Велит принести еще кашасы. И все это из-за бус! Но не мог же он не дать денег для вдовы Кларимундо!

Погиб Кларимундо, подъемный кран задавил его в порту. Голубые бусы... Если бы еще красные! Опять проходит Розенда, смеется. Не поздоровится этому шоферу, Карлосу. Они что, шутить вздумали с Антонио Балдуино? Плохо же они его знают. Негр нащупывает нож, спрятанный в заднем кармане брюк. Красиво можно черкнуть по физиономии. Голубые бусы все равно не пошли бы к зеленому платью. Официант! Еще кашасы. Красные — другое дело... Завтра вдова Кларимундо начнет стирать чужое белье. Ну, что это за работа! Да и тощая она, не выдержит, схватит чахотку. Отлупить надо как следует эту Розенду. Никогда ни одна негритянка не смела так поступать с Антонио Балдуино. Зал переполнен. Танцуют негритянки в бальных платьях — ну, прямо дамы из высшего общества. Негритянка Жоана славится своими нарядами. Но сегодня Розенда затмила всех. Шофер доволен, выставляет напоказ свою партнершу. Антонио Балдуино отдал деньги вдове Кларимундо, а бус не купил. Джаз смолк, но все неистово хлопают, и музыка продолжается. За соседним столиком подвыпивший негр так и лезет в драку. Антонио Балдуино поворачивается к нему:

— Можешь на меня рассчитывать, пареньь.

— Благодарю, земляк... трусы они — ни один драться не хочет.

Он пристает к официанту, к соседям:

— Вы у меня попляшете...

Антонио Балдуино мог бы попросить у Жубиабы приворотное зелье.

Ползала бы за ним Розенда Розеда. Негр-солист поет:

Мулатка, ты меня не любишь...

Нет. Не нужна Антонио Балдуино любовь, рожденная колдовскими чарами. Ему все равно — пусть Розенда идет, куда хочет. Вот только — не допустит он, чтобы с ним так поступали. Пришли вместе, а танцует с другим, не попросив разрешения. Шутить с ним вздумала. Негритянки извиваются под звуки марша. Старый негр рассказывает какую-то историю. Подвыпивший задира перебивает его. Остро пахнет потом. Один мулат уговаривает свою партнершу выйти с ним из зала. Шофер, ясное дело, просит о том же Розенду. Розенда Розеда смеется...

Антонио Балдуино встал. Он отдал деньги жене Кларимундо. Негр подходит к шоферу, хватая Розенду за руку.

— Пошли танцевать!

Шофер вламывается в амбицию:

— Не тронь мою даму!

— Она не твоя. Я ее привел. Платье на мои деньги куплено. Она бусы еще хотела... да я отдал десять мильрейсов вдове Кларимундо, докера. Его подъемный кран раздавил.

Негр тащит Розенду — та струхнула, не знает, что делать. Уж очень Антонио Балдуино любит драться. Но шофер не собирается уступать красавицу. Музыка смолкла, они стоят посреди зала и спорят. Подходит сеу Жувенсио, распорядитель. Стоять посреди зала запрещено.

Шофер взрывается:

— Проваливай!

Подошел Жоакин:

— В чем дело?

Розенда берет его под руку:

— Балдо лезет в бутылку, потому что я пошла танцевать с этим парнем. Успокойте его, сеньор Жоакин.

Теперь на них все смотрят. Пьяный задира предлагает Антонио Балдуино свои услуги:

— Поддержать, земляк?

Сеу Жувенсио велит прекратить эти глупости и делает знак дирижеру. Играют фокстрот. Антонио Балдуино танцует с Розендой. Шофер угрожает:

— Мы еще встретимся...

Розенда Розеда польщена. Антонио Балдуино силой отнял ее у соперника. Розенда нежно прижимается к негру. В красных бусах она была бы еще красивее, думает Антонио Балдуино. Задире удалось наконец устроить драку в глубине зала. Шофер стоит в дверях, глаз не спускает с

танцующих. Драку разняли. Шум стих. Фокстрот продолжается. Сеу Жувенцио азартно хлопает. Тоскливая какая музыка, похоронный марш, да и только, думает Антонио Балдуино. Нет больше Кларимундо. Не видать больше веселому докеру огней в Иванову ночь. Фокстрот кончился. Антонио Балдуино подходит к шоферу:

— Я только хотел показать, что женщину у меня никому не отбить. А теперь, если охота — забирай эту уродину. Мне она не нужна.

Веселье в разгаре, «Свобода Баии» содрогается от неистовой пляски. Грохочет музыка. Антонио Балдуино управляет «Семью канарейками», — дирижер упился, не стоит на ногах. Шофер и Розенда Розеда исчезли. Остро пахнет потом. Негры хохочут, исступленно извиваясь в машише.

"КАРАВЕЛЛА «КАТАРИНЕТА» [44]

На террасе Линдиналва читает сентиментальные романы, стихи о любви. Особенно ей нравится "Каравелла «Катаринета».

Каравелла «Катаринета» плывет по морским волнам.

Может быть, каравелла «Катаринета» привезет жениха Линдиналве. Однажды ей сказал нищий мальчик, что жених приплывет к ней на корабле, по морским волнам. И Линдиналва ждет. Ждет и читает на террасе сентиментальные романы, стихи о любви.

Девушка из особняка напротив вышла замуж, и в переулке Зумби-дос-Палмарес стало скучно: ни разу больше влюбленный не пересек улицу, ни разу больше не бросил на балкон букетик гвоздик. Молодожены сняли квартиру в центре, на оживленной улице, теперь окна особняка не открываются. Не видно портрета молодого военного, убившего своей ранней смертью радость в этой семье. Вышла замуж девушка из особняка напротив, и загрустила Линдиналва. Раньше она из своего сада следила за романом соседки, и гвоздика, которую влюбленный бросал на балкон, говорила что-то и ее сердцу. Эта любовь придавала очарование тихому переулку Зумби-дос-Палмарес. Теперь, после свадьбы соседки, хоть Линдиналва ни разу в жизни не поговорила с девушкой, она чувствует себя совсем одинокой. Амелия старится потихоньку, возится на кухне. Через год после того, как убежал Антонио Балдуино, Линдиналва рыдала на похоронах матери. Овдовев, командор забросил дела, пропадал в веселых домах, пил. С горя, говорили знакомые. Линдиналва грустила одна, покинутая в старом доме. Гуси у них передохли, цветы начали вянуть. Линдиналва читала романс "Каравелла «Катаринета», обрывала лепестки роз, ждала — приплывет к ней на корабле жених. Линдиналва столько мечтала об этом, что нисколько не удивилась, когда из Рио приплыл на пароходе в Баию Густаво — доктор Густаво Баррейрас, юноша из хорошей семьи. Приплыл с дипломом юриста и твердым решением разбогатеть. Густаво вел дела командора в одном процессе и познакомился с Линдиналвой. Красавицей она не была, но веснушки делали ее пикантной, а худенькое тело с высокой грудью дразнило взгляд адвоката. Они стали женихом и невестой. Будущее казалось безоблачным. Переулок Зумби-дос-Палмарес повеселел. Они гуляли под руку, Густаво говорил так красиво. Через каменную ограду особняка напротив тянулись алые маки — посмотреть на влюбленных. Алые маки, сочные, влажные, будто губы,

просящие поцелуй. Однажды Густаво сказал:

— Маки вводят во грех, — и поцеловал Линдиналву.

Ветер покачивал головки маков. Линдиналва была так счастлива, что ее даже перестал преследовать в кошмарных снах негр Антонио Балдуино. Теперь ей снился жених, уютный домик, сад, маки. Много-много алых маков, прекрасных, как грех.

* * *

Командор разорился (знакомые говорили, все промотал на девок). Жених оказался на редкость преданным. Но хотя и старался изо всех сил, спасти ничего не смог. Командор пропадал в дешевых домах терпимости. Густаво каждый день приходил к Линдиналве. Пришлось уехать из особняка (пошел за долги), снять квартиру на окраине. Деньги на хозяйство давал Густаво. Однажды лил дождь, была непогода — его оставили ночевать. Командор не возвращался из публичного дома. Дверь в комнату Линдиналвы была приоткрыта. Густаво вошел. Она спряталась в простыни. Она улыбалась.

Не думала Линдиналва, что все так скоро изменится. Несколько ночей они провели вместе, вначале она была так счастлива. Сладкие ночи любви, поцелуи, от которых болели губы, руки, ласкавшие грудь, словно обрывали лепестки маков. Потом Густаво начал приходиться реже, говорил — занят, дела идут плохо. Три раза назначали свадьбу — и три раза откладывали. Командор умер в постели у проститутки, об этом сообщили газеты. Густаво счел себя оскорбленным, жаловался, что пострадает его карьера, не явился на похороны. Через несколько дней прислал две бумажки по сто мильрейсов.

Линдиналва написала, что хочет с ним повидаться. Он пришел только через неделю. И был он такой мрачный и так торопился, что она даже не заплакала. Даже не сказала ему, что ждет ребенка.

ПЕСНЯ О МИЛОМ ДРУГЕ

Это Амелия рассказала Антонио Балдуино, что Линдиналва пошла по рукам. Когда несчастье обрушилось на дом командора, Амелия осталась верна Линдиналве. Верна и заботлива. Заменяла ей и отца и мать. Перебравшись на окраину, Линдиналва заставила служанку найти другое место. Амелия не хотела, но Линдиналва настояла на своем, рассердилась даже. И Амелия пошла служить к Мануэлу Алмасу, богатому португальцу, владельцу кондитерской. Антонио Балдуино скитался в это время по табачным плантациям. Когда подошли роды, Амелия помогла Линдиналве. Бросила работу, вернулась к девочке, как она ее называла. Амелия дала деньги, была преданной, тактичной сиделкой. Такой тактичной, что Линдиналва не почувствовала себя униженной. Густаво, женившись на дочери депутата парламента, прислал на ребенка сто мильрейсов. Он умолял сохранить все в тайне. Линдиналва ответила, что он может не беспокоиться, — никто никогда ничего не узнает. Линдиналва снова заставила Амелию поступить на работу. А сама приняла приглашение Лулу — хозяйки самого шикарного притона в Баие. Так началась ее жизнь в «Монте Карло». Антонио Балдуино слушал, низко опустив голову, поглаживая шрам на лице. Была дождливая ночь.

Ребенка, здорового в отца, грустного в мать, взяла Амелия. В эту ночь Линдиналва в невероятно открытом вечернем платье дебютировала в «Монте Карло».

Лулу дала ей инструкции: просить побольше самых дорогих вин, завлекать тучных полковников, владельцев табачных, сахарных, какаоовых плантаций. У Линдиналвы вид хрупкой невинной девочки. Это нравится старикам. И тянуть с них надо побольше. Такова жизнь...

Когда она вошла в зал, играли медленный вальс. На груди у нее — ключ от комнаты. Она отдаст его мужчине, который ее пригласит. Ключ к тайнам ее тела... Линдиналве не хочется плакать. Просто музыка почему-то уж очень грустная.

По залу медленно кружат пары... Рано, гостей еще мало. Только две женщины уже заняты — сидят с какими-то юнцами, пьют пиво.

Линдиналва садится за стол для женщин... Блондинка говорит остальным:

— Это новенькая.

Женщины безразлично смотрят на Линдиналву. Только мулатка с

рюмкой кашасы в руке вдруг спрашивает:

— Что вы собираетесь тут делать?

Голос у Линдиналвы дрожит:

— Я не нашла работы...

Блондинка, француженка, угощает остальных сигаретами:

— Боже, хоть бы пришел полковник Педро... Мне позарез нужны деньги...

Мулатка смотрит в рюмку и вдруг принимается хохотать. Никто не обращает внимания. Все давно привыкли к выходкам мулатки Эунисы. Но Линдиналва вздрагивает. Почему играют этот тоскливый вальс? Могли бы выбрать какую-нибудь веселую самбу. С улицы доносится пьяный гул голосов, звонки трамваев. Там, на улице, — жизнь. А тут — кладбище. Склеп, в котором играет музыка. Эуниса говорит:

— Вы думаете, мы живы? Все мы тут — покойницы. Кончена наша жизнь. Проститутка — все равно что труп.

Блондинка ждет полковника Педро. Ей нужны деньги, она получила письмо от родных из французского захолустья. Ее братишка опасно болен. Родители просят прислать хоть немного, ведь она — хозяйка преуспевающего ателье мод в далекой Бразилии. Блондинка барабанит пальцами по столу.

— Ателье мод... ателье мод...

Эуниса залпом допивает рюмку:

— Могила тут... все мы — трупы...

— Ну, я-то пока живая! — не соглашается черноволосая девушка. — Эта Эуниса выдумает тоже! — Девушка улыбается.

Линдиналва пристально на нее смотрит. Совсем еще девочка. Ребенок. Веселый смуглый ребенок. Блондинка — та действительно старая, вся в морщинах. Вид у нее отсутствующий. Мысли ее далеко, в нездешних краях.

Вальс смолк. Двое посетителей входят в зал, заказывают сложный коктейль, приглашают смуглую девочку. Они гладят ей грудь, хватают за бедра, заказывают еще спиртного, говорят ей что-то на ухо. Линдиналва ощущает беспредельную грусть, беспредельное желание приласкать смуглую девочку. Эуниса закуривает. Может быть, ей тоже жалко девочку?

— Проститутка — все равно как общественная плевательница...

Эуниса думает, что она насмешливо улыбнулась.

Теперь оркестр играет танго. Мелодия поет о любви, об измене, о самоубийстве. Входят местные богачи. С этим коммерсантом Линдиналва

встречалась. Когда-то, в счастливые времена, он обедал в их доме. Отец Линдиналвы умер в таком же заведении, в постели у проститутки. Кто из этих женщин знал его? Кто над ним смеялся? Кто ждал его, чтобы выпросить денег?

Вот и Линдиналва ждет теперь командора, который дал бы ей денег, заказал побольше дорогого вина, чтобы Лулу осталась довольна, не выбросила ее на улицу. Танго поет об измене. Линдиналве не хочется вспоминать о сыне. Он сейчас, наверное, тянет ручонки к Амелии. Когда он в первый раз скажет «мама», он скажет это Амелии. И улыбнется он впервые не Линдиналве. Двое юнцов шушукаются со смуглой девочкой. Что они ей предлагают? Она говорит им — нет. Но сегодня день такой неудачный, гостей так мало... Юнцы настаивают, и она уходит с обоими. Эуниса сплевывает. Она взбешена. Линдиналве хочется плакать. Лулу улыбается, указывает коммерсантам на Линдиналву, говорит им что-то очень тихо. Эуниса предупреждает:

— Ваша очередь...

Линдиналва знает этого господина. Он обедал у них за столом... С этим бы ей не хотелось. Пусть лучше кто угодно другой, пусть даже негр Антонио Балдуино. Но мужчина подзывает ее жирным пальцем. Смуглая девочка пошла с двумя... Линдиналва встает. Лулу делает ей знак поторопиться. Эуниса поднимает рюмку:

— За ваш дебют...

Француженка махнула рукой. Подумаешь. Все они — трупы, об этом поет танго, так говорит Эуниса. Она больше не Линдиналва, бледненькая девочка, бегавшая в парке Назаре. Та Линдиналва умерла, оставив Амелии своего сына. Она проходит рядом с Лулу — та еще раз велит просить шампанского. Смуглая девочка возвращается в зал. Вид у нее испуганный, на глазах слезы. Юнцы смеются, обмениваются впечатлениями. Линдиналва просит шампанского. Потом, уже в комнате, коммерсант (он обедал в их доме) спрашивает, что она умеет, кроме того, что умеют все. Все равно. Они все — покойницы, они все давно умерли. Эуниса пьет вторую рюмку кашасы. Рыдает танго. Так начала Линдиналва.

* * *

Увяла рано Линдиналва, ей больше не место в таком дорогом заведении, как «Монте Карло». Богачи ее больше не приглашают. Теперь у

нее во рту всегда горький привкус кашасы. Эуниса уже перебралась в нижнюю часть города, где женщины получают по пять мильрейсов. Сегодня уходит и Линдиналва, сняла комнату рядом с Эунисой. Днем сходила к Амелии повидать сынишку. Густавиньо такой хорошенький. У него большие живые глаза, пухлые губки, красные, влажные, как тот красивый цветок, о котором говорил Густаво. Линдиналва забыла его название. Зато выучила непристойные слова по-французски, знает жаргон проституток. Но ребенок говорит ей «мама», и Линдиналва чувствует себя чистой, как девушка. Она рассказывает сыну сказки, которые Амелия рассказывала ей когда-то, давно, когда она была еще Линдиналвой. Теперь ее зовут просто Линда, так распорядилась новая хозяйка. Она рассказывает сыну про Золушку, и ей сейчас хорошо... Какое было бы счастье, если бы в этот миг произошла мировая катастрофа и все бы погибли...

Проститутки стоят у открытых окон, делают знаки проходящим мужчинам. Некоторые заходят, другие отшучиваются. Те, что с пакетами, не отвечают, спешат дальше. Эуниса пьяна. Она говорит, что все эти женщины умерли, что они в аду. Старая полька жалуется — не везет ей. Вчера не удалось завлечь ни одного. Сегодня тоже. Придется уходить на Ладейра-до-Табоан. Женщины там получают по полтора мильрейса и чем только не занимаются... и мрут как мухи. Мысли Линдиналвы далеко — в бедной комнатухе Амелии, рядом с сыном. Густавиньо улыбается, говорит «мама». Ей безумно хочется целовать его в пухлые губки, всю жизнь рассказывать ему про Золушку. В столовой хозяйка включила проигрыватель. Дряблые груди Эунисы едва прикрыты сорочкой. Она стоит у окна, зазывает мужчин. Когда Густавиньо вырастет, он, может быть, тоже придет на эту улицу. Но Линдиналвы он не увидит. Ее тогда уже не будет в живых. Она останется в его памяти скромной прекрасной женщиной, которая рассказывала ему о Золушке.

Эуниса говорит, что все они умерли. Полька просит в долг два мильрейса. Юноша с пышной шевелюрой откликается на призыв Линдиналвы. Эуниса говорит:

— За удачу! — и поднимает воображаемый бокал.

В комнате молодой человек спрашивает Линдиналву, как ее зовут, хочет знать всю ее жизнь, рассказывает о своей больной мамочке, которая осталась в сертане, говорит, что Линдиналва прелестна, как цветок белой акации, сравнивает ее волосы со спелой пшеницей, обещает посвятить ей сонет. В столовой гремит самба. Юноша предпочел бы танго, оно романтичнее. Ему интересно знать, что Линдиналва думает о политике:

— Политика — это такая грязь, верно?

Так начала Линда.

* * *

Линдиналва катится по наклонной плоскости. Опускается все ниже и ниже. Вот она уже тоже продажная женщина в нижнем городе, на Ладейрадо-Табоан. Отсюда только два выхода: больница и морг. Отвезут на машине. Либо на «скорой помощи», либо в красном санитарном фургоне.

В нижнем городе на окнах висит белье, в дверях теснятся черные люди. Линдиналва пошла навестить Густавиньо. Он только что болел корью. Сынишка протянул к ней ручонки, заулыбался:

— Мама, мама... — Потом лицо у него стало серьезным, и он спросил: — Ты с нами насовсем останешься, мама?

— Детка, я приду на днях...

— Будет так хорошо, мама.

Линдиналва идет мимо старого лифта, соединяющего верхний и нижний город. Улыбается в ответ на улыбку трамвайного кондуктора. Подходит к тридцать второму номеру. Здесь она сняла комнату.

Густавиньо должен пополнеть. Он так исхудал после болезни. Линдиналва толкает тяжелую старинную дверь с чугунным кольцом. На двери голубой краской намалеван огромный номер: тридцать два. Сверху кричат:

— Кто там?

Линдиналва поднимается по грязной лестнице. Глаза ее почти закрыты, грудь судорожно вздрагивает. Всю ночь она думала... Попыталась заснуть, но всю ночь мучили ее кошмары. Сифилитические женщины с чудовищно распухшими пальцами толпятся у дверей крошечной больницы. Кого-то несут в машину «скорой помощи»... да это — труп командора, умершего в постели у проститутки... И труп Густавиньо. Он умер от кори... Вдруг все исчезло — остался только негр Антонио Балдуино. Он дико хохочет, в руке у него — бумажка в пять мильрейсов и какая-то мелочь.

Она проснулась в поту, хлебнула воды.

Какая страшная ночь. Теперь Линдиналва не думает. Такая уж у нее судьба. Каждый со своей судьбой рождается. У кого она — счастливая, у кого — несчастная. Нечего ждать, что приплывет каравелла «Катаринета». Ее судьба — злая. Тут уж ничего не поделаешь.

Линдиналва идет по лестнице. Она обречена. Вчера мулатка с пятого этажа сказала ей прямо:

— Отсюда, милая, два пути: или в больницу, или в яму... — Она поглядела в окно, на небо. — При мне столько уж увезли...

Линдиналва идет по лестнице, смотрит перед собой невидящими глазами. Где сейчас та Линдиналва, которая играла и смеялась в парке Назаре?

Она идет сторбившись, по впалым щекам катятся слезы. Да, Линдиналва плачет... Слезы падают из ее глаз на ступени, смывают грязь с лестницы.

Линдиналва идет сторбившись, прикрывая рукой землистое веснушчатое лицо. Слезы катятся из ее грустных глаз. У нее сын, ей хочется жить. Но с Ладейра-до-Табоан только один путь: в могилу.

На площадке пятого этажа разговаривают две проститутки:

— Рябая идет. Тише, она плачет...

В голосе — горячая жалость.

Так начала Рябая.

ПОДЪЕМНЫЕ КРАНЫ

Приятели пойдут в «Фонарь утопленников», на набережную. Ночь на берегу моря прекрасна. Они выходят из Байша-дос-Сапатеiros, спускаются по откосу Ладейра-до-Табоан. Вдруг Толстяк заметил новую звезду на небе:

— Гляди... этой раньше не было... Это моя.

Толстяк счастлив. У него теперь своя звезда. Жубибаба говорит, что звезды — это души умерших героев. Видно, умер сегодня храбрец, о котором сложено ABC. И Толстяк открыл звезду. Жоакин тоже хочет найти новую звезду на небе — и не может. Антонио Балдуино думает: кто же умер сегодня ночью? Храбрые есть всюду. Когда сам он умрет, тоже звезда засверкает в небе. И откроет ее Толстяк, а может, какой-нибудь беспризорник, из тех, что просит милостыню, а у самого нож за поясом. Друзья идут по пустынным улицам, полная луна заливает город желтоватым светом. На улицах — никого, окна в домах закрыты, все спят. Негр Антонио Балдуино и его друзья снова хозяева города, как в детстве, в далекие времена, когда побирались они в Баие. Во всем городе только они свободны по-настоящему. Они — бродяги, живут, чем придется, играют на гитаре, поют, спят на песке, у моря, любят чернокожих служанок, засыпают и просыпаются, когда захотят. Зе Кальмар никогда не работал. Он уже стареет, а всю жизнь был бродягой, нарушителем спокойствия, гитаристом, мастером капоэйры. Лучший его ученик — Антонио Балдуино. Превзошел негр своего учителя. Чем он только не занимался. Работал на табачных плантациях, и боксером был, и циркачом. Живет на то, что изредка получает за самбы, поет их на негритянских праздниках веселой Бани. Жоакин работает в месяц дня три-четыре. Таскает чемоданы на вокзале, когда носильщики не справляются. Толстяк продает газеты, когда в городе нет Антонио Балдуино. А вернулся Балдо — прощай, трудовая жизнь. Друзья снова живут праздной, сладкой свободной жизнью в безлюдном, спящем городе.

Антонио Балдуино спрашивает:

— Бросаем якорь в «Фонаре утопленников»?

— Можно...

Глубокая ночь. Откос Ладейра-до-Табоан погружен в молчание. Старый лифт прекратил работу. Башня будто склонилась над городом. Темно. Лишь кое-где в чердачных окнах, в мансардах горит еще свет. Это проститутки, вернувшись с улицы, отпускают последних клиентов.

Жоакин насвистывает самбу. Остальные идут молча. Только свист Жоакина нарушает тишину. Антонио Балдуино думает о том, что рассказала ему Амелия. Думает о судьбе Линдиналвы. Как все меняется. Теперь Линдиналва, верно, не гордая. Захочет Антонио Балдуино — и будет ею обладать. Теперь она ему не хозяйка. Была дочерью командора — стала проституткой с Ладейра-до-Табоан. Продается любому за два мильрейса. Как все меняется! Стоит ему захотеть, и он поднимется по лестнице дома, где живет Линдиналва, и она отдастся ему. Стоит ему захотеть. Стоит заплатить два мильрейса. Негр вспоминает, как он убежал из переулка Зумби-дос-Палмарес. Если бы не оболгала его Амелия, продолжал бы Антонио Балдуино служить в доме командора. На Линдиналву смотрел бы как на святую, работал бы не за страх, а за совесть в хозяйской конторе, не дошло бы дело до банкротства. Но был бы Антонио Балдуино рабом. Амелия хотела его погубить, а вышло к лучшему. Теперь он свободен. Теперь он может обладать Линдиналвой, когда захочет. У нее было лицо святой. И веснушки. Не было тогда желаний, во взгляде Антонио Балдуино. Но с тех пор как Амелия оболгала его, сказав, что он подглядывает, как Линдиналва моется, негр не мечтал уже ни о какой другой женщине. С кем бы ни спал, в его объятиях всегда была Линдиналва. Даже когда любил Розенду. Розенду он уступил шоферу. Теперь она танцует в дешевом кабаре и тоже продается. И уже денег просила в долг. Очень уж задавалась Розенда, вот и получила по заслугам. Линдиналва не задавалась. Но она ненавидела негра Антонио Балдуино и тоже расплачивается. Прозябает на Ладейра-до-Табоан, где живут самые дешевые проститутки. Отребье. Стоит ему захотеть, и она будет с ним спать. Почему же ему невесело, что это он вдруг загрустил — даже полная луна его больше не радует. Разве не ждал он всю свою жизнь дня, когда сможет обладать Линдиналвой? Чего же он медлит? Почему не бежит бегом на пятый этаж тридцать второго номера, не стучится в дверь Линдиналвы? Вот он, дом. Они как раз идут мимо. Улица спит, тишину нарушает только свист Жоакина. Что за холодный ветер дует с моря? Почему Антонио Балдуино дрожит? Из дверей тридцать второго номера выбегает растрепанная женщина. Он сразу узнал Линдиналву. Это уже не человек даже, а отброс человеческий, потерявший на Ладейра-до-Табоан все. Даже имя. Веснушчатое испитое лицо, тощие руки трясутся, безумные глаза горят. Ветер треплет ей волосы. Она преграждает мужчинам путь, ломает руки, умоляет:

— Два мильрейса на кружку пива... Два мильрейса... ради твоей матери...

Мужчины остановились, онемели от неожиданности. Она подумала — эти ничего не дадут.

— Дайте хоть сигарету... хотя бы одну... Я два дня не курила...

Жоакин протягивает ей сигарету. Она смеется, сжимает ее тощими пальцами.

Да, это Линдиналва.

Антонио Балдуино дрожит как в лихорадке. С моря дует холодный ветер. Негра охватил ужас. Он дрожит, ему жутко, он готов убежать, убежать отсюда на край земли. Но он — словно в землю врос. Не оторвать ему глаз от страшного веснушчатого лица Линдиналвы. Она его не узнает — она его даже не видит. Она дымит сигаретой и спрашивает нежным голосом — голосом той, другой Линдиналвы, которая играла в парке Назаре с негритенком Антонио Балдуино:

— А пиво? Вы меня угостите, правда?

Антонио Балдуино вытаскивает из кармана десять мильрейсов. Он отдает их женщине, та смеется и плачет. Не помня себя от ужаса, трясась, будто в припадке, Антонио Балдуино бросается бежать вверх по откосу Ладейра-до-Табоан. Он останавливается только у дома Жубиабы. Он рыдает у ног Жреца Черных Богов, Жубиаба гладит его курчавые волосы, как в день, когда помешалась тетя Луиза.

* * *

Через несколько дней, придя в себя, Антонио Балдуино пошел к Линдиналве. В убогой комнатухе на огромной двуспальной кровати неподвижно лежит Линдиналва. Она умирает. У постели Амелия с трудом сдерживает слезы. Он входит как можно тише, так велела ему проститутка, которая рыдает в дверях. Амелия не удивляется, увидев его. Она только прижимает палец к губам в знак молчания. И подходит к негру. Он спрашивает:

— Больна?

— Умирает.

В преддверии смерти она снова — прежняя Линдиналва, девушка из переулка Зумби-дос-Палмарес. Ее лицо красиво, спокойно. Веснушчатое лицо, лицо святой. Ее руки — все те же. Руки, которые играли на рояле, обрывали лепестки роз. Ничто не напоминает теперь о Линдиналве из «Монте-Карло», о Линде из нижнего города, о Рябой с Ладейра-до-Табоан.

Сейчас она снова — дочь командора, которая жила в самом красивом особняке в переулке Зумби-дос-Палмарес и ждала, что приплывет к ней жених на каравелле, по морским волнам. Линдиналва зашевелилась, приподнялась — теперь это уже другая Линдиналва, которую не знает Антонио Балдуино. Но эту Линдиналву знает Амелия. Это — невеста Густаво, возлюбленная Густаво, мать Густавиньо. Улыбающееся лицо молодой сеньоры. Она что-то шепчет. Амелия подходит, берет ее за руку. Линдиналва говорит, что хочет видеть сына. Пусть его приведут, ведь она умирает. Амелия оборачивается в слезах. Антонио Балдуино спрашивает:

— Что сказал доктор?

— Сделать ничего нельзя... Только ждать смерти.

Антонио Балдуино не может этого допустить. Его осеняет:

— Ее спасет Жубибаба! Пойду за ним.

— Зайди по дороге ко мне, возьми ребенка, — просит Амелия.

Он, Антонио Балдуино, пришел сюда, чтобы насладиться мстью, чтобы обладать Линдиналвой и бросить ей в постель два мильрейса... Пришел унижить ее, сказав, что белая женщина гроша ломаного не стоит, а негр Антонио Балдуино всегда добивается своего... А теперь он идет к Жубибабе, будет умолять его спасти Линдиналву. Если Линдиналва поправится, Антонио Балдуино навсегда отсюда уедет. А если она умрет, жизнь его потеряет смысл. Не останется у него другого выхода, другого пути, кроме моря. В море ушел Вириато Карлик, у которого тоже никого не было на этом свете. Только сейчас Антонио Балдуино понял, что умрет Линдиналва — и останется он один. И жить ему будет не для чего.

* * *

Он вернулся с ребенком. Жреца не оказалось дома, никто не знал, где он. Проклял Антонио Балдуино старого колдуна. Теперь он ведет мальчика за руку, и ему хорошо. У ребенка нос Линдиналвы, такие же веснушки на лице. Мальчуган пристаёт к Антонио Балдуино с вопросами, все ему надо знать. Негр отвечает на все вопросы и сам удивляется — откуда у него берется терпение.

Он несет ребенка вверх по лестнице. Амелия едва сдерживает рыдания:

— Скорей... Она умирает...

Антонио Балдуино ставит мальчика рядом с кроватью. Линдиналва

открывает глаза:

— Сынок...

Она хочет улыбнуться, лицо искажается. Ребенку страшно, он начинает плакать. Линдиналва целует мальчика в щеку. Амелия уводит его. Линдиналва хотела поцеловать пухлые губки сына, губы Густаво... и не смогла.

Теперь она плачет, ей не хочется умирать. А сколько раз она призывала смерть... Линдиналва чувствует, что в комнате еще кто-то. Спрашивает Амелию:

— Кто тут?

Амелия теряет, не знает, что говорить. Но Антонио Балдуино уже подходит к кровати, опустив глаза. Если бы увидел его сейчас кто-нибудь из друзей — не понял бы, отчего Антонио Балдуино плачет. Линдиналва узнала его, пытается улыбнуться:

— Балдо... я была несправедлива к тебе...

— Не надо...

— Прости меня...

— Не говори так... а то я заплачу.

Она проводит рукой по курчавым волосам негра. Она умирает со словами:

— Помоги Амелии вырастить моего сына... позаботься о нем...

Антонио Балдуино, словно черный раб, рухнул на колени перед кроватью.

Антонио Балдуино хочет, чтобы Линдиналву хоронили в белом гробу. Так хоронят невинных девушек. И никто не понимает его, даже сам мудрый Жубиоба. Толстяк соглашается только по бесконечной своей доброте. В глубине души он недоумевает: виданное ли дело — хоронить проститутку в белом гробу. Только Амелия, кажется, поняла:

— Она ведь тебе нравилась, Балдо? Оговорила я тебя... ревновала к хозяевам. Я у них двадцать лет прожила. Я ее вырастила. Она другой судьбы заслуживала... Добрая моя девочка...

Антонио Балдуино протягивает к ним руки и говорит глухим голосом:

— Она умерла невинной... Я клянусь... Ею никто не обладал... Она продавала себя, но не отдалась никому... Только мне, люди... Когда я обнимал женщину, я думал только о ней... Я требую: пусть ее хоронят в белом гробу...

Да, все ее покупали, но обладал Линдиналвой только он, негр Антонио Балдуино. Он никогда не спал с Линдиналвой, но любил он только ее, воплощенную в юном теле Марии дос Рейс, в танцующих бедрах Розенды.

Только он владел Линдиналвой, воплощенной в теле всех женщин, принадлежавших ему. В чудесной любви черного Антонио Балдуино к бледной Линдиналве она была то мулаткой, то белой, то негритянкой, то полной, то худенькой. В переулке Марии-Пае стала она китайкой. Однажды она пела низким голосом ночью на пристани. И даже лгала, как негритянка Жоана. И все-таки ее нельзя хоронить в белом гробу, Антонио Балдуино. Амелия говорит — она любила Густаво, отдалась ему по любви. Но Антонио Балдуино не слушает. Опять, верно, лжет Амелия, чтобы отдалить его от Линдиналвы.

Сына Линдиналвы надо было кормить, и Антонио Балдуино стал докером — нанялся на место Кларимундо, раздавленного подъемным краном. Кончилась свободная жизнь. Теперь Антонио Балдуино раб времени, надсмотрщиков, подъемных кранов, судов. Но если бы не сын Линдиналвы, негру остался бы только один путь. Путь в море.

Черные тени подъемных кранов падают на море. Зеленые маслянистые волны зовут Антонио Балдуино. Подъемные краны поработают людей, убивают их. Краны — враги черных, союзники богачей. Море — это свобода. Бросишься в волны, и даже будет еще время расхохотаться на прощание. Но Линдиналва погладила его курчавые волосы и попросила вырастить ее сына.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ЗАБАСТОВКИ

Всю ночь Антонио Балдуино разгружал шведский корабль, доставивший материалы для строительства железной дороги, а потом, тоже ночами, должен был грузить на него какао. Антонио Балдуино тащил тяжелую связку стальных деталей, к нему подошел тощий мулат Северино и сказал:

— Сегодня трамвайчики начнут забастовку...

Забастовки ждали давно. Не раз рабочие и служащие компании, ведавшей освещением, телефонами и трамваями, собирались все, как один, потребовать прибавки к зарплате. Как-то они даже объявили забастовку, но хозяева обманули — наобещали золотые горы и ничего не дали. Теперь целую неделю город ждал, что перестанут ходить трамваи, что замолчит телефон. Но забастовку откладывали. Поэтому Антонио Балдуино не принял всерьез предупреждение Северино. Однако какой-то высокий негр предложил:

— Нам бы тоже примкнуть, поддержать их...

Подъемные краны опускали на набережную огромные связки рельсов. Негры, таскавшие груз па спине в гору, были похожи на горбатых чудовищ, и все же они ухитрялись разговаривать. Надсмотрщик подавал команду свистком. Какой-то белый грузчик отер пот со лба, отряхнул руку:

— Интересно — добьются они чего-нибудь?

Докеры бегом возвращались за новыми связками деталей. Взваливая их на плечи, Северино шепнул:

— У них профсоюз богатый. Могут выстоять...

Северино бегом потащил груз в гору. Антонио Балдуино взялся за свою связку:

— Каждый месяц в профсоюз идут деньги. Как не выстоять...

Свисток надсмотрщика приказывает ночной смене кончать. Тотчас приступает к работе дневная смена. Материалы для строительства железной дороги непрерывным потоком текут на склад. Подъемные краны скрежещут и лязгают.

Грузчики группами выходят из ворот порта. Вдруг Антонио Балдуино вспомнил: вот здесь, на этом месте, арестовали докера, который говорил речь. Антонио Балдуино был тогда беспризорником. Нет, он ничего не забыл. Он и другие мальчишки орали что было мочи. Тогда он орал, потому что орать — весело. Орать, ругать полицейских, бросать в солдат камни. И

теперь он тоже будет кричать, как в те далекие времена, когда он свободно разгуливал по улицам, когда подъемные краны еще не грозили размозжить ему голову.

* * *

Антонио Балдуино идет по улице. На площади Террейро он покупает миску маисовой каши. Разносчицы-негритянки говорят о забастовке. Он уходит, напевая песню про Лампеана^[45].

Где бы денег раздобыть, чтобы патронташ купить и патронов сотен пять — с Лампеаном воевать?

Кто-то кричит:

— Эй, Балдо!

Негр помахал рукой, продолжает петь:

А девчонка Лампеана днем и ночью слезы льет.
Сшейте платье ей из дыма, а не то она умрет.

Негромко, сквозь зубы, Антонио Балдуино цедит припев:

Ламп, Ламп, Ламп,
Ламп, Ламп, Лампеан...

Трамваи стали. Кажется, будто в городе не забастовка, а праздник. Необычное движение на улицах. Группы людей проходят, оживленно разговаривая. Молодые приказчики смеются — ну и рожа будет у хозяина, за опоздание-то теперь не взыщешь... Девушка торопливо переходит дорогу, — боится чего-то... На улицах полно вожатых, рабочих из мастерских, из трамвайных парков. Они горячо о чем-то спорят. Антонио Балдуино завидует. Они заняты делом, Антонио Балдуино тоже любит такие дела. Как бы ему хотелось быть с ними. А то — нечего делать негру этим солнечным утром. Группы трамвайщиков спешат в профсоюз — он

совсем близко, через улицу. Балдуино шагает один по обезлюдевшей улице. Из профсоюза слышен шум голосов. Кажется, кто-то говорит речь. Антонио Балдуино тоже состоит в профсоюзе портовых грузчиков. С ним даже говорили, хотели провести в правление. Они ведь знают, что он храбрый. Вдруг негру преграждает путь какой-то белокрысый тип — пьян с утра, жует потухшую сигарету.

— Ты тоже бастовать, негр? Вот что принцесса Изабелла натворила^[46]. Разве негр — человек? А теперь?! Негры, видите ли, бастуют. Трамваи стали. Эх, кнутом бы вас... Черные должны быть рабами... Иди, негр... бастуй... раз уж эти ослы вас освободили... Проваливай, сукин сын, не то плюну тебе в поганую рожу...

Белокрысый плюет на землю. Он пьян. Антонио Балдуино отталкивает его. Белокрысый растягивается на цементном тротуаре. Негр вытирает руки, задумывается. Почему этот тип ругает негров? Забастовку подняли вожатые, рабочие из трамвайного парка, монтеры, служащие с телефонной станции. Среди них много испанцев, есть белые посветлее этого типа. Неважно... все бедняки теперь все равно что черные. Так говорит Жубиба.

Со стороны Террейро доносится шум. Там беспорядки. Рабочие пекарен примкнули к забастовке. Разносчики хлеба вывернули корзины прямо на мостовую. Сбежались голодные беспризорники. Даже служанки из богатых домов не прочь поживиться даровыми булками.

* * *

Его нашли в комнатухе Амелии. Стоя на четвереньках, он играл с Густавиньо.

— Я оборотень. Человек-волк...

Антонио Балдуино одним прыжком встает на ноги. Северино кладет ему на плечо руку:

— Ты нам нужен, Антонио...

— В чем дело? — Негр предвкушает драку.

— Сейчас собирается наш профсоюз...

Негр Энрике вытирает со лба пот.

— С трудом тебя отыскали...

Докеры удивленно смотрят на белого мальчика, сидящего на полу. Антонио Балдуино немного смущен. Он объясняет:

— Мой сын...

— Хотим примкнуть к забастовке... нужен твой голос.

Он оставляет Густавиньо с Толстяком и выходит на улицу. Антонио Балдуино смеется, ему весело — вот и у него своя забастовка. В помещении профсоюза стоит страшный шум. Все говорят разом, понять ничего нельзя. Члены правления садятся за стол, просят, чтобы стало потише. Какой-то светлокожий докер предупреждает негра:

— Тут полицейские...

Антонио Балдуино оглядывается — не видать никого в форме. Бледный поясняет:

— Переодетые...

Северино говорит речь. Голодают не только трамвайщики. Им, докерам, тоже не сладко. А потом, примкнуть к рабочим из «Электрической» — долг солидарности. Все они братья. Надо поддержать забастовку. Ораторы сменяют друг друга. Один надсмотрщик (такой красноречивый, еще играл с ними в кости после работы в «Фонаре утопленников») тоже берет слово. Речь у него заученная. Говорит, что бастовать глупо. Для забастовки нет оснований. Все обстоит прекрасно. Речь встречают возмущенными криками. Негр Энрике стучит кулаком по столу:

— Я неученый негр, красиво говорить не умею. Я одно знаю, есть у нас такие, у кого дома жена и дети голодные. Испанцы вожатые, они тоже голодные. Я — негр, вот они белые, но все мы голодные бедняки...

Вопрос — поддержать или нет трамвайщиков — поставили на голосование. И победа пришла благодаря голосу Антонио Балдуино. Потом только выяснилось, что против голосовали такие личности, которые не то что в профсоюзе не состояли, но и к порту-то никакого отношения не имели.

Составили манифест. Выбрали специальную комиссию, сообщить бастующим трамвайщикам о солидарности докеров. Членом комиссии был избран и Антонио Балдуино. Негр вышел из помещения профсоюза веселый: предстояло подраться, пошуметь, а до этого он большой охотник.

"Товарищи из «Электрической»!

Докеры, собравшиеся в своем профсоюзе, приняли решение примкнуть к забастовке братьев по классу из «Электрической компании». Докеры окажут бастующим безоговорочную поддержку в борьбе за экономические требования. Товарищи из «Электрической»! Вы можете рассчитывать на помощь докеров. За повышение заработной платы! За восьмичасовой рабочий

день! За ликвидацию штрафов!

Правление".

Антонио Балдуино огласил манифест под грохот аплодисментов. Вожатые в восторге обнимали друг друга. Пекари уже примкнули. Теперь пришли докеры. Забастовка не может не победить.

* * *

Трамваи стали, телефон не работает. Вечером не будет света. Рабочие послали свои требования в правление компании. Правление заявило, что не уступит, и связалось с правительством. Из-за отсутствия электроэнергии не выходили газеты. На улицах былолюдно, на всех углах стояли, беседуя, кучки рабочих. Циркулировал конный патруль. Ходили слухи, что компания вербует штрейкбрехеров, обещает им бешеные деньги, лишь бы сорвать забастовку. Адвокат Густаво Баррейрас, председатель рабочей ассоциации, встретился с губернатором и имел с ним длительную беседу. Вернувшись из губернаторского дворца, он заявил в профсоюзе, что правительство находит требования рабочих справедливыми и намерено начать переговоры с правлением компании. Многие аплодировали. Молодой адвокат простирали руки — казалось, он уже собирает голоса, которые принесут ему кресло в парламенте. Северино громко сказал:

— Шкурник.

* * *

Антонио Балдуино устал от речей. И все-таки ему весело. Забастовка — это что-то новое, бастовать интересно. Здорово! Сейчас они — хозяева города. Захотели — и нет света, не ходят трамваи, влюбленные не разговаривают по телефону. Не выгружают со шведского корабля рельсы для железной дороги, не нагружают его мешками с какао, от которых ломится склад ЭЗ. Подъемные краны стоят, побежденные теми, кого они убивали. А владельцы всех этих богатств уже не распоряжаются, не приказывают, как раньше. Струсили, нос боятся на улицу высунуть. Раньше

негр Антонио Балдуино презирал рабочих людей. Он бы ушел путем моря, темной ночью лишил бы себя жизни, если бы Линдиналва не попросила его позаботиться о ребенке. Теперь негр смотрит на рабочих другими глазами. Уважает их. Рабочие, если захотят, могут разбить цепи рабства. Захотят, и никто с ними не справится. Щупленькие испанцы, которые вечно торчат на подножках трамваев, собирают плату за проезд, и огромные негры — портовые грузчики, и негры — рабочие ремонтных мастерских — все они оказались смелыми и решительными. Жизнь города в их руках. Пусть они бедно одеты, а то и босы. Они смеются, когда их оскорбляют богачи, которых забастовка бьет по карману. Смеются, потому что знают: они — сила. Знает это теперь и Антонио Балдуино. И ему кажется, будто родился он заново.

* * *

В баре какой-то человек в пальто встал из-за стола, спросил рабочего:

- Ради чего бастуете?
- Чтобы зарплату повысили.
- Чего же вам надо?
- Денег...
- Разбогатеть захотели?

Рабочий слегка растерялся. Он-то не думает разбогатеть. Он хочет получать больше денег, чтобы жена не ругалась, чтобы было на что позвать доктора (заболела дочь), на что купить одежонки (обносились совсем).

— Многого хотите. Где это видано, чтобы у рабочего были такие требования?

Рабочий смутился. Антонио Балдуино подошел поближе. Человек в пальто ораторствовал:

— Дам тебе хороший совет. Брось ты все это. Разные смутьяны подбивают вас... Их рук дело. А ты и работу свою потеряешь, и прежней зарплаты не увидишь. Много хочешь, ничего не получишь.

Рабочий вспомнил расстроенную жену, больного ребенка, опустил голову. Антонио Балдуино в лоб спросил мужчину в пальто:

- Кто тебе платит за эти сказки?
- Ты тоже из таких?
- Как раз из таких, у кого хватит духу съездить тебе по роже.
- Да ты знаешь, с кем говоришь?

— И знать не хочу...

Не важно. Сегодня они хозяева города. Сегодня они могут говорить, что угодно.

— Я — доктор Малагета. Ясно?

— Врач из «Электрической компании»?

Это сказал подошедший Северино. С ним еще несколько рабочих. Негр Энрике — черный Геркулес. Человек в пальто скрылся за углом. Северино объяснил рабочему, который присоединился к группе:

— Парень, забастовка — это как бусы. Видал в витринах? Все бусины на одной нитке держатся. Оборви нитку — и рассыплется все. Нельзя забастовку рвать...

Рабочего звали Мариано. Он понял, кивнул.

Антонио Балдуино пошел вместе с ними в профсоюз «Электрической», ждать результатов совещания директора компании с правительством.

* * *

Черный оратор заканчивал свою речь, стоя у стола в правлении профсоюза:

— Мой отец был рабом, сам я раб. Я не хочу, чтобы мои дети были рабами...

Помещение профсоюза набито битком, многие стоят — не хватает мест.

Прибыла делегация от пекарей. Зачитали манифест солидарности. Манифест призывает всех пролетариев к забастовке. В зале кричат: «Да здравствует всеобщая забастовка!» Какой-то переодетый шпик курит. Стоит в дверях, опершись о косяк. Он — не единственный. Но на него никто не обращает внимания. Теперь выступает парень в очках. Он говорит, что мировой пролетариат составляет подавляющее большинство, а богачи — жалкое меньшинство. Почему же тогда богатые пьют пот и кровь бедных? Почему же большинство тупо трудится ради удобств меньшинства?

Антонио Балдуино хлопает. Все ему в новинку, и все правильно. Он всегда это чувствовал. Потому и работать не хотел. В АВС тоже об этом речь, но не так ясно. Антонио Балдуино слушает, мотает на ус. Прямо как в детстве, на холме Капа-Негро. Парень в очках слез со стула, служившего ему трибуной. Негр, предыдущий оратор, оказался рядом с Антонио

Балдуино. Антонио Балдуино обнял его и сказал:

— У меня тоже сын. Я тоже не хочу, чтобы он был рабом.

Негр-оратор улыбается. Теперь говорит представитель студентов. Профсоюз студентов-юристов солидарен с бастующими. Представитель говорит, что все рабочие, все студенты, вся неимущая интеллигенция, все крестьяне и все солдаты должны объединиться в борьбе труда против капитала. Антонио Балдуино не все понял. Негр-оратор объясняет ему, что богачи и капиталисты — это одно и то же. И Антонио Балдуино поддерживает представителя студентов. Ему страшно захотелось тоже вскочить на стул, произнести речь. Ему ведь есть о чем рассказать, он многое повидал в жизни. Он продирается сквозь толпу, влезает на стул. Один рабочий спрашивает другого:

— Кто это?

— Докер... был раньше боксером...

Антонио Балдуино начал. Нет, это не речь. Он просто рассказывает о том, что довелось ему повидать, ведя жизнь бродяги. Говорит о батраках с табачных плантаций, о работницах табачных фабрик. Не верите — можете спросить Толстяка. Говорит Антонио Балдуино о том, что не любил он раньше рабочих людей. Сам только ради сына пошел в грузчики. Теперь он понял, что рабочие — стоит им только захотеть! — разобьют цепи рабства. Если бы батраки с табачных плантаций поняли, тоже объявили бы забастовку...

Его даже хотели качать. Антонио Балдуино сначала не осознал своего триумфа. Почему все хлопают? Он не рассказал занятной истории, никого не избил, не совершил подвига. Он просто поведал о том, что видел. Но ему устроили овацию, многие обнимают его, когда он пробирается на свое место. Шпик внимательно смотрит, старается запомнить его лицо. Забастовка захватывает негра Антонио Балдуино.

* * *

Парень в очках вышел, за ним последовал шпик. В профсоюз звонят из губернаторского дворца. Адвокат Густаво Баррейрас сообщает, что совещание затягивается. Но к ночи, наверное, решение будет принято.

— Положительное? — спрашивает секретарь профсоюза.

— Почетное... — говорит Густаво Баррейрас на другом конце провода. Куранты пробили шесть раз. Город погрузился во тьму.

ПЕРВАЯ НОЧЬ ЗАБАСТОВКИ

Ночь прекрасна. Безоблачное синее небо усыпано звездами. Ночь прямо летняя. Но люди идут по домам, сегодня не до прогулок. Город погружен в темноту, не горят огни на высоких черных столбах. Погас свет и в «Фонаре утопленников».

Никогда еще на набережной не было так тихо. Сегодня подъемные краны спят. Сегодня ночью грузчики не выйдут работать. Матросы со шведского корабля разбрелись по притонам. Пустынны улицы города. В темноте люди становятся трусами. В домах красноватый свет керосиновых ламп делает тени огромными. А призрачный свет свечей напоминает о бдении над дорогими покойниками. Антонио Балдуино идет по безлюдной улице, думает о табачных плантациях. У самой стены крадучись проходит какой-то субъект. Ощупывает бумажник через пиджак. Можно подумать, за сердце держится. С холма Капа-Негро на город обрушивается гром негритянской музыки. Сегодня ночью Жубиаба устраивает макумбу. Грохот негритянской музыки отдается в ушах Антонио Балдуино как призыв к войне, к свободе. Звезда Зумби из Палмареса сверкает на ясном небе. Студент поднял на смех Антонио Балдуино. Сказал, что это и не звезда совсем, а планета Венера. Негр только ухмыляется. Он-то знает — это Зумби из Палмареса, негр, не знавший страха, погибший, но не сдавшийся, сверкает на небе, смотрит на Антонио Балдуино. Не стал рабом Зумби из Палмареса. Антонио Балдуино борется, чтобы Густавиньо не был рабом. Первый день забастовки был одним из самых счастливых в жизни Антонио Балдуино. Как тот день, когда он прорвал кольцо окружавших его людей. Как день, когда он стал чемпионом, уложив на ринге Висенте. Даже еще счастливее. Теперь Антонио Балдуино знает, за что он борется. И он торопливо шагает по опустевшему городу, чтобы рассказать об этом всем неграм, собравшимся на макумбу в доме Жубиабы. Он всем расскажет — и Толстяку, и Жоакину, и Зе Кальмару, и самому Жубиабе. Не понимает Антонио Балдуино, почему Жубиаба не говорил им про забастовку. Зумби из Палмареса — планета Венера — подмигивает негру с ночного неба.

* * *

Это Эшу, дьявол Эшу, портит им праздник. Видно, забыли они совершить обряд заклинаний Эшу, забыли отослать дьявола Эшу куда-нибудь далеко, по ту сторону океана, на африканский берег или на хлопковые плантации Вирджинии. Эшу упорствует, рвется на праздник. Эшу хочет, чтобы негры пели и плясали в его честь. Хочет, чтобы его восхваляли, хочет, чтобы Жубиаба склонился перед ним, воскликнул:

— Окэ! Окэ!

Хочет, чтобы старшая жрица попросила его прийти:

— Эдуру демин лонам о йе!

И все бы хором ответили:

— А умбо ко ва йо!

Эшу не отступает. Такого никогда еще не было на макумбе у Жубиабы. Гром негритянской музыки скатывается по склону холма Капа-Негро и замирает внизу, в закоулках города, объятого забастовкой. Иаво пляшут. В глазах ога — изумление и страх. Бесшумно входит Антонио Балдуино. Он — ога, он становится на свое место в кругу пляшущих иаво. С приходом Антонио Балдуино дьявол Эшу покидает макумбу. Толстяк говорит, сегодня будут славить Ошосси, бога охоты. Но прежде, чем божество воплотится в теле одержимой плясуньи, Антонио Балдуино обращается к собравшимся неграм:

— Народ мой, ты ничего не ведаешь... негры, вы ничего не знаете. Вы не видели забастовки... Мы должны примкнуть к забастовке. Тогда разобьются цепи рабства. Негры забастуют, и рабство падет. Что толку в молитвах, что толку в гимнах в честь Ошосси? Придут богачи, запретят праздник. Однажды полиция запретила праздник Ошала, когда он был старцем Ошолуфаном, и Жубиабу, Жреца Черных Богов посадили в тюрьму. Вы это помните, негры. Что может негр? Ничего не может. Даже плясать для своих богов. Вы ничего не знаете. Забастовали негры — и все остановилось. Стоят трамваи, подъемные краны. Свет погас. Горят одни звезды. Это неграм подчиняется свет, негров слушаются трамваи. Мы, негры, и белые бедняки, все мы — рабы, но все — в наших руках. Захотим и разобьем рабство. Народ мой, иди бастовать. Забастовка — все равно что бусы. Пока все вместе — все хорошо. Но упадет одна бусинка — и все рассыпалось. Идемте, негры!

Антонио Балдуино выходит, не оборачиваясь, не глядя, кто следует за ним. Толстяк идет за ним, идет Жоакин, идет Зе Кальмар. Жубиаба простирает руки.

— Им овладел Эшу...

* * *

В профсоюзе ничего не известно о результатах совещания в резиденции губернатора. Северино без конца повторяет: вранье. Сразу видно: адвокатишка этот — желтый. Кое-кто защищает юриста. Он, дескать, человек ученый, знающий. Их же права отстаивает. Трамвайный инспектор произносит речь в защиту доктора Густаво. Одни поддерживают его, другие громко протестуют.

* * *

Совещание проходит в конференц-зале губернаторского дворца. К соглашению прийти трудно. Густаво защищает интересы рабочих, пользуясь эффектными ораторскими приемами:

— Я не прошу: я требую...

Густаво призывает к гуманности, говорит о голодных, работающих по восемнадцать часов в сутки, умирающих от туберкулеза. Напоминает об опасности: если сохранится такой порядок вещей, возможна социальная революция.

Представители компании (молодой американец и пожилой бразилец, адвокат «Электрической», бывший член парламента) непреклонны. Самое большее, заявляет пожилой адвокат, — это уступить половину того, что просят рабочие. Да и то исключительно из человеколюбия, чтобы не лишать город трамваев, света, телефонов. Для рабочих — это превосходный выход. Но дать им все, что они требуют, — просто безумие. Все равно что подарить им трамваи. Как же тогда с акционерами быть? Рабочие думают только о себе. Они совершенно забывают об иностранцах, которые поверили в нас, вложили свои деньги в бразильские предприятия. Что скажут иностранные акционеры? Скажут, что бразильцы их обокрали, а это не делает чести нашей стране (американец кивает и говорить «уез»). Не хочется верить, чтобы доктор Густаво Баррейрас, умный, интеллигентный человек (Густаво кланяется), мог так антипатриотически рассуждать... Неужели ему приятно было бы слышать, как за границей поливают грязью имя его родины. Что рабочие об этом не думают, понятно. Люди они невежественные, получают и так намного больше, чем заслуживают. Идут на поводу у разных чужеродных элементов,

подстрекателей. Оратор не имеет в виду — учтите! — доктора Густаво Баррейраса, чья честность известна всем, перед чьим талантом он преклоняется. (Густаво опять кланяется, бормочет: я бы этого и не подумал. Моя репутация выше всяких подозрений.) Компания, дабы не лишать население жизненно необходимого, уступит половину того, что требуют рабочие. Пятьдесят процентов. И ни на один сентаво больше.

Пора ужинать. Сопровождение закрывается, не дав результатов. Губернатор удаляется. Американец предлагает подвезти Густаво на своей машине. Адвокат компании приглашает Густаво:

— Поужинаем вместе... голод — плохой советчик.

* * *

Комфортабельная штука этот «Гудзон», думает Густаво, усаживаясь между американцем и адвокатом. Американец угощает сигарами. Сначала они едут молча. Машина идет мягко. На шофере — красивая форма. Едут совсем рядом с рельсами. Адвокат спрашивает американца:

— Не раздумали, мистер Томас?

— А! Yes...

Адвокат объясняет Густаво:

— Подумайте, какое совпадение, доктор... Мы с мистером Томасом на днях говорили о вас...

— Yes, yes, — подтверждает американец, затягиваясь сигарой.

— Устал я... годы дают себя знать...

— Что вы...

— Это не значит, что я совсем брошу адвокатскую практику. Но работа в компании мне уже не по силам. Мы с мистером Томасом думаем пригласить кого-нибудь помоложе на должность второго адвоката. Два адвоката компании вполне по средствам. Вот мы и вспомнили о вас... Не подумайте, сеньор, что я вам льщу... нет, нет... (Густаво удерживается от жеста, означающего, что его совесть не допускает сделок... напротив! Ему бы и в голову не пришло будто доктор Гедес хочет его купить!) Компания надеется, что вы... я хочу сказать, мы с мистером Томасом надеемся (Густаво благодарит)... вы ведь связаны с профсоюзами, вы бы и представляли в компании наших тружеников. Осуществляли бы гармонию труда и капитала. Ратовали бы за интересы рабочих. Вы молоды, перед вами блестящая карьера, парламент. Нация нуждается в вашем таланте. Как

видите, намерения у нас самые благородные. Многие считают, что компании безразлична судьба рабочих. Какое заблуждение! Вот вам лучшее доказательство того, что компании близки интересы трудящихся: мы приглашаем к себе на службу их верного рыцаря! У рабочих будет защитник в правлении! Да еще какой защитник! Вот доказательство доброго отношения компании...

Автомобиль мягко катится. Зулейка давно мечтает о собственной машине. При поддержке компании Густаво в ближайшие выборы пройдет в парламент. Американец практичен.

— Гонорар — восемь тысяч в месяц.

Густаво возражает. Деньги его мало тревожат. Он заботится только об интересах рабочих. Они, правда, иногда предъявляют непомерные требования, но ведь у них на то и причины есть... Он, разумеется, против неразумных претензий...

После ужина доктор Гедес говорит:

— Ну, что же, доктор, можете сообщить рабочим добрую весть. Пусть эти дети (да, да, они простодушны, как дети, утверждает Густаво, их так легко успокоить)... пусть эти дети завтра возвращаются на работу. Они получают пятьдесят процентов того, что просят... и этим они обязаны безграничному обаянию сеньора Густаво.

После ухода «верного рыцаря» рабочих американец презрительно бросил:

— На редкость нудный тип...

Старый Гедес, посмеиваясь, заказывает шампанского — отметить конец забастовки.

— За счет компании!

* * *

Машина для жены, репутация, особняк в Копакабане, может быть, собственная плантация какао. Пятьдесят процентов — великолепно. Сто, как требовали рабочие, — это уже слишком. Обычно ведь просят сто, чтобы получить десять. Он отвоевал для них пятьдесят. Какая победа! И за рубежом не будут поливать грязью имя родины.

* * *

В профсоюзе Антонио Балдуино произносит речь, третью за этот день. Хочет, чтобы сын доктора Густаво Баррейраса не был рабом, как сам он, негр Антонио Балдуино, как черные и белые докеры, рабочие «Электрической», рабочие хлебопекарен...

* * *

Мариано идет домой, опустив голову. Когда он уходил, жена еще не знала, что объявлена забастовка. Только ночью осмелился он вернуться, встретить лихорадочно горящие глаза разгневанной женщины, потухшие глаза больной дочери. Завидев его, жена кричит:

— Ты с ними связался, Мариано?

— С кем?

— С кем? Ах ты, невинный младенец! С забастовщиками проклятыми... Ты в это ввязался, да?..

— Почему они «проклятые»... Мы хотим больше зарабатывать... хотим больше денег... чтоб было, на что лекарство купить для Лилы... Почему ты называешь забастовку «проклятой»?..

— Тебе, значит, денег надо? Лодырь ты, напьешься, шатаешься по всему городу, домой вот под утро явился. Думаешь, обманешь меня? Лодырничаете, потом мне сказки рассказываете... Лекарство для Лилы... Если б ты работал по-настоящему, не лез бы во всякие беспорядки, давно бы тебя инспектором сделали... больше бы зарабатывал... Забастовка — наваждение дьявольское, вон падре Силвино каждый день говорит... Дьявол искушает мыслями о забастовке таких вот олухов... Не ввязывался бы — давно бы инспектором сделали...

Мариано молча слушает. Когда жена кончила и вызывающе подбоченилась, он спросил:

— Как Лиля?

— «Как Лиля?» — передразнивает жена. — Да все так же, как еще? Не очень-то ты о ней думаешь... тебе забастовка милей. Господи, приberi меня, не дай мне увидеть, как муженек в дьявольское дело впутается.

Жена отступает, будто Мариано и есть дьявол. Рабочий подходит к кровати, глядит на дочь. У Лилы тяжелое расстройство кишечника. Врач

сказал — оттого, что землю ела. Голодали они, когда Мариано без работы остался. Хоть бы доктор Густаво уладил это дело с компанией сегодня вечером... завтра бы работать начали. Тогда снова можно будет позвать врача, лекарства купить в аптеке. А вдруг не уладится? Вдруг забастовка на неделю затянется, дней на десять... Хлебнут они тогда горя... еда кончится... девочка без лекарств умрет. Тяжело ему будет, если Лила умрет. Гильермина кричит, ругается, а Лила улыбнется ему, поцелует... А если... Нет, Мариано. Забастовка — что бусы. Сорвется одна бусина, и все пропало. Он слышит голос Северино, и трусливая мысль уходит. Мариано целует дочь. С улицы доносится брань Гильермины.

* * *

Негр Энрике ковыряет в зубах рыбьей костью. Берет сынишку на руки, спрашивает:

— Уроки выучил. Уголек?

Негритенок смеется, засунув палец в курносый нос. Говорит — на зубок выучил. Из кухни приходит Эрсидия:

— Завтра опять будет рыба...

— Пока есть рыба, все в порядке, черная...

Негр хохочет вместе с сынишкой. Уголек умница! Все уроки выучил. Даже считать умеет...

— Ну и парень, верно, Эрсидия?

Негритянка улыбается. Уголек просит рассказать что-нибудь интересное. Энрике говорит:

— Один черный, бывший боксер, толкал речь в профсоюзе... наши дети, Эрсидия, рабами не будут... Уголек рабом не будет...

— Победит забастовка?

— А то как же! Кто с нами справится? Еще как победит, увидишь. Есть у нас такой негр, Антонио Балдуино... Говорит — заслушаешься...

Энрике рассказывает жене о событиях дня. Из полосатой тельняшки выпирает атлетическое черное тело. Энрике берет сынишку, ставит перед собой:

— Ты, Уголек, рабом не будешь... Ты губернатором будешь. Нас много, их горстка. Управлять ими будем.

Негр Энрике отдает честь будущему губернатору. Заливается хохотом. Он уверен в себе, в своей силе, в забастовке. Негритянка Эрсидия нежно

улыбается мужу:

— Завтра опять рыба...

* * *

Хозяин пекарни «Два мира», невысокий испанец, рассказывает о событиях дня. Жена, откинувшись в качалке, молча слушает. Дочь играет на пианино самбу. Хозяин пекарни «Два мира» говорит о забастовке. Керосиновая лампа горит неверным красноватым светом. Мигел кончил, закрыл глаза. Жена спрашивает из качалки:

— У нас ведь пекарня прибыльная?

— Да. Сейчас будут, конечно, убытки, но потом все окупится...

— Тогда я думаю, что они правы. Они вправду в нужде живут...

— Да. Я бы дал им прибавку. Так и в ассоциации сказал. Другие, вот Руис из «Объединенных», те ни в какую. Уж этот Руис. Все ему мало. А я бы дал...

Его недовольно перебивает дочь:

— К чему, папа? Сеньор Руис прав... Нам самим нужны деньги. Мне машину хочется... приемник... Ты же обещал... помнишь, папа? А теперь ты собираешься отдать эти деньги каким-то бесстыжим неграм.

— Кто много хочет, теряет все, дочка... — отвечает Мигел.

Жена сидит задумавшись. Девочка родилась в достатке, в комфортабельном домике. Не то что они. Не работала она на мадридских фабриках, не плыла в трюме эмигрантского корабля в Бразилию, не знает она, что такое голод. Ей машину подавай, приемник... тысячу всяких прихотей. Негры просят так мало. И она снова говорит мужу:

— Настаивай на прибавке, Мигел.

Сеньор Руис уж очень скуп. Любит копить деньги...

Девушка мечтает о машине. Такой, как та, что сейчас промчалась по улице. К окну подходит поклонник:

— Я лично — за забастовку. При луне ты еще красивее...

Когда у нее будет машина, ей не придется терпеть ухаживания приказчика из мелочной лавки, выслушивать избитые комплименты, всякий романтический бред. Она познакомится со студентами, будет ходить на шикарные вечера.

Густаво Баррейрас выскакивает из такси, бежит вверх по лестнице, прыгая через две ступеньки. В помещении профсоюза он усаживается за стол — председатель уступил ему свое место. Густаво Баррейрас просит слова:

— Господа, в качестве вашего адвоката я трудился весь вечер, убеждал директоров «Электрической компании». Лучшее свидетельство моего труда, моих честных усилий — та приятная новость, которую я собираюсь вам сообщить. Господа, я буду краток. Конфликт разрешен. (Слушающие подались вперед, как один.) Разрешен благодаря стараниям вашего покорного слуги. Проспорив весь вечер, мы пришли к выводу, что недоразумение будет улажено с честью для обеих сторон, если каждая немного уступит. (По залу прошел ропот.) Компания решила пойти навстречу трудящимся. Раньше она не желала никаких переговоров с рабочими, пока они бастуют. Теперь же благодаря моим стараниям компания готова пойти на уступки. Рабочие откажутся от пятидесяти процентов своих притязаний, компания удовлетворит оставшиеся пятьдесят. С завтрашнего дня вступят в силу новые расценки.

— Это политика адвоката или политика рабочего? — перебил его Северино.

— Это лучшая из политик. — Густаво улыбается своей самой нежной улыбкой. — Эта политика поможет получить по частям то, чего не захватишь одним ударом. Если вы будете слушать профессиональных агитаторов, вы проиграете битву. Непомерные требования — оружие обоюдоострое, оно обернется против вас же самих. И голод постучится в ваши двери, и нищета поселится в вашем доме.

— У профсоюза есть средства, чтобы обеспечить забастовку.

— Даже если она будет длиться вечно?

— Она должна кончиться — город не может жить без трамваев, без света. Компании придется дать нам то, что мы требуем! Не падайте духом, товарищи!

Доктор Густаво побагровел от злости:

— Вы не понимаете, что говорите. Я адвокат, я разбираюсь в этих вещах.

— Мы лучше знаем, сколько нам нужно, чтобы не сдохнуть с голоду...

— Правильно, негр, — поддерживает Антонио Балдуино.

Слова просит молодой рабочий. Едва он появляется за столом

президиума, его встречают аплодисментами.

— Кто это? — спрашивает Антонио Балдуино у негра Энрике.

— Рабочий из мастерских. Педро Корумба. Об их семье АВС сочинили. Я читал... Туго им пришлось там, в Сержипе... Он боец закаленный, забастовщик со стажем. Он и в Сержипе бастовал, и в Сан-Пауло, и в Рио. Я его знаю. Я тебя с ним познакомлю.

— Когда я выхожу из дому, я говорю своим детям: вы — братья детей всех рабочих Бразилии. Я говорю это потому, что меня могут убить, а я хочу, чтобы мои дети продолжали работу за освобождение пролетариата. Товарищи! Нас предали. Я не впервые бастую. Я знаю, что такое предательство. Рабочий человек может верить только рабочему человеку. И никому больше. Другие обманывают. Этот вот, — он указывает на доктора Густаво, — желтый. Может быть, ему предложили место в компании. Может быть, ему дали взятку.

Доктор Густаво стучит по столу, протестует, заявляет, что его оскорбили, что он этого так не оставит. Но рабочие не обращают на него внимания. Все взгляды прикованы к Педро. Тот продолжает:

— Товарищи! Нас предали. Мы не можем принять предложение компании. Тогда они подумают, что мы не уверены в своих силах, отнимут у нас прибавку, вышвырнут нас на улицу. Раз уж мы начали, будем стоять до конца. Я лучше умру, чем брошу забастовку на полпути. Мы победим! Обязательно победим! Пролетариат — это сила. Если он сумеет организовать, направить свою борьбу, то он добьется всего... Товарищи! Мы не откажемся от наших требований. Долой предателей! Долой Густаво Баррейраса и «Электрическую компанию»! Да здравствует пролетариат! Да здравствует забастовка!

— Да здравствует забастовка!

У рабочих блестят глаза. Мариано улыбается. Негр Энрике скалит зубы. Антонио Балдуино просит слова:

— Мы, докеры, согласны с товарищем Педро. Мы еще ничего не добились. Мы поддержали рабочих из «Электрической» и надеемся, что и вы нас поддержите. Обмана нам тоже не нужно. Мы тоже хотим, чтобы наши требования были удовлетворены полностью, а не наполовину.

Он предлагает, чтобы Густаво Баррейрас, который их продал, был удален из президиума. Знал бы Антонио Балдуино, что Густаво Баррейрас тот самый жених, что соблазнил Линдиналву, — не выйти адвокату живым из этого зала. Густаво уходит, охраняемый шпиками. Вслед ему несется улюлюканье. Потом председатель просит внимания. Говорит Северино. Он предупреждает, что теперь бороться будет труднее, теперь враги скажут,

что рабочие не желают идти на переговоры. Северино предлагает обратиться к населению, выпустить манифест. Зачитывает составленный им текст. Рабочие единодушно одобряют его. Манифест объясняет, что рабочих предали, но что они будут стоять на своем и начнут работу только в том случае, если компания удовлетворит все их требования.

Какой-то чернявый просит, чтобы его выслушали. Он против продолжения забастовки. Пятидесятипроцентную прибавку надо принять. Это уже что-то. Кто хочет слишком многого, теряет все. Доктор Густаво был прав. Что они, рабочие, могут? Ровно ничего. Полиция покончит с забастовкой в одну минуту...

— Что? Что?

— Покончит в одну минуту. Надо радоваться прибавке.

Он предлагает, чтобы собрание проголосовало за прекращение забастовки и вынесло благодарность доктору Густаво.

Слышны крики:

— Предатель! Взятчник!

Но многие просят, чтобы оратору дали высказаться до конца. Мариано почти согласен со смуглым парнем. Пятьдесят процентов — это уже что-то. Будут упорствовать — могут потерять все. Что тогда делать? Парень спускается в зал, кое-кто аплодирует. Антонио Балдуино кричит прямо с места:

— Люди, глаз вашего милосердия иссяк. Остался злой глаз! Вы что, забыли о тех, кто вас поддерживает? О докерах, о рабочих из пекарен? Если вам нравится предательство — на здоровье. Каждый сам себе хозяин. Но если вы такие дураки, что хотите потерять все, чтобы получить крохи, — можете не сомневаться. Пробью голову первому, кто пройдет в эту дверь. Я буду бастовать до победы!

Северино улыбается. Слова Антонио Балдуино на многих произвели впечатление. Толстяк потрясен, он никогда не слышал ничего подобного. Негр, выступавший после обеда, опять просит слова. Доказывает, что их предали. Снова говорит Педро Корумба, вспоминает похожие случаи из забастовки в Рио, в Сан-Пауло. Тогда они поверили обещаниям юристов, именовавших себя «друзья пролетариата».

Но собравшиеся колеблются, переговариваются. У компромиссного решения все больше сторонников.

Председатель ставит вопрос на голосование. Те, кто за продолжение забастовки, встают. Те, кто принимает предложение компании, остаются сидеть. Но прежде, чем выяснились результаты голосования, в профсоюз врывается молодой рабочий, кричит:

— Арестовали товарища Адемара! Он после обеда отсюда вышел...
Компания вербует людей, чтобы сломить забастовку!

Рабочий переводит дыхание.

— Еще говорят, полиция заставит пекарей завтра дать хлеб.

Все встают, как один человек, голосуют за продолжение забастовки.
Рабочие поднимают сжатые кулаки.

ВТОРОЙ ДЕНЬ ЗАБАСТОВКИ

Разве можно спать в такую чудесную ночь? Негр Антонио Балдуино вместе с Жоакином и Толстяком расклеивают листовки по городу. В листовке, составленной Северино, объясняется, почему надо продолжать забастовку. Друзья наклеивают листовки на столбы, на стены домов в предместьях Рамос-де-Кейрос, Байша-дос-Сапатеiros. Группа бастующих во главе с негром Энрике отправилась в сторону Рио-Вермельо. Другие пошли на шоссе Свободы, на бульвар, в нижний город. Всюду полно листовок. Теперь все узнают, почему рабочие решили продолжать забастовку. Компании мало кто сочувствует. Мелкие служащие едут на работу в маршрутных такси «Маринетти», смотрят на рабочих с симпатией. Компания распространяет слух, что, если победит забастовка, подскочит плата за проезд в трамвае, за телефон, за свет. Но это ни к чему не ведет. Люди только еще больше ожесточаются против компании. Погода стоит прекрасная, поднимает настроение горожан. Хорошее настроение — союзник стачечников.

* * *

Сколько Антонио Балдуино всего понял за один день и одну ночь! Теперь он объясняет положение Толстяку и Жоакину. Антонио Балдуино поражен, — как это Жубиаба не ведает о таких вещах? Жубиаба мудр, он знает тайны богов и духов, помнит о временах рабства. Жубиаба свободен. Но он никогда не призывал рабов с холма Капа-Негро объявить забастовку. Антонио Балдуино поражен.

* * *

Со стороны Ладейра-де-Пелууриньо доносится какой-то шум, он приближается. Происходит что-то непонятное. Бегут люди. Послышался выстрел. В помещение профсоюза входит забастовщик, говорит:

— Полиция заставляет пекарей выдать хлеб.

Из профсоюза выходят группы рабочих. Но шум уже прекратился. На земле валяются корзины с черствыми булками — хозяева пекарен хотели, чтобы разносчики вручили их постоянным клиентам. Разносчик с лиловым синяком под глазом рассказывает:

— Даже конную полицию присылали, но мы не сдались.

Другой разносчик предупреждает: в «Галисийской булочной» тоже собираются отправить клиентам черствые булки. Нанимают безработных, обещают двойную плату. Сулят хорошее место на всю жизнь.

Старый пекарь кричит:

— Не допустим!

Из окон на Ладейра-де-Пелууриньо смотрят люди, много людей. Из профсоюза «Электрической компании» выходят новые группы рабочих. Пекаря поддерживают:

— Мы им покажем, как подрывать стачку...

Антонио Балдуино рвется в бой.

— Морды им набить...

— Не надо, — говорит Северино. — Проведем объяснительную работу. Растволкуем, что они не должны служить орудием борьбы против таких же рабочих, как они сами... Обойдемся без драки...

— Эх, к чему разговоры, если можно сию же минуту набить морду желтым!

— Они не желтые. Их обманули. Мы им все объясним. Северино знает, что говорит.

Антонио Балдуино успокаивается. Скоро и он поймет, что в забастовке один человек — ничто. В забастовке все они — единое тело. Забастовка — все равно что бусы... Антонио Балдуино не обидно, что не он командует забастовкой. Здесь все командиры. Кто даст правильный совет, за тем и идут. Всю жизнь негр Антонио Балдуино боролся, а что толку? Стал рабом подъемных кранов... Путь к свободе для него — путь моря. Забастовка — совсем другая борьба. Сейчас забастовщики вырвут у рабства немного свободы. Но придет день — и они устроят великую забастовку. И тогда с рабством будет покончено. Жубиаба об этом не знает... Безработные, подрядившиеся разносить черствые булки, тоже не знают. Прав Северино. Кулаками ничего не добьешься. Надо убеждать, втолковывать. И негр идет с группой рабочих в «Галисийскую булочную», в Байша-дос-Сапатејрос.

Появляются разносчики. На голове у них огромные корзины — ни дать ни взять карнавальные ряженые. Северино влезает на фонарный столб и, держась одной рукой, произносит речь. Он объясняет разносчикам, что они должны быть солидарны со своими братьями по классу, которые требуют

увеличения зарплаты. Разнося булки, ты оказываешь услугу хозяевам. Предаешь рабочий класс. А ведь ты сам — рабочий.

— Мы-то безработные, — возражает один из них.

— Хочешь чужое место занять? Место товарища, который борется, чтобы всем было лучше? Разве это по совести? Предательство это...

Разносчик бросает корзину с булками. За ним другие.

Все кричат, охваченные единым порывом. Все, даже самые упорные. Даже тот, кто возразил Северино. Даже тот, кого дома ждут голодная жена и дети. Толпа ликует. Двое хотели было улизнуть, но их задержали товарищи. Все идут в профсоюз пекарей, кричат: «Да здравствует забастовка!»

* * *

К вечеру в профсоюзе пекарей стало тревожно. Толстяк ушел обедать, его долго не было, а вернувшись, он принес дурные вести. Хозяин «Объединенных пекарен» послал за пекарями и месильщиками в Фейра-де-Санта-Ана. Их привезут на машинах, и завтра уже будет хлеб, потому что они приступят к работе сегодня ночью.

Среди рабочих началась была паника. Послали связных в профсоюз «Электрической компании», в профсоюз докеров. Если «Объединенным пекарням» удастся выдать хлеб, то с забастовкой пекарей покончено. Тогда прощай прибавка, да еще половину рабочих на улицу вышвырнут. А это тяжело ударит и по рабочим из «Электрической», и по докерам. Без пекарей забастовка потеряет силу. С остальными хозяева легко справятся. Профсоюз пекарей гудит. Речь следует за речью. На площади Кастро Алвеса собрался митинг, требуют освободить рабочего, схваченного вчера вечером. В самый разгар митинга кто-то сообщил о том, что решили предпринять хозяева. Митингующие возмутились, двинулись к профсоюзу пекарей. Туда же пришли представители докеров. Толстяк отправился предупредить рабочих из «Электрической».

В профсоюзе пекарей народу набилось столько, что яблоку негде упасть. Говорят пекари, докеры, трамвайщики, студенты. Попросил слова и рабочий с обувной фабрики. Обувщики готовы объявить забастовку, как только понадобится. Народ все прибывает. Северино уже охрип. Составили манифест, призывающий к всеобщей забастовке, решили — не допустить к работе пекарей, прибывших из Фейра-де-Санта-Ана.

В «Объединенные пекарни» входят три больших предприятия. Одно в

предмесье Байша-дос-Сапатејрос, другое на шоссе Свободы, третье в центре. Забастовщики собрали три отряда, двинулись к пекарням. Северино и другие товарищи вошли в контакт с рабочими ряда фабрик, с шоферами такси «Маринетти». Готовится всеобщая забастовка.

«Электрическая компания» и «Компания по эксплуатации порта» не желают никаких переговоров с рабочими. Они согласны ознакомиться с требованиями бастующих только после того, как те приступят к работе. Хозяева хлебопекарен готовят срыв забастовки.

* * *

Убедить людей, завербованных для работы в пекарнях шоссе Свободы и центра, оказалось нетрудно. Наобещали-то им всякие блага, а хозяин Руис для начала отказался выдать обещанную половину зарплаты. Говорил, заплатит завтра, после работы. Забастовщики призывали к классовой солидарности, по их лицам было видно: работать пришельцам они все равно не дадут, и пекари решили вернуться в Фейра-де-Санта-Ана на тех же машинах, на которых их привезли. Отъезжали, крича «ура» бастующим.

На Байша-дос-Сапатејрос дела шли хуже. Когда подошел отряд забастовщиков, у пекарни уже стояла полиция. В толпе шныряли агенты, сжимая рукоять револьвера в кармане брюк. Рабочие остановились перед пекарней в ожидании машин с завербованными. Когда грузовик наконец показался в конце улицы, один рабочий преградил ему путь, другой влез на столб и начал говорить речь. Он разъяснял пекарям из Санта-Аны, что такое забастовка и чего хотят хозяева.

Улица была забита народом. Прохожие останавливались посмотреть, что будет дальше.

Кто-то сказал:

— Давай поспорим — вернутся они.

— Останутся. Пятерку ставлю.

Подбежали мальчишки и девчонки, игравшие в переулке — смотрят, будто на представление. Ребятишкам интересно. Антонио Балдуино тоже было интересно тогда, в порту, когда арестовали грузчика. Тогда беспризорники повеселились на славу. Кричали вместе с докерами. Рабочий на столбе продолжает говорить речь. Пекари из Фейра-де-Санта-Ана внимательно слушают, многие уже решили вернуться.

Вдруг ударили выстрелы. Стреляли агенты, конная полиция теснила

рабочих. Люди бросились врассыпную, их давили, началась рукопашная. Антонио Балдуино уже сбил кого-то с ног, когда увидел Толстяка. Тот бежал со страшно выпученными глазами, его жирные щеки тряслись. Рабочий на столбе продолжал говорить под пулями. Антонио Балдуино видел, как Толстяк поднял с земли труп застреленной черной девочки и побежал дальше, крича:

— Где бог? Где бог?..

* * *

Пекари из Фейра-де-Санта-Ана вернулись на том же грузовике. На Байша-дос-Сапатеiros осталось лежать двое стачечников. Один был убит наповал, у другого хватило сил улыбнуться.

Кто этот негр, что ходит, вытянув перед собой руки, по улицам города, то пустынным, то оживленным? Почему он выкрикивает проклятия, плачет, спрашивает, где бог? Почему его руки вытянуты вперед, будто он несет что-то хрупкое? Почему он смотрит невидящим взглядом, не замечает мужчин и женщин, которые оборачиваются ему вслед, не замечает кипящей вокруг него жизни, не видит солнца, сияющего над его головой? Что он несет, кого так нежно укачивает? Что, невидимое людским глазам, прижимает он так осторожно к сердцу? Что нужно этому толстому негру с трагическими глазами, проходящему по шумным улицам города? Всем прохожим он задает все тот же тревожный вопрос:

— Где бог? Где бог?

В голосе — безутешное горе. Кто он, наводящий ужас на гуляющих? Никто не знает.

Забастовщики знают. Это Толстяк. Он сошел с ума, когда шпик застрелил из пистолета маленькую черную девочку, игравшую перед пекарней в день митинга. Он отнес труп девочки в дом Жубиабы. С тех пор он повторяет один и тот же вопрос:

— Где бог?

Толстяк был глубоко верующим, и он сошел с ума. Он ходит, вытянув руки, будто все еще несет убитую девочку. Его никто не трогает. Он — смиренный безумец.

Но даже рабочие-забастовщики знают не все. Не знают они, что с этого дня Толстяк носит на руках негрityночку, ожидая, что бог докажет, что он всемогущ и милостив, вернет негрityночке жизнь, и снова будет она

играть с другими детьми в Байша-дос-Сапате́йрос. Тогда Толстяк перестанет повторять свой вопрос, опустит руки, и глаза его снова станут спокойными.

Если бы он знал, что девочка умерла, что ее давно уже похоронили в дешевом гробике, он бы тоже умер. Ведь это бы значило, что глаз милосердия бога — огромный, как вселенная, — закрылся. И Толстяк потерял бы свою веру и тоже умер. Вот почему он ходит по улицам, безобидный безумец, неестественно держа перед собой руки. Он прижимает к сердцу худенькое черное тело ребенка, убитого шпиком. Люди не видят маленькое простреленное тело. Но руки Толстяка чувствуют его тяжесть, сердце Толстяка ощущает его тепло.

ВТОРАЯ НОЧЬ ЗАБАСТОВКИ

Город утратил праздничный вид. После стычки с полицией поползли тревожные слухи, стихло оживление на улицах, «Маринетти» еще ходили, но пассажиров почти не было, шоферы торопились домой, опасаясь беспорядков, случайных выстрелов:

— Пуля — дура...

Обыватели охвачены ужасом. Столкновение полиции с бастующими пекарями в Байша-дос-Сапате́йрос чудовищно раздуто. Говорят о восемнадцати убитых, десятках раненых. Говорят, что полиция собирается атаковать профсоюзы, разогнать бастующих. Хозяйки, дрожа, запирают двери на все засовы. В домах горят керосиновые лампы, свечи. Город объят тревогой.

* * *

В доме Кловиса сегодня не ужинали. Он обещал принести съестного из города, Елена напрасно прождала его целый вечер. Кловис не возвращался. Ходили разноречивые слухи. Узнав о стычке в Байша-дос-Сапате́йрос, Елена побежала на улицу. Но ей сказали, что Кловиса там не было, он отправился с другим отрядом рабочих отстаивать пекарню на шоссе Свободы. Женщина вернулась, немного успокоившись, и снова стала ждать. Детишки, все трое, бегали по комнате, играли в жмурки. Чем она их накормит? В кухне — нетопленная плита. Съестного — ни крошки. Маниоковая мука — и та кончилась. К обеду она уже попросила еды в долг у соседок, обещала отдать, когда муж вернется. Соседки сами нуждаются... На их улице живут пекари, грузчики. Они бастуют. Неловко опять просить. Что же ей с детьми делать? Сейчас забастовка. Мужчины говорят, надо помогать друг другу. Елена не осуждает забастовку, нет. Правы бастующие. Зарплата нищенская, на самое необходимое и то не хватает. Правильно делают, что прибавки просят, что не идут на работу, пока хозяева не станут платить больше. Но о будущем думать страшно. Есть уже сейчас нечего. У соседей припасы кончатся не сегодня-завтра. Где же профсоюзу взять денег, чтобы прокормить такую ораву? Продлись забастовка еще пару дней, и начнется голод. Елена подходит к окну. В дверях соседнего дома стоит

Эрсидия.

— Кловис пришел?

— Нет еще, синья Эрсидия.

— Может, совсем не придет. Энрике сказал, чтобы его не ждали.

Забастовка-то разрастается... мужчины должны быть на улице.

Негритянка улыбается:

— Будем ужинать без него...

И снова Эрсидия улыбнулась. Почему же Елене грустно? Ей не до смеха, она расплакалась.

Эрсидия идет к соседке.

— Что с тобой, Елена?

На кухне — нетопленная плита. Негритянка гладит подругу по волосам:

— Не огорчайся, милая, не будь дурочкой. У нас пока есть харчи, и на вас хватит. Вот выигранут они забастовку — разбогатеет.

Елена улыбнулась сквозь слезы.

* * *

Уложив детей и дождавшись, когда они заснули, Елена набрасывает на плечи шаль и отправляется на улицу Граса. Там живет дона Елена Руис, супруга хозяина. Когда-то Елена работала у них прачкой. Сеньора всегда была добра к беднякам, старалась помочь. Прачку она всерьез называла тезкой.

— Ну, тезка... Чтобы белье чистое было, как снег...

Дона Елена сама вела хозяйство, даром что богатая. Говорила — кому нечего делать, того одолевают дурные мысли. И хотя ходила хозяйка и в кино, и в гости, и на прогулки, у нее всегда хватало хлопот по дому. Муж умолял ее не заниматься хозяйством, у них ведь служанки есть, умолял не губить своей красоты и молодости на кухне — ей было двадцать два года, но дона Елена и слышать ничего не хотела.

— Если поручить все служанкам, у тебя и рубашки порядочной не будет... А потом, мне это нравится...

Муж целовал ее в щечку, и нежная пара отправлялась в кино. По дороге муж рассказывал ей о делах, с гордостью говорил об успехах «Объединенных пекарен». Хотел открыть еще одно предприятие в Итапажипе. Она улыбалась. Она восхищалась им. Какого необыкновенного

человека дал ей в мужья господь бог! Руис уверял ее:

— Это ты приносишь мне счастье. Без тебя не знаю, что бы я делал...

Благодаря доне Елене Кловис устроился работать в пекарне. Прачка попросила, и на следующий же день Кловис получил место. Теперь прачка снова идет к хозяйке, которую не видела уже два года, с тех пор, как Кловис работает. Узнает ли дона Елена свою тезку?

Дона Елена сидит в гостиной, вышивает. Наверху принимает ванну муж — сегодня он вернулся домой вспотевший, грязный. Весь день он суетился, бегал, искал людей — работать в пекарнях.

* * *

Едва узнав о приходе прачки, дона Елена распоряжается, чтобы ее провели в гостиную. Бросает вышивание, которым занималась при свете керосиновой лампы. (Муж сердился: испортишь зрение, Елена...) Дона Елена улыбается женщине, которая стоит перед ней, опустив глаза:

— Наконец-то, тезка, собралась нас поведать...

— Занята я очень, дона Елена... с детьми разве найдешь время...

— Знаешь, тезка? Такой прачки, как ты, у меня больше не было...

Елена нерешительно улыбается. Дона Елена чувствует — прачка пришла с какой-то просьбой.

— Тебе что-нибудь нужно?

Елена не знает, с чего начать. Она мнетя, ломает пальцы. Дона Елена спрашивает:

— Случилось что-нибудь? С детьми? С мужем?

— Слава богу, ничего пока не случилось, дона Елена... Только забастовка вот...

— Ах! Забастовка! Руис тоже страшно расстроен...

— Да ведь от него все зависит...

Дона Елена ничего не знала. Прачка рассказывает ей о жизни в предместье, о пекарях, получающих за работу гроши, о голодных семьях, о больных детях. Забастовка правильная, просят они сущие пустяки, а сейчас им совсем есть нечего. Ее детей сегодня соседка накормила, сжалилась... У других голодают дети...

Дона Елена потрясена. В глазах у нее слезы:

— Голодные дети! Не может этого быть...

Может. А одну негритянскую девочку убили сегодня полицейские во

время стычки с пекарями. Это еще не все. Другие дети плачут от голода.

— Еще день, два — пойдем по миру... А ведь мы так мало просим!

Дона Елена взволнована. Она встает. Руис, конечно, ни о чем не подозревает. Если бы он это знал, он бы давно увеличил жалованье рабочим.

— Руис — такой добрый... Дона Елена ведет прачку в кухню. Собирает ей гостинцы, все самое лучшее. И еще деньгами дает двадцать мильрейсов. Женщина уходит, сторбившись, как рабыня, плача, как рабыня. Дона Елена утешает ее:

— Не беспокойся, тезка. Я сию же минуту поговорю с Руисом. Он ничего не знает. Я расскажу ему, и он сразу повысит зарплату. Он такой добрый.

* * *

Когда жена входит в комнату, Антонио Руис, владелец «Объединенных пекарен», надевает шелковую рубашку. Его пугает выражение ее лица:

— Что с тобой, детка? — Он подходит, целует ее. — Тебе скучно? Почему ты не пошла в кино? — Руис смеется: — Забастовка отняла кино у моей ненаглядной душеньки... у моего ангела...

— Я о забастовке хочу поговорить с тобой, Руис.

— Ударилась в политику, детка?

В комнате рядом, в роскошной кровати, среди дорогих кукол спит их дочка. Дона Елена вспоминает о голодающих детях.

— Ты должен принять их требования и дать прибавку...

Муж подпрыгивает, как ужаленный.

— Ты что? — В его голосе — резкость, которой дона Елена раньше не слышала. Он спохватывается, продолжает нежно: — Счастье мое, ты ничего в этом не понимаешь.

— Кто тебе сказал, что не понимаю? Понимаю лучше, чем ты (перед ее внутренним взором — голодные дети). Я знаю то, о чем ты даже не подозреваешь...

Дона Елена, волнуясь, передает мужу все, что рассказала ее прачка. Кончив, она торжествующе улыбается:

— Видишь, я знаю такие вещи, которые тебе и не снились. Твоя женушка прекрасно осведомлена.

— Кто тебе сказал, что я этого не знаю?

— Ты знаешь? Знаешь, и...

Дона Елена ошеломлена. Ее будто обухом по голове стукнули. У нее потемнело в глазах, голос осекся... Муж обнимает ее.

— Что ты, Лена? Да, я знаю...

— И... ты не даешь им прибавки? Это же преступление!

Удивление Руиса не наигранное — настоящее.

— Почему преступление?

Дона Елена не может прийти в себя. Она возмущена, испугана.

— По-твоему, это не преступление — допускать, чтобы эти люди, эти женщины, эти дети умирали от голода...

— Я, милая, тут не при чем. Так заведено с сотворения мира. Всегда были бедные и богатые.

— Но, Руис, ведь там голодают дети... маленькие дети... такие, как наша Ленинья... Ты представь себе: Ленинья плачет от голода! Боже мой, какой ужас...

Руис нервно ходит по комнате.

— Почему ты лезешь не в свое дело? Ты в этом не разбираешься...

— Ты такой добрый... Я думала...

— Я — как все. Не хуже, не лучше.

Воцаряется тишина. Из другой комнаты слышно ровное дыхание спящей девочки. Руис пытается объяснить:

— Да ты знаешь, чего им надо?

— Они хотят так немного...

— А давать им ничего не нужно. Если сейчас я дам им эту прибавку, завтра они захотят еще, потом еще, потом потребуют все пекарни...

— У них голодные дети. И зарплата нищенская. Ты никогда не рассказывал мне об этом. Я ничего не знала. Если бы я знала...

Руис обрывает ее:

— Ну и что? Что бы ты сделала? Много ты понимаешь. Я борюсь за то, чтобы у тебя был автомобиль, дом, чтобы Ленинья ходила в гимназию. Ты считаешь, я должен работать на этот сброд?

— Но они просят так мало, Руис. Не может быть, чтобы тебе нравилось смотреть на чужие страдания.

— Мне не нравится. Но тут не до сантиментов. Это очень серьезно. Я не могу позволить себе раскиснуть, расчувствоваться. Я — хозяин, борюсь за свои интересы. Если сегодня я уступлю им палец, завтра они отхватят всю руку. Ты что — хочешь остаться без автомобиля, без дома, без слуг? А Ленинья? Я борюсь за все это, борюсь за наше имущество, за наши деньги... За твой комфорт, черт возьми!..

Он ходит по комнате и внезапно останавливается перед женой:

— Не думай, Лена, будто мне приятно знать, что они голодают. Совсем не приятно. Но война есть война.

Из соседней комнаты доносится дыхание дочери. Голодные дети... дети, оставшиеся без ужина... дети, которые плачут, потому что нечего есть... А он находит это естественным. Он, ее муж, которого она боготворила, считала добрым, неспособным и муху обидеть. Тут — какая-то страшная тайна, которую она не в состоянии понять. Но дети плачут от голода. Значит, если бы Руис оказался менее удачливым, Ленинья плакала бы от голода. И дона Елена в слезах умоляет мужа пойти на уступки.

— Не могу, милая, не могу. Это — единственное, чего я не могу для тебя сделать.

И он снова принимается объяснять, что война есть война, что уступи он им палец, они потребуют руку, захотят еще прибавку, потом еще...

— Я задушу забастовку голодом...

Он подходит к жене, хочет погладить ей волосы:

— Не плачь, Лена...

Он обнимает ее. (Дети рабочих плачут от голода...)

— Не тронь меня! Ты чудовище... Уйди!

Она рыдает, она глубоко несчастна, ей жаль себя, жаль мужа... Как она завидует забастовщикам!

Она шепчет, захлебываясь слезами:

— Голодные дети... Голодные дети...

* * *

Кловис задержался в профсоюзе, слушает речи. После стычки с полицией дело приняло крутой оборот. Люди возбуждены, рвутся в бой. Удержать их трудно. Выпущены листовки, требующие немедленного освобождения арестованных забастовщиков. Ходят самые невероятные слухи. В зал врывается рабочий, кричит, что полиция идет громить профсоюз. Все готовятся к отпору. Тревога оказалась ложной, но нападения можно ждать с минуты на минуту. В девять часов вечера приходит весть — дело докеров выиграно! Но на собрании в своем профсоюзе они заявляют, что не прекратят забастовки, пока не будут удовлетворены требования пекарей и трамвайщиков. Докеры идут в профсоюз «Электрической компании» сообщить об этом решении. Речи прерываются неожиданной

новостью — полиция схватила несколько человек, их избивают, хотят заставить работать. Профсоюз шумит, словно штормовое море. Все выходят на улицу. Отправляют комиссии для переговоров с шоферами «Маринетти», с шоферами городских такси, с рабочими разных фабрик. Большой отряд бастующих направляется к зданию «Электрической компании», чтобы выразить свой протест. Люди взвинчены до предела. Десять часов вечера.

* * *

У конторы стоит машина. Это — «Гудзон» директора, того самого янки, которому платят двенадцать тысяч в месяц. Директор как раз спускается вниз по лестнице, попыхивая сигарой. Шофер собирается открыть дверцу. Антонио Балдуино, подошедший с другими бастующими, кричит:

— Хватай его, ребята! Будет и у нас арестант!

Директора окружили. Стража, охранявшая здание, бросилась наутек. Антонио Балдуино тащит директора за руку, рвет на нем белый костюм. Толпа воет:

— Линчуй его!

Антонио Балдуино заносит кулак. Но его останавливает голос Северино:

— Не трогать. Мы рабочие, а не убийцы. Отведем его в профсоюз.

Антонио Балдуино в бешенстве опускает руку, Но он согласен — так надо. Забастовку в одиночку не сделаешь. Ревущая толпа уводит американца в профсоюз «Электрической».

Весть о пленении директора облетает город. Полиция настаивает, чтобы его выпустили. Вмешивается американское консульство. Забастовщики в ответ требуют освобождения политических заключенных. Требуют, чтобы арестованных не принуждали работать. В одиннадцать часов вечера арестованные рабочие появляются в профсоюзе. Говорят — американский консул обратился в полицию с просьбой их выпустить. Боятся, как бы рабочие не убили директора. Директора отпускают. Вслед ему летят острые шутки. Профсоюз торжествует. Антонио Балдуино говорит негру Энрике:

— Этот живьем ушел. Но попадись мне в лапы доктор этот, Густаво, — ух!

Он потирает руки. Жизнь хороша. Бастовать здорово.

* * *

Прошло полчаса. В профсоюзе под аплодисменты зачитывают еще один манифест. Шоферы «Маринетти», шоферы городских такси, рабочие двух ткацких и одной табачной фабрики объявят завтра забастовку, если требования пекарей и трамвайщиков не будут удовлетворены этой же ночью. Педро Корумба начинает свою речь словами:

— Объединившись, рабочие могут завоевать мир.

Антонио Балдуино обнимается с парнем, которого видит впервые в жизни.

* * *

В полдень в губернаторском дворце представители «Электрической компании» и хозяева хлебопекарен доводят до сведения рабочей комиссии, что требования бастующих приняты. С завтрашнего дня начнут действовать новые расценки. Забастовка кончается полной победой рабочих.

Антонио Балдуино идет к Жубиабе. Теперь он смотрит, как равный, на Жреца Черных Богов. Он говорит, что открыл истину, воспетую в АВС, нашел верный путь. У богачей закрылся глаз милосердия. Но люди, если они захотят, могут уничтожить злой глаз. И Жубиаба, колдун и жрец, склоняется перед Антонио Балдуино, будто перед ним — Ошолуфан, древний Ошала, могущественнейший из богов.

ХАНС-МОРЯК

Антонио Балдуино прячет в карман сто двадцать мильрейсов, которые он выиграл сегодня вечером. На город медленно спускается ночь. Несколько ночей подряд в городе не зажигались огни. Забастовка остановила все. Нет, думает Антонио Балдуино. Не все. Это его жизнь до сих пор будто стояла на месте. Забастовка открыла ему глаза, теперь он знает, что надо бороться. Вот уже больше месяца прошло, а он все напевает потихоньку самбу «Да здравствует забастовка», которая облетела весь город в утро победы. Антонио Балдуино поет и одно за другим припоминает события тех дней:

Нам наших заработков скудных хватало на один укус, и вот потребовал прибавки тогда рабочий профсоюз.
Мы объявили забастовку, чтобы хозяев припугнуть: пускай узнают, что рабочий к своим правам отыщет путь.

Слова сочинил Перминио Лирио. Поется на мотив «Ну и дела». Люди расхватывали отпечатанные листки с текстом самбы. На другой день после забастовки только ее и пели на улицах, по которым снова пошли трамваи. Поет Антонио Балдуино, и снова чувствует себя в гуще событий. Вначале его привлекала драка и шум, все то, что страстно любил он с детства. Потом бывший боксер постиг и другое: забастовка нечто посерьезнее, чем просто шум и драка. Это — ясная цель, это то, когда знаешь, за что борешься. Такая борьба прекрасна. Забастовщики помогали друг другу, защищали друг друга в борьбе против рабства. Забастовка стоит того, чтобы сложить о ней АВС. Мало одной только самбы, которую напевает Антонио Балдуино:

И вот не выпекают хлеба, и не печатают газет, и замолчали телефоны, и всюду выключили свет.
У нас такой рабочей стачки не видывали никогда: не ходят в городе трамваи, остановились поезда.

Правду говорит самба. Люди, которых раньше Антонио Балдуино презирал, считая их рабами, неспособными постоять за себя, остановили

всю жизнь города. Прежде Антонио Балдуино думал, что он и его друзья — бродяги, нарушители спокойствия, не расстающиеся с ножом, свободны по-настоящему. Что именно они — хозяева благочестивой Баии. Потому и было ему тошно, и с собой хотелось покончить, когда пришлось идти работать грузчиком. Теперь он понял. Трудящиеся пока еще рабы, но они борются за свободу. Правильно говорит самба:

Хоть поначалу фабриканты не уступали нипочем, но трудовой народ боролся, и он поставил на своем.

Так пусть у нас царит веселье и все танцуют и поют.

Да здравствует Баия наша!

Да здравствует рабочий люд!

Это совсем не та борьба, о которой он узнавал на холме Капа-Негро из АВС, бесед перед домом тетушки Луизы, из рассказов Жубиабы и негритянских песен, Антонио Балдуино думал, что бороться — значит быть свободным бродягой, нигде не работать. Теперь ему ясно — настоящая борьба другая. Борьба — это стачка, это бунт угнетенных. Этого не знал даже Жубиаба. Негр Антонио Балдуино смеется — забастовка вернула ему его прежний беззаботный смех. Он так громко поет последние строки самбы, что пугает бледную проститутку, похожую на девушку, которая поливает цветы в окне старого дома в Ладейра-да-Монтанья.

На землю опустилась ночь, из-за моря вышла луна и поднялась к звездам. Толстяк идет, верно, где-нибудь по улице Чили, вытянув руки — будто несет перед собой что-то, и спрашивает, где бог. На небе горит Зумби из Палмареса. Белые думают: это планета Венера. Но Антонио Балдуино и все другие негры знают: это Зумби, отдавший жизнь, чтобы не быть рабом. Зумби знал то, что только сейчас понял Антонио Балдуино. Парусники спят у причала. Один «Скиталец» собирается в плавание, нагруженный ананасами, фонарем освещая свой путь. Мария Клара поет, стоя на палубе. От нее исходит аромат моря. Она родилась на море, она трепещет перед ним и любит его. Антонио Балдуино тоже влюблен в море. В море видится ему путь домой. Когда умерла Линдиналва, ему казалось, что он не сумеет уже совершить ничего героического и никто не сложит о нем АВС. И он захотел уйти в море и обрести успокоение в смерти. Но портовые грузчики, люди моря, подарили ему забастовку. Море — это путь домой. Антонио Балдуино всматривается в темно-зеленую гладь, позолоченную луной. Издалека доносится голос Марии Клары.

Куда держу я путь, Мария?

На безлюдной пристани играет старик шарманщик. Под звуки негромкой музыки покачиваются рыбацьи лодки, парусники, океанские корабли. Музыка летит в таинственный океан, призывающий Антонио Балдуино. Не будь забастовки, волны обняли бы его тело в какую-нибудь безлунную ночь. Не будь забастовки, он отступился бы от борьбы, от своего АВС и не светил бы ему Зумби из Палмареса, которого белые называют Венерой. Вдали мелькнула какая-то тень. Может быть, это эквилибрист Роберт, сбежавший из цирка? Не все ли равно. Шарманка плачет. Голос Марии Клары смолк в океанских просторах. Мануэл стоит у штурвала. Все тайны моря открыты ему. Он будет любить Марию Клару в лунном свете. Морские волны пеной обдадут их тела, любовь станет еще прекраснее. Прибрежный песок кажется серебряным. Белый прибрежный песок, на котором Антонио Балдуино любил столько мулаток. И все они в его объятиях были веснушчатой Линдиналвой. Не будь забастовки, лежало бы теперь на песке тело Антонио Балдуино, распухшее, как тело Карлика Вириато, и щелкали бы клешнями раки-сири. Вдали светит фонарь парусника. Слышна ли на нем шарманка старого итальянца? Когда-нибудь, думает Антонио Балдуино, он обязательно уйдет в дальнее плавание, увидит новые земли.

Когда-нибудь он вступит на палубу корабля — огромного, как этот ярко освещенный голландец, и отправится вдаль широкой океанской дорогой. Забастовка спасла его. Теперь он умеет бороться. Забастовка — это его АВС. Корабль отшвартовывается. Матросы видели забастовку. Они расскажут в далеких странах о борьбе негров Баии. Оставшиеся машут с берега уходящему кораблю. Отплывающие смахивают слезинки. Почему, уезжая, люди плачут? Неизвестность захватывает. Даже если это морская пучина, в которую ушел Вириато Карлик. Но лучше — уйти в борьбу, в забастовку. Когда-нибудь Антонио Балдуино уйдет в плавание на большом пароходе и поднимет стачку во всех портах мира. Отплывая, он тоже будет махать остающимся. Прощайте, друзья, не поминайте лихом. В небе горит Зумби-дос-Палмарес. Он знает: Антонио Балдуино не будет больше искать в море смерти. Его спасла забастовка. Когда-нибудь он тоже будет махать платком с палубы океанского корабля. Шарманка играет грустный прощальный вальс. Антонио Балдуино будет махать не так, как дамы и господа из первого класса, расстающиеся с друзьями, родителями, заплаканными женами, опечаленными невестами. Он будет, как тот

светловолосый матрос, что стоит в глубине, у рубки, и машет матросской шапкой, прощаясь со всей Баией, с проститутками Табоана, с рабочими, победившими в забастовке, с бродягами из «Фонаря утопленников», со звездами, среди которых блестит Зумби-дос-Палмарес, с небом, с желтой луной, со стариком шарманщиком и с самим Антонио Балдуино. Он будет прощаться с городом, как этот моряк. Прощайте! Я выстоял забастовку, я научился любить всех мулатов, всех негров, всех белых, которые, на суше и в трюмах судов, борются, чтобы разбить цепи рабства. И негр Антонио Балдуино, подняв огромную мозолистую руку, прощается с моряком Хансом.

АВС АНТОНИО БАЛДУИНО

Здесь Антонио жил Балдуино, чернокожий буян и храбрец.
Был он парень разгульный и шалый, но добрей не бывало сердец.
До бабья был охочий он малый, и девчонок имел он без счета, но
при том был за правду борец.

...

Здесь с изменой он встретился подлой и нашел свой печальный
конец.

(Из АВС Антонио Балдуино)

АВС Антонио Балдуино в красной обложке с фотографией, сделанной в бытность его боксером, продают за двести рейсов на набережной, на парусниках, на ярмарках, на Образцовом рынке в пивных. АВС покупают молодые крестьяне и портовые грузчики, светлокожие моряки и женщины, любящие моряков и крестьян, и белозубые веселые негры, на груди у которых татуировка — якорь, сердце или женское имя.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

[Другие книги серии «Библиотека сентиментального романа»](#)

notes

Примечания

1

Каброша — темная метиска, почти негритянка.

Жагунсо — здесь: участник крестьянского восстания 1894г.

Мунгунса — лакомое блюдо, приготовленное из зерен кукурузы в сладком сиропе, иногда с кокосовым или коровьим молоком.

4

Мингау — сладкая каша из пшеничной или маниоковой муки.

Стихи в романе «Жубиаба» даются в переводе И. Чежеговой.

АВС — куплеты, каждый из которых начинается с очередной буквы алфавита. Обычно в них излагается история жизни какого-нибудь популярного героя.

Наго — африканская народность.

Батуке — танец негров Баии, исполняется под аккомпанемент ударных инструментов.

Макумба — негритянский языческий религиозный обряд, сопровождаемый танцами и песнями.

Капоэйра — атлетическая игра, сложные приемы которой включают умение владеть ножом и кинжалом.

Тирана — бразильский танец типа фанданго.

Коко — народный танец, распространенный на севере Бразилии.

Жараракусу — ядовитая змея.

Кандомбле — то же, что макумба.

Сертан — засушливый район Бразилии.

Фазенда — крупное земельное хозяйство, поместье.

Жагунсо — здесь: наемный бандит из охраны богачей-fazendeiros.

Гринго — презрительное прозвище иностранцев, особенно англичан и североамериканцев.

Сарапател — блюдо из свиной и бараньей крови и ливера.

Акараже — блюдо из мятой фасоли, поджаренной на пальмовом масле.

Капа-Негро — здесь: буквально «Холм кастратов».

Тостан — старая португальская и бразильская монета.

Кокада — сладкое из кокосового ореха.

Кажу — бразильский фрукт.

Палмарес — республика, созданная беглыми неграми-рабами на севере востоке Бразилии (1630-1695 гг.).

По окончании университета дипломированные адвокаты, инженеры, врачи получали кольцо с эмблемой, свидетельствующей о высшем образовании.

Террейро — здесь: место проведения ритуальных церемоний (макумбы, кандомбле), сопровождаемых ритуальными плясками.

Абара — блюдо из вареной фасоли, приправленной перцем на пальмовом масле.

Эшу — негритянское языческое божество, олицетворяющее враждебные человеку силы.

Агого, кабаса — африканские музыкальные инструменты.

Ога — член языческой секты: он помогает старшему жрецу или старшей жрице в ритуальной церемонии.

Иаво — жрицы, которые во время ритуальной церемонии впадают в транс, после чего «перевоплощаются» в различные женские божества.

Оришала — верховное божество среди второстепенных божеств афробразильского языческого культа.

Ошала — высшее божество афро-бразильского языческого культа.

Шиншин — жаркое с протертыми овощами, приправленное луком и чесноком.

Сапоти — бразильский фрукт.

Фейжоада — блюдо из фасоли и вяленого мяса.

Эвтерпа — одна из девяти муз, покровительница лирической поэзии. 7 сентября 1822 г. была провозглашена независимость Бразилии.

Машише — быстрый бразильский танец.

Жангада — парусный рыбацкий плот.

Мандинга — сверток с предметами, которым приписывается колдовская сила.

Праздник Бонфина — Имеется в виду полуязыческий праздник, ежегодно устраиваемый баианскими неграми у церкви, стоящей на холме Бонфин.

Кускуз — кусочки теста из рисовой или кукурузной муки, сваренные на пару.

"Каравелла «Катаринета»— название старинного португальского романа времен великих географических открытий.

Лампеан Виргулино — известный бандит, державший в страхе весь северо-восток Бразилии.

Принцесса Изабелла (1846-1921) — дочь императора Бразилии Педро II. Во время своего регентства в 1888 г. подписала закон об отмене рабства.